Оглавление

Список сокращений **vi**

От авторов **viii**

1 Введение. Язык и гармония мира **1**
1.1. Появление генеративной грамматики 1
1.2. Вершки и корешки 4
1.3. Гипотеза врожденной языковой способности . . . 6
1.4. Поведение языка 9
1.5. Ранние версии генеративной грамматики 11
1.6. Теория управления и связывания 13
1.7. Теория принципов и параметров 15
1.8. Параметр нулевого подлежащего 17
1.9. Последние версии генеративной грамматики . . . 21
1.10. Структура книги 22

I Основы генеративной грамматики **26**

2 X-штрих-теория **27**
2.1. Части речи 27
2.2. Группы в языке 29
2.3. Части речи и типы групп 31
2.4. Общая схема: вершины, комплементы, спецификаторы 34
2.5. Структура предложения 38
2.6. Адъюнкты 40

2.7. Сложные предложения, комплементаторы 42

3 Другие базовые свойства синтаксических структур 45
3.1. Линеаризация. Параметр расположения вершины 45
3.2. Структурные отношения: сестринство, доминирование, с-командование 50
3.3. С-командование при анализе полярных элементов 52

4 Тета-теория 56
4.1. Аргументы и предикаты 56
4.2. Тета-критерий 59

5 Передвижения и теория ограничения 62
5.1. Передвижения и следы 62
5.2. Длинные передвижения вопросительных групп . . 66
5.3. Ограничивающие узлы 68
5.4. Передвижения глагольной вершины во французском языке 72
5.5. Языки V2 и языки VSO 75

6 Падежная теория 82
6.1. Абстрактный и морфологический падеж 82
6.2. Структурные и ингерентные абстрактные падежи 83
6.3. Передвижения именных групп, связанные с абстрактным падежом 85
6.4. ECM и контроль 88
6.5. Пассивные конструкции 92

7 Позиции аргументов глагола 97
7.1. Передвижение подлежащего из глагольной группы 97
7.2. Глаголы с двумя дополнениями и оболочка глагольной группы 98
7.3. Глаголы с одним аргументом: неэргативные и неакузативные 103

8 Еще раз о передвижениях 106
8.1. Сильные и слабые острова 106
8.2. Объяснение ограничений на передвижения 111
8.3. Относительная минимальность 117

8.4. Эффект крысолова и зависание предлогов 119

9 Признаки 124
9.1. Фонологические признаки 124
9.2. Семантические и морфосинтаксические признаки 126

II Современная генеративная грамматика 131

10 Минимализм 132
10.1. Избавление от лишнего 133
10.2. Структура групп 135
10.3. Уровни грамматики 139
10.4. Признаки, согласование и ограничения на внутренние соединения 144
10.4.1. Ранний минимализм 145
10.4.2. Более поздние подходы 148
10.5. Ограничения, связанные с локальностью: атавизм? 151
10.6. Субкатегориальные признаки и ограничения на внешние соединения 159

11 Новый взгляд на функциональные проекции 162
11.1. Цепочка проекций вокруг TP 163
11.1.1. Иерархия функциональных проекций, предложенная Гильельмо Чинкве 163
11.1.2. Более подробное описание функциональных вершин 169
11.1.3. Критика теории Чинкве 176
11.2. Проекции над именными группами 177
11.2.1. Группа детерминатора DP 177
11.2.2. Различные элементы внутри DP 181

12 EPP и передвижения в область вершины T 187
12.1. Различные значения термина EPP 187
12.2. Межъязыковая вариация 188
12.3. Модель Дэвида Песецкого и Эстер Торрего 194
12.4. Русский язык и EPP в области T 197
12.4.1. Типологическая аномалия 197
12.4.2. Позиции финитного глагола и подлежащего 200

12.4.3. Позиции других групп и эксплетивы 204
12.4.4. История языка и подведение итогов 208

13 Место морфологии в системе 211
13.1. Ключевые проблемы, стоящие перед морфологическими теориями 211
13.2. Два подхода к морфологии 214
13.3. Распределенная морфология 215
13.3.1. Алломорфы 218
13.3.2. Синкретизм 220
13.3.3. Нелексикалистские подходы: выводы 222
13.4. Лексикализм как альтернатива РМ 223

14 Теория связывания 226
14.1. Чем занимается теория связывания 227
14.2. Связывание и кореференция 229
14.3. Подход к связыванию в теории управления и связывания 235
14.4. Проблемы классической теории связывания 238
14.5. Новые подходы к связыванию 241
14.5.1. Простые анафоры 242
14.5.2. Прономиналы 244
14.5.3. Сложные анафоры 246

15 Вид русского глагола в генеративном освещении 250
15.1. Три мифа о глагольном виде 250
15.1.1. Миф 1. Славянский вид — уникальное явление 251
15.1.2. Миф 2. Вид тесно связан с приставками . . 255
15.1.3. Миф 3. Вид — тема не для синтаксиста . . 256
15.2. Грамматический и лексический аспект 259
15.3. Проблема вида русского глагола 264
15.3.1. Проблемы 264
15.3.2. Способы решения проблем с точки зрения генеративной грамматики 266
15.4. Синтаксические модели глагольного вида в русском языке 270
15.4.1. Лексический аспект 270
15.4.2. Грамматический аспект 273

15.5. Некоторые перспективные направления исследования 277

16 Генеративные теории информационной структуры предложения 279

16.1. Знакомство с основными понятиями и проблемами 279
16.2. Как получаются разные порядки слов 283
16.3. Признаковые модели информационной структуры 285
16.4. Конфигурационные модели информационной структуры 289

17 То, что осталось за кадром 295

17.1. Эллипсис 295
17.2. Придаточные предложения 299
17.3. Глаголы: серии, комплексы, инфинитивы 302
17.4. Клитики 305
17.5. Падеж 307

Вместо послесловия: беседа с Дэвидом Песецким 311

Ответы к заданиям 319

Литература 328

Предметный указатель 355

Список сокращений

АБС – абсолютивный (падеж)
АРТ – артикль
ВИН – винительный (падеж)
ВОЗВР – возвратное (местоимение)
ВСП – вспомогательный (глагол)
ДЛИТ – длительный (аспект)
ЕД – единственное (число)
ЖЕН – женский (род)
ИЗЪЯВ – изъявительное наклонение
ИМ – именительный (падеж)
ИМПЕРФ – имперфект
ИНФ – инфинитив
КОМПЛ – комплементатор
КОП – копула (глагол-связка)
ЛОК – локативный (падеж, маркер)
МОД – модальный (глагол)
МУЖ – мужской (род)
НЕГ – негативная (отрицательная) частица
ПАРТ – партитивный (падеж)
ПЕРФ – перфект (аспект)
ПОСЛ – послелог
ПРЕДЛ – предлог
ПРЕТ – претерит
ПРИЧ – причастие
РОД – родительный (падеж)
ТР – переходный (глагол)
УСЛ – условное (наклонение)
ЧАСТ – частица
ЭВИД – эвиденциалис
ЭКСПЛ – эксплетивное (местоимение)
ЭРГ – эргативный (падеж)

Ивану Павловичу Панкову, математическому лингвисту и веселому человеку

От авторов

Генеративная грамматика, которой посвящена эта книга, — самая распространенная в мире лингвистическая теория. Однако в России до недавнего времени была хорошо известна только ранняя ее версия — так называемая стандартная теория 1960-х годов. С 1970-х годов интерес к генеративной грамматике среди российских лингвистов начал угасать. Это объяснялось популярностью у нас другого направления формальной лингвистики, модели "Смысл-Текст" И.А. Мельчука, а также крайне враждебным отношением официальной советской науки к основоположнику генеративизма Ноаму Хомскому, которого обвиняли в "идеализме". В результате в России развивались другие лингвистические направления, которыми можно было заниматься беспрепятственно, в то время как современные версии генеративной грамматики были почти никому не интересны.

Однако в начале XXI века ситуация с изучением генеративной грамматики в России стала быстро меняться. Сейчас генеративизм преподают в МГУ, РГГУ и СПбГУ, многие российские студенты изучают его за рубежом. Доступ к научной информации и к учебным материалам на английском языке стал несравнимо легче, чем в 1990-е годы. Тем не менее, "Введение в генеративную грамматику" на русском языке должно значительно упростить знакомство с этой теорией для российских читателей.

Наша книга не является каноническим учебником, поскольку мы постарались учесть весь спектр задач, связанных с представлением российскому читателю новой теории. Это одновременно и введение для начинающих с элементами научно-популярной литературы, и описание передового края сложной науки, которое не может не содержать обзорную информацию. Мы стара-

лись написать такую книгу, чтобы ее могли прочесть не только те, кто собирается заниматься генеративной грамматикой или вообще грамматикой, но также все интересующиеся изучением устройства языка, независимо от предварительной подготовки. Общение с коллегами из смежных научных областей показало нам необходимость появления книги, которая бы соединяла элементы популярного чтения, учебника на русском материале и справочника для тех, кто хочет углубиться в какие-то конкретные аспекты генеративного синтаксиса, поскольку генеративная грамматика отпугивает своей сложностью тех, кто пытается понять ее основные положения, но не имеет времени разбираться в подробностях.

* * *

Книга начинается с вводной главы, в которой в популярной форме описываются суть генеративного подхода и история его развития. Затем следуют две основные части книги. В первой части, в которую вошли главы 2–9, читатели познакомятся с основами генеративной грамматики. Эти главы написаны максимально просто, чтобы их мог прочесть даже неподготовленный читатель. Во второй части, содержащей главы 10–17, рассказывается о современном состоянии генеративной грамматики и достаточно глубоко и подробно анализируется несколько областей исследования внутри нее, отобранных так, чтобы дать о ней читателю разностороннее представление. Соответственно, по сравнению с первой частью сложность материала повышается.

О.В. Митренина написала главы 1–5, разделы 1–3 главы 6, а также главы 7 и 9. Е.Е. Романова написала разделы 2.1 и 2.3, главу 8, раздел 6 главы 10 и главы 13 (кроме раздела 13.4, написанного Д.В. Герасимовым), 15 и 17. Н.А. Слюсарь написала разделы 1.10, 3.1, 5.5, разделы 4–5 главы 6, главы 10–12, 14 и 16. Кроме того, все три автора много исправляли и дополняли главы друг друга, самое серьезное редактирование текста провела Н.А. Слюсарь. Всю работу по верстке и кропотливому оформлению книги взяла на себя Е.Е. Романова. А главным инициатором создания этой книги и организатором работы выступила О.В. Митренина.

В заключение мы хотели бы упомянуть тех, кто помогал нам

в написании этой книги. Прежде всего, мы благодарны Джону Бейлину, который много потрудился для распространения генеративизма в России. Ему принадлежит идея написания простого учебника по генеративной грамматике, и в первой половине нашей книги мы ориентировались на его способ подачи материала. Нам очень помогли профессор Института лингвистики РГГУ Яков Георгиевич Тестелец и старший научный сотрудник Института славяноведения РАН Петр Михайлович Аркадьев, высказавшие множество важных замечаний к различным разделам нашей книги. К сожалению, мы смогли воплотить в жизнь только часть из них. Также хотелось бы поблагодарить других российских и зарубежных ученых, помогавших нам советами и замечаниями. Это Д.В. Герасимов (Санкт-Петербург), И.В. Азарова (Санкт-Петербург), А.С. Герд (Санкт-Петербург), Ася Перельцвайг (Стэнфорд, Калифорния), Барбара Парти (Амхерст, Массачусетс – Москва), Масатака Хикита (Токио – Санкт-Петербург), Ресул Чакыроглу (Анкара – Санкт-Петербург), П.В. Иосад (Тромсё).

Глава 1

Введение. Язык и гармония мира

1.1. Появление генеративной грамматики

В 1687 году Исаак Ньютон сформулировал законы классической механики. Спустя двести с лишним лет Альберт Эйнштейн создал теорию относительности, показав ограниченность физики Ньютона. Однако и эти, и другие физические теории, дополняющие и сменяющие друг друга, объединяет одна идея — идея о гармонии мира, о том, что за царящими вокруг нас пестротой и хаосом кроются строгие законы.

Причастен ли к гармонии мира язык? Или он состоит только из разрозненных падежей и списков неправильных глаголов?..

Ранние грамматики были описательными. Это примерно то, что проходят в школе: склонения и спряжения, правила и исключения для конкретного языка.

Первые языковые *законы* были открыты в XIX веке в сравнительно-историческом языкознании. Лингвисты обнаружили, что звуковой строй и грамматические особенности разных языков меняются на протяжении веков не как попало, а по определенным правилам. Но нас в этой книге интересуют не подобные изменения, а то, что получается в результате, — современное состояние различных языков. Скрываются ли за тем разнообразием, которое мы видим в каждом из них и во всех вместе, какие-то

общие закономерности?

Перелом в изучении этого вопроса связан с именем Фердинанда де Соссюра, который так и не написал своей главной книги. Соссюровский “Курс общей лингвистики” (1916) был реконструирован по конспектам его студентов в Женевском университете. Эта книга заложила основы направления, впоследствии названного структурализмом. Структуралисты рассматривали язык как систему, выделяли в нем классы объектов и исследовали отношения между этими классами. Это уже было чем-то похоже на теории, выдвигаемые в физике и в других естественных науках.

В 1957 году вышла книга Ноама Хомского, которая называлась “Syntactic Structures” (“Синтаксические структуры”). С этой книги начинается новый этап в лингвистике, где задачей исследователя становится изучение языка как естественнонаучного объекта, выявление законов, лежащих в его основе.

Неужели законы языка могут быть в чем-то аналогичны строгим законам физики? Можно придумывать новые слова и даже писать с помощью них целые произведения: у Людмилы Петрушевской есть небольшой цикл сказок “Пуськи Бятые”, где все слова кроме служебных — несуществующие. Однако в грамматике человек почти лишен свободы выбора. Правила, с помощью которых мы выстраиваем предложения, остаются практически нерушимыми.

Но кроется ли за ними какая-то система? Почему, например, по-английски нельзя задать вопрос, перенося сказуемое в самое начало предложения:

(1) *Speak you English?
говорите вы по-английски

Звездочка перед (1) означает, что этот пример грамматически неприемлем. При этом во французском или в русском языке мы вполне можем задать аналогичный вопрос:

(2) a. Parlez-vous français?
b. Говорите ли Вы по-русски?

Однако в начале английских вопросов обязательно появляется

“ненужный” вспомогательный глагол:

(3) Do you speak English?

А почему по-английски нельзя спросить **Do he speaks English?*, хотя *He speaks English* звучит совершенно нормально?

На подобные вопросы лингвисты традиционно отвечали: “Так уж в этих языках принято”. С этим ответом вроде бы не поспоришь, но все самое интересное он оставляет за кадром. Хомский сравнил его с высказыванием “яблоко падает на землю, потому что там его естественное место”. Он предположил, что основе всех языков лежат некие общие нерушимые законы, а грамматические различия между ними — не бесконечный бессвязный список, а результат изменения нескольких параметров, как в физике.

И эти глубинные законы не должны быть сложными. Эйнштейн считал, что явления природы должны описываться красивыми формулами, поскольку “природа — это сочетание самых простых математических идей”. Есть основания полагать, что это верно и для языка.

Конечно, общие свойства языков интересуют не только Хомского и сторонников основанной им в 1950-х годах генеративной грамматики. Какие-то из них были подмечены ранее — например, структуралистами, какие-то были затем описаны представителями других лингвистических школ. Однако даже противники генеративизма признают заслугу Хомского в том, что он вывел эту проблему на первый план. Кроме того, генеративная грамматика наиболее систематически подошла к решению этой проблемы и привлекла в свои ряды больше лингвистов, чем любое другое направление. Ей и посвящена эта книга.

Однако о каких общих закономерностях можно говорить, если грамматика у всех языков совершенно разная? Тем не менее, при более внимательном рассмотрении в их поведении обнаруживается поразительно много общего. Это было замечено еще до генеративизма. Например, почему местоимение (*я, мы, они*) называется местоимением? Ответ кажется очевидным: оно ставится вместо имени — в данном случае, вместо имени существительного.

(4) Петя хорошо рисует.

В предложении (4) слово *Петя* можно заменить местоимением:

(5) Он хорошо рисует.

Аналогичное название — *pronoun* — используется в английском языке: латинское *pro* ‘вместо’ + *noun* ‘существительное’. Теперь рассмотрим предложение (6).

(6) Этот странный мальчик хорошо рисует.

Поставим вместо существительного *мальчик* местоимение:

(7) *Этот странный он хорошо рисует.

Такое предложение грамматически неприемлемо. Заменить имя существительное на местоимение не получается. Значит, местоимение замещает не существительное, а целую группу слов — так называемую именную группу. Точно так же обстоят дела и в английском, и в других языках.

В следующих главах мы увидим, что группы слов в предложении ведут себя единообразно, и их поведение в идеале можно описать, как описывается, например, движение падающих предметов. Это только на первый взгляд кажется, что все предметы падают по разным законам: камни — быстро, ватные шарики — медленно, а воздушные шары иногда и вовсе не падают, а взлетают вверх.

1.2. Вершки и корешки

Важно помнить, что язык мы можем наблюдать только в виде текстов, устных или письменных. Но тексты — это “вершки” языка. А есть еще и “корешки” — то, что происходит в голове у человека до момента появления текста. Кроме того, есть и “законы роста”: как из “корешков” получаются “вершки” и почему они получаются именно такими.

В отличие от ботаников, мы не можем выкопать лингвистические корешки и рассмотреть их с помощью приборов. Тем не

менее, внимательно изучая и сравнивая вершки, мы можем многое узнать и о корешках, и о законах роста. Именно этим и занимается генеративная грамматика. Если учесть, что структуру предложений в ней изображают в виде схем, которые называются деревьями, аналогия получается почти полной.

Итак, генеративисты пытаются понять, почему наши деревья вырастают именно такими. При этом отвечать на вопрос "почему" можно двумя разными способами. Рассмотрим еще один пример из "ботанической" области: как можно объяснить окраску цветов?

1. Цветы на ветках получаются яркими, чтобы привлекать пчел. Мы можем развить предложенную идею, показав, что ночные цветы, которые сложнее рассмотреть, часто привлекают насекомых сильным запахом. А расцветка у них неяркая — обычно белая, так как этот цвет выделяется в сумерках и в лунном свете.

   Достоинства такого объяснения очевидны, но есть у него и свои ограничения. Когда на растении появляется бутон, который постепенно превращается в цветок, ни этот цветок, ни все растение "не знают", что цветок должен быть ярко окрашен, чтобы его заметили пчелы. Цветок не может "подкраситься", чувствуя, что он плохо выполняет свою функцию. Более того, цветы разных растений, опыляемые одними и теми же насекомыми, могут заметно различаться.

2. Окраска того или иного цветка заложена в генетическом коде растения. Развивая это объяснение, мы должны будем выявить возможное разнообразие цветов в природе и его пределы, описать как систему его и в конце концов стоящие за ним генетические механизмы.

И здесь, и во многих других случаях эти два объяснения не исключают, а дополняют друг друга. Первый подход помогает понять общие тенденции развития, отдельные свойства какого-то явления, второй позволяет превратить наши знания о нем в стройную систему. Первый называется **функциональным**, так как объясняет что-то через использование, или функцию, второй – если говорить о лингвистике – воплощен преимущественно

в **формальных** теориях, которые стремятся дать систематическое, формализованное описание свойств языков и пределов их варьирования. До выявления стоящих за языком генетических механизмов дело пока не дошло, но, как мы увидим в следующем разделе, исследования ведутся и в этом направлении.

Существующие попытки описать универсальную грамматику иногда отпугивают своей сложностью. Но пугаться не надо. Люди долгое время не знали, почему, например, предметы катятся, летят, падают так, а не иначе. Потом пришел Ньютон, вслед за ним — Эйнштейн, и постепенно появилась общая теория движения сквозь пространство и время.

Как возникают новые научные идеи? Исследователь собирает факты и создает теорию, которая их описывает и объясняет. Но этим дело не заканчивается. Теория проверяется на новых фактах, и, если что-то не сходится, возникает новая версия. Можно подумать, что при попытке вместить новые факты теория должна становиться все сложнее. Но на самом деле нарастающая сложность (если мы на правильном пути!) в какой-то момент заменяется чем-то простым и красивым. Так, Птолемеева система мира становилась все сложнее и искусственнее с открытием каждой новой планеты. Пока Коперник не догадался поставить в центре вращения не Землю, а Солнце. Но придумал бы он это, не размышляя о системе Птолемея?..

1.3. Гипотеза врожденной языковой способности

Почему есть основания предполагать, что язык в каком-то смысле устроен просто и что его можно описать как естественный объект? Пока еще не составлено ни одной грамматики ни одного из естественных языков, которую можно было бы назвать полной. При словах “полная грамматика русского языка” представляются многочисленные тома академических изданий, содержащие абсолютно все правила и исключения, позволяющие создавать все теоретически возможные предложения русского языка и отсеивать любые неправильные, которые иногда так похожи на правильные. Невозможность составить такую грамматику наводит на мысль о чрезвычайной сложности естественного языка.

Но дети изучают язык подозрительно быстро. Грамматикой родного языка ребенок в основном овладевает примерно за год, с полутора до двух с половиной лет.

Вы скажете, детей хорошо учат? Попробуйте поставить рядом с ребенком диктофон и записать, что он слышит вокруг себя. Сюсюканье, незаконченные и ломаные предложения, перескакивания с одной конструкции на другую — вот тот особый вид языка, на котором взрослые обращаются к младенцам. “На входе” информации получается слишком мало, да и не вся она полезна. Однако ребенок умудряется вычленить из лингвистического шума нужные сведения и быстро “выучить” всю грамматику. При этом он осваивает и многие неявные правила, описать которые даже взрослому было бы затруднительно.

А вот взрослых учат хорошо. Специалисты разрабатывают для них учебники, пытаются подобрать индивидуальные методики. Люди, которые по интеллектуальному развитию во всем обогнали двухлетних детей, часами просиживают в классе, корпеют дома над упражнениями. И что же в результате? Подавляющее большинство осваивает второй язык лишь на начальном уровне, и почти никто не говорит на нем в совершенстве.

Рассмотрим для наглядности один пример — русские глаголы: когда надо говорить *был,* когда *побыл*, когда *бывал*, когда *побывал* и т.д.? Лингвисты бьются над этой проблемой многие десятилетия, ей были посвящены сотни статей, конференций, книг... Но точного описания, которое удовлетворило бы ученых и позволило бы научить иностранцев, пока не существует. И почти любой иностранец, изучающий русский язык, делает ошибку за ошибкой. А дети о такой проблеме даже не подозревают — в нужном возрасте отлично справляются с ней, сами того не замечая. (Генеративным исследованиям русского глагола в нашей книге посвящена глава 15).

Почему же дети усваивают язык так быстро? Это еще один из великих лингвистических вопросов, к которым в 1950-х годах привлек всеобщее внимание Ноам Хомский.

Сам Хомский предположил, что способность к языку является врожденной и отдельной от других когнитивных способностей. Поясним эту мысль. Говоря об отдельности, Хомский имел в виду, что мы осваиваем язык не в силу своих общих интеллектуальных способностей, которые позволяют нам при желании

выучить множество разнообразных вещей, вроде таблицы умножения или правил игры в преферанс. Иначе взрослые делали бы это на порядок лучше, чем дети. Усвоение языка зависит от особого "программного обеспечения", которое есть у нас в голове. Под врожденностью подразумевается, что формирование такого обеспечения задано генетически. То есть способность к языку — это некие заранее подготовленные природой "бороздки", на которые ложится услышанная ребенком речь и "застывает" затем в тот или инои язык. Как птенец учится летать, потому что его мозг знает "программу движения крыльев", так и ребенок учится говорить, потому что в голове у него есть некая лингвистическая программа, позволяющая "взрывообразно" и полностью освоить ту самую грамматику, для неполного описания которой понадобился бы коллектив ученых, множество бумаги и годы работы.

Однако, как и у любого генетически заложенного умения, у языка есть оптимальное временное окно. Программу надо вовремя активировать. У людей, слепых от рождения, зрительные области мозга развиваются иначе, чем у зрячих. Известны науке и некоторые ужасающие случаи, когда сошедшие с ума родители с младенчества изолировали своих детей и не разговаривали с ними. Одну девочку, известную под кодовым именем Изабель, удалось найти и спасти в шесть лет, и уже к семи годам она полностью овладела языком и пошла в обыкновенную школу. Другую, Джини, обнаружили, когда ей было уже двенадцать, и, несмотря на колоссальные усилия психологов и лингвистов, она смогла овладеть языком лишь на уровне двухлетнего ребенка: предложения из двух, максимум трех слов и только.

Похожие цифры можно найти и в работах по изучению второго языка. Многим детям, переехавшим в другую страну до шести-семи лет, удается освоить новый язык как родной. Те же, кто был старше, в подавляющем большинстве случаев оказываются в том же положении, что любой взрослый иностранец. Они могут говорить бегло, иметь огромный словарный запас, но всю жизнь будут делать характерные грамматические ошибки, которые не сделает ни один "настоящий" носитель языка.

Гипотезу о врожденной языковой способности пока никому не удалось ни доказать, ни опровергнуть, хотя к ней склоняется все больше лингвистов в мире. В любом случае, применительно к младенцам говорят не об изучении, а об **усвоении языка**

(language acquisition) — все ученые признают, что они делают это как-то иначе, чем взрослые. Этот процесс таит в себе множество загадок, разгадывание которых — один из важнейших способов узнать кое-что о том, как устроена языковая система в голове человека.

Подчеркнем, что речь, конечно, не идет о врожденном знании языка: из речи окружающих ребенок берет не только слова, но и "архитектурные" элементы, иначе на разных языках люди говорили бы одинаковыми конструкциями. Врожденным может быть только умение вычленять нужные данные из шума "на входе" и укладывать их в голове так ловко, что трехлетний карапуз легко обгоняет взрослых, зазубривающих правила иностранного языка по учебнику. Многие ученые видят в этой легкости важнейший аргумент в пользу того, что язык хранится у нас в голове в виде стройной и строгой системы. Пусть лингвисты пока и не могут полностью описать ее, они уже придумали для нее название. Эта компактная и мощная система стала называться **универсальной грамматикой**.

1.4. Поведение языка

У разных ученых-генеративистов разные точки зрения на то, как именно формируется "лингвистическое программное обеспечение": что полностью задано генетически, что зависит от данных на входе, какие этапы есть в этом процессе. Главная проблема, стоящая перед генеративной грамматикой — можно ли формально описать эту систему, которая позволяет ребенку освоить любой язык и которая, по-видимому, лежит в основе поведения языка?

Но что значит "поведение" по отношению к языку? Это не то же самое, что языковое поведение человека, когда, например, разведчик или ученый, чтобы внедриться в какую-либо среду, начинает изменять свой язык и говорить так, как в этой среде принято (такой сбор данных называется включенным наблюдением).

Язык "ведет себя" так или иначе, позволяя создавать одни предложения и не позволяя создавать другие. Некоторые фразы, хотя и звучат странно, грамматически являются правильными.

Вот знаменитый пример Хомского:

(8) Бесцветные зеленые идеи яростно спят.

Он кажется абсурдным по смыслу, но с точки зрения грамматики он безупречен. В то же время простое и понятное предложение (9) грамматически неприемлемо.

(9) *Я хорошо знаю русского языка.

Грамматическая правильность или неправильность — это проявления поведения языка.

Как мы уже говорили, лингвист не может выкопать "корешки" языка и должен работать с "вершками" — с текстами и с предложениями, из которых эти тексты состоят. Но это не все. Очень важны для изучения языка грамматически неправильные предложения. Например, почему нельзя сказать **Я покормил лошадь корову*? Это предложение может быть правильным, только если лошадь с коровой разделены союзом *и* или запятой, вместо которой в устной речи появляется особая интонация и пауза:

(10) Я покормил лошадь, корову.

Подряд, без какого-либо языкового разделителя, слова *лошадь* и *корова* употребляться не могут. Почему, мы объясним в главе 4.

Еще полезнее для исследователя те конструкции, которые работают в одном языке, но не работают в другом. Например, "погодные" глаголы в английском языке обязательно требуют перед собой "пустое" подлежащее *it*, соответствующее русскому *это*:

(11) a. It rains.
b. It drizzles.

В русском же языке такое подлежащее появиться не может. Отчего так получается, рассказывается в главе 12:

(12) *Это моросит.

Вот такие "отрицательные" факты помогают "выстукивать" звенья того механизма, который скрыт в монолите языка. Поэтому

генеративисты исследуют не только то, что “можно” в языке, но и то, что “нельзя”, а также границу между “можно” и “нельзя”, пытаясь определить причины подобных лингвистических контрастов.

Конечно, эти исследования делаются на материале разных языков, но в итоге генеративная грамматика стремится описать не конкретные языки, а ту систему, которая лежит в основе их работы, — **универсальную грамматику**. Достижение этой цели требует долгого, кропотливого труда многих ученых. В идеале результат должен напоминать не привычную грамматику испанского или английского языка, а описание какого-нибудь хитрого механизма. Однако, если язык действительно причастен к всемирной гармонии, лежащая в его основе система должна оказаться стройной и красивой.

Теперь познакомимся с основными этапами развития генеративной грамматики.

1.5. Ранние версии генеративной грамматики

После того как в 1957 году вышла книга “Синтаксические структуры”, о которой мы говорили в разделе 1.1., к Хомскому присоединилось множество сторонников, и генеративная грамматика постепенно стала самым распространенным лингвистическим направлением в мире. Ниже представлены основные этапы ее развития. Мы опишем их предельно кратко, чтобы не заставлять читателя разбираться в идеях, которые давно отвергнуты и не понадобятся нам в этой книге.

Прежде всего надо заметить, что центральное место в генеративной грамматике занимает синтаксис. Существуют и генеративные подходы к морфологии, но большая часть работ посвящена различным синтаксическим закономерностям. Поэтому здесь и далее мы будем говорить о них, а о морфологии расскажем в отдельной главе 13.

Первым этапом развития генеративной грамматики можно считать так называемую **стандартную теорию** (Standard Theory) [Chomsky 1957, 1965], расцвет которой пришелся на 1960-е годы. Более подробно о ней можно прочесть в статье Джона Бейли-

на из сборника “Современная американская лингвистика: фундаментальные направления” [Бейлин 2006]. Согласно этой теории, у каждого предложения есть глубинная и поверхностная структура. Рассмотрим несколько примеров:

(13) a. Кошка съела мышку.
b. Кошка не съела мышку.
c. Мышка съедена кошкой.
d. Съедение мышки кошкой.

У всех этих предложений одна глубинная структура: *Кошка съела мышку.* Поверхностные структуры порождаются из глубинных с помощью трансформаций отрицания (*Кошка не съела мышку*), пассивизации (*Мышка съедена кошкой*), номинализации (*Съедение мышки кошкой*) и пр. Для каждого языка может быть описан свой набор трансформаций.

Стандартная теория обладала несколькими серьезными недостатками. Во-первых, списки трансформаций, составленные для конкретных языков, мало что могли рассказать об устройстве языка в целом, об универсальной грамматике. Во-вторых, трансформациям в стандартной теории “разрешалось” порождать слишком много неправильных предложений. Необходимо было как-то ограничить их широкие возможности. Для этого в модель была добавлена смысловая составляющая— правила семантической интерпретации, позволяющие производить трансформации “более осознанно”.

Так появилась вторая версия генеративной грамматики — **расширенная стандартная теория** (Extended Standard Theory), которая была популярна в 1970-е годы. О ней также можно узнать подробнее в статье Джона Бейлина [Бейлин 2006]. Однако и в расширенной стандартной теории каждый язык по-прежнему рассматривался сам по себе.

В 1967 году американский лингвист Джон Роберт Росс защитил диссертацию на тему “Ограничения на переменные в синтаксисе” [Ross 1967]. Он долго отказывался ее публиковать, и работа почти 20 лет распространялась в научных кругах “самиздатом”. Она определила исследовательскую программу в лингвистике на много лет вперед и не потеряла своей актуальности до сего дня.

Надо сказать, что представление о трансформациях к то-

му времени изменилось под действием так называемой гипотезы Катца–Постала, согласно которой они не могут менять значение предложения. Например, раньше из глубинной структуры *Вася покормил лошадь* с помощью вопросительной трансформации можно было получить поверхностную *Кого покормил Вася?*. Таким образом, эта трансформация заменяла слово *лошадь* на слово *кого* и перемещала его в начало предложения.

Затем было решено, что заменять таким образом слова трансформации не могут, глубинная структура изначально должна содержать вопросительное слово. Таким образом, трансформация свелась к перемещению: она превращала структуру *Вася покормил кого*, совершенно аналогичную утвердительному предложению, в вопрос *Кого покормил Вася?*. Гипотеза Катца–Постала в итоге была отвергнута — лингвисты пришли к выводу, что трансформации вносят свою лепту в значение предложения. Тем не менее, как мы сможем убедиться в главах первой части, представление о трансформациях как о перемещениях сохранилось.

Итак, Росс заметил, что при всем своем разнообразии трансформации имеют нечто общее. А именно, их нельзя применять в некоторых “геометрически однотипных” структурах. Например, ни одна трансформация не будет работать, если слово, которое надо переместить, входит в сочинительную конструкцию. Поэтому к предложению *Вася покормил лошадь и корову* нельзя задать вопросы **Кого покормил Вася и корову?* и **Кого покормил Вася лошадь и?*. Впоследствии оказалось, что этот запрет, названный ограничением сочинительной конструкции, работает в самых разных языках и, предположительно, является универсальным[1]. Другие введенные Россом ограничения также были обнаружены во многих языках.

1.6. Теория управления и связывания

Диссертация Росса показала, что правила в языке могут действовать независимо от того, с каким именно языком мы имеем дело. Вместо наборов трансформаций, разных для каждого

[1]Исключения из этого запрета существуют, но крайне редки и также повторяются от языка к языку. Например, можно сказать *Кого любит Вася и ненавидит Петя?*.

языка, лингвисты начали изучать ограничения, имеющие универсальный характер. В результате все трансформации свелись к одной, которую назвали альфа-перемещением: любой элемент можно в принципе перенести куда угодно. Однако применение альфа-перемещения строго ограничивалось общими универсальными принципами и правилами конкретных языков.

Так возникла **теория управления и связывания** (Government and Binding theory) [Abney 1987; Baker 1988; Burzio 1986; Chomsky 1981, 1986; Huang 1982; Kayne 1984; Larson 1988; Lasnik and Saito 1984; Pollock 1989; Rizzi 1982, 1990; Stowell 1983], которая активно развивалась в 1980-е годы. Эта теория состоит из нескольких отдельных модулей. "Канонического" их списка не существует, поэтому мы перечислим их по статье Джона Бейлина [Бейлин 2006]. Кроме того, эти модули и многие другие вопросы формального синтаксиса подробно рассматриваются в книге Я.Г. Тестельца "Введение в общий синтаксис" [Тестелец 2001].

1. **X-штрих-теория** (X-bar theory) определяет общую структуру языковых конструкций: элементы предложения неравноправны, и их иерархию можно отражать с помощью однотипных схем-"деревьев".

2. **Теория ограничения** (Bounding theory) занимается ограничениями на передвижения — похожими на те, что мы описали в предыдущем разделе.

3. **Теория управления** (Government theory) определяет, как устанавливаются иерархические отношения между элементами структуры.

4. **Теория падежа** (Case theory) изучает формальные свойства именных групп, связанные с падежом.

5. **Тета-теория** (Theta-theory) занимается отношениями между предикатом, например, глаголом, и аргументами — теми словами, которые обозначают участников ситуации, описанной этим глаголом. Этот модуль наиболее близок к традиционному языкознанию — он похож на теорию валентности.

6. **Теория связывания** (Binding theory) формальными методами описывает связь между местоимениями и теми словами, к которым они отсылают.

1.7. Теория принципов и параметров

Итак, генеративисты стали стремиться описывать грамматику самых разных языков с помощью универсальных принципов, а языковые различия задавать с помощью определенного набора параметров. Как заметил американский лингвист Марк Бейкер [Бейкер 2008], это похоже на сравнение булочки и крекера: на вид это совершенно разные продукты, однако различие в рецепте их приготовления минимально. Их рецепты отличаются только одним параметром — наличием или отсутствием дрожжей.

Другой пример — сравнение двух числовых последовательностей: 7, 14, 21, 28... и 2, 4, 6, 8... Числа, кратные семи, и числа, кратные двум. Эти списки почти не совпадают. Однако первая последовательность описывается формулой {x: x = 2y, где y — целое число}, а числа, кратные семи, — это множество {x: x = 7y, где y — целое число}. Две записи идентичны во всем, кроме одного символа.

Генеративисты предположили, что так же дело обстоит и с языками. Например, грамматика английского и японского на первый взгляд различается очень сильно. Но если вывести правильные “формулы” этих языков, разница между ними будет минимальной. Принципы общие, отличия имеются лишь в значениях параметров.

Так теория управления и связывания постепенно стала **теорией принципов и параметров** (Principles and Parameters theory). Впрочем, эти названия, как и сами теории, часто смешиваются.

С помощью этой теории можно было объяснить и усвоение языка детьми: универсальные принципы и параметры заложены в голове изначально, но параметры еще не установлены. Слушая речь вокруг себя, ребенок фиксирует их значения, и конструкция “застывает” в тот или иной язык. Эту идею еще предстоит подтвердить или опровергнуть, но в любом случае такой подход к изучению детской речи уже преподнес ученым немало инте-

ресных открытий (см., например, [Gleitman and Liberman 1995], [Crain and Thornton 1998]).

В книге Марка Бейкера “Атомы языка” подробно рассказывается о многих описанных на сегодня параметрах и предлагается система их классификации, напоминающая таблицу Менделеева [Бейкер 2008]. Мы же перечислим лишь некоторые из них и укажем языки, в которых они установлены противоположным образом.

1. Параметр расположения вершины — “главного” элемента той или иной конструкции. К вершинам относятся, в частности, глаголы, от которых зависят дополнения, предлоги/послелоги по отношению к именным группам и подчинительные союзы по отношению к придаточным предложениям. В английском и тайском вершины расположены слева от своих групп, а в японском и баскском — справа. Ниже приведены примеры из английского и японского:

   (14) a. Give (me) the book that is on the
   дать мне АРТ книга который есть на АРТ
   table!
   стол
   b. Teburu-no ue-ni aru hon-o
   стол.РОД на.ЛОК находящийся книга.ВИН
   kure!
   дай
   ‘Дай мне книгу, которая лежит на столе!’

2. Параметр глагольной сериализации: глагольная группа может содержать только один глагол в английском и индонезийском языке и больше одного — в эдо, на котором говорят в Нигерии, и в кхмерском языке. В некоторых исключительных случаях глагольная сериализация встречается и в русском — это “двухглагольные” конструкции типа *ходит разговаривает* или *пойдем покурим*.

3. Параметр выдвижения темы: особого рода выдвижение темы невозможно в турецком и английском, но возможно в

японском и чокто (язык североамериканских индейцев, сохранившийся на юге США). Для носителей этих языков вполне привычны предложения типа *Рыба: лосось очень вкусный* (в смысле: “Что касается рыбы, очень вкусен лосось”).

4. Параметр нулевого подлежащего. Для примера рассмотрим его подробнее в следующем разделе.

1.8. Параметр нулевого подлежащего

Параметр нулевого подлежащего впервые описали Ричард Кейн и Луиджи Рицци в первой половине 1980-х годов [Rizzi 1982]; [Kayne 1984]. Кейн многие годы работал с французским языком, а Рицци — со своим родным итальянским. В поведении французского и итальянского обнаружилось много общего, что не удивительно, поскольку это родственные языки, оба принадлежат к романской группе. Но Кейн и Рицци обнаружили также несколько различий, которые странным образом оказались связаны между собой. В чем они состояли?

Во-первых, только в итальянском языке в обычном предложении можно поместить подлежащее после сказуемого:

(15) Verrá Gianni.
придет Джанни
‘Придет Джанни’.

Во французском языке аналогичное предложение невозможно:

(16) *Arrivera Jean.

Во-вторых, если речь идет об уже упоминавшихся людях или предметах, то в итальянском языке подлежащее обычно опускается:

(17) Verrá.
‘Придет’.

Во французском исполнителя действия необходимо назвать хотя бы с помощью местоимения:

(18) Il arrivera.
‘Он придет’.

Без местоимения такое предложение во французском неграмматично:

(19) *Arrivera.
‘Придет’.

Третье отличие бросается в глаза не так сильно. В итальянском языке легко можно задавать вопросы к подлежащему придаточного предложения, а во французском с этим возникают определенные сложности. В итальянском достаточно просто вынести вопросительное слово на левый фланг предложения:

(20) a. Credi che Gianni verrá.
думаешь что Джанни придет
‘Ты думаешь, что Джанни придет’. (утвердительное предложение)
b. Chi credi che _ verrá?
кто думаешь что _ придет
‘Кто, ты думаешь, придет?’ (вопрос о Джанни)

Но во французском языке такое вынесение невозможно:

(21) a. Tu penses que Marie épouse Jean.
ты думаешь что Мари выходит-замуж Жан
‘Ты думаешь, что Мари выходит замуж за Жана’. (утвердительное предложение)
b. *Qui tu penses que _ épouse Jean?
кто ты думаешь что _ выходит-замуж Жан
‘Кто, ты думаешь, выходит замуж за Жана?’ (вопрос о Мари)

Если необходимо задать вопрос к подлежащему придаточного предложения во французском языке, подчинительный союз *que* не может быть сохранен, вместо него нужно использовать *qui*:

(22) Qui tu penses qui épouse Jean?

Такие вопросы вполне употребительны в разговорном французском, а для литературного варианта нам также потребуется инверсия подлежащего и сказуемого (это никак не связано с рассматриваемой нами проблемой и относится к любым вопросам, в том числе к членам главного предложения). При этом и во французском, и в итальянском языке вопросы к дополнению придаточного предложения задаются совершенно свободно:

(23) Qui penses-tu que Marie épouse?
кто думаешь-ты что Мари выходит-замуж
'За кого ты думаешь, что Мари выходит замуж?'

Четвертое отличие связано с так называемыми "метеорологическими" или "погодными "глаголами. В итальянском языке они употребляются сами по себе, без подлежащего, например: *Piove* 'Идет дождь' (дословно 'Дождит', аналогично русскому *Морось*). Во французском у погодных глаголов появляется "пустое" подлежащее: *Il pleut* (дословно 'Это дождит').

Кроме этих четырех отличий между французским и итальянским языком Кейн и Рицци описали еще два, которые мы сейчас разбирать не будем. И все они, как ни странно, оказались взаимосвязаны.

Когда были исследованы другие романские языки, оказалось, что каждый ведет себя либо как французский, либо как итальянский — ни один не проявляет, допустим, два "французских" и четыре "итальянских" признака. Например, испанский исторически ближе к французскому языку, чем к итальянскому, но по всем перечисленным выше признакам ведет себя как итальянский. Затем оказалось, что эти признаки "выступают в связке" и во многих других языках. Впоследствии из этого обобщения были найдены исключения (см., например, [Huang 2000]), но к этому времени исследующие эту проблему генеративисты уже успели систематизировать большой массив данных, что позволило предложить для нее новые решения (например, [Neeleman and Szendrői 2007]).

Это очень показательный для развития генеративной грамматики пример. Многие обобщения, в разное время сделанные генеративистами, затем были пересмотрены. Однако, несмотря на это, они принесли большую пользу: работая над ними, лингви-

сты накапливали материалы, которые ложились потом в основу новых версий теории. Очевидно, что разгадать тайны универсальной грамматики сходу не получится, поэтому надо, не боясь промахов, делать попытку за попыткой, чтобы, исправляя ошибки, каждый раз подходить на шаг ближе к цели.

Интересно, что французский язык не всегда проявлял такие свойства, в средние века в отношении подлежащего он вел себя как итальянский. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас тексты на старофранцузском языке. Изменения произошли довольно быстро, хотя и не мгновенно: всего за 100 – 200 лет. Можно заметить, что, если бы интересующие нас отличия не были взаимосвязаны, то, скорее всего, изменились бы не все признаки сразу, а лишь некоторые из них.

Рассмотрим русский и английский языки и проверим, как проявляются в них четыре перечисленные выше особенности. Русский язык допускает порядок слов “сказуемое-подлежащее”:

(24) Пришел Иван.

В английском подобные предложения неграмматичны:

(25) *Comes John.

Такой порядок слов возможен, только если место подлежащего занято определенного рода словами, например: *Here comes John* ‘Вот идет Джон’.

В русском можно употребить глагол без подлежащего, если исполнитель действия уже упоминался: *Где Иван? — Пришел.* В английском языке в таких случаях обязательно используется местоимение: *He comes* ‘Он идет’. Вариант без подлежащего не работает: **Comes*.

С вопросом к подлежащему придаточного предложения возникает проблема: предложения вроде (26) многим русскоговорящим людям кажутся не вполне правильными, а многим — и вовсе неграмматичными.

(26) ?Кто ты думаешь, что придет?

В английском языке вопросы к подлежащему придаточного предложения с сохранением союза *that* абсолютно неприемлемы:

(27) a. You think that John will come.
ты думаешь что Джон ВСП придти
'Ты думаешь, что Джон придет'.
b. *Who do you think that _ will come?
кто ВСП ты думать что ВСП придти
'Кто ты думаешь, что придет?'

"Погодные" глаголы в русском и английском языках тоже ведут себя по-разному. В русском мы должны употреблять их без всяких подлежащих: *Моросит. Вьюжит*[2]. В английском языке такие глаголы употребляются только с "пустышкой" *it* 'это', которая занимает позицию подлежащего: *It rains*.

Все рассматриваемые нами отличия касаются подлежащего, что наводит на мысль о следующей закономерности (которую не опровергает обнаруженная нами в русском языке проблема). В языках типа английского и французского *необходимо использовать подлежащее* (хотя бы формальное, не имеющее содержания, как "пустышка" *it*), а в языках типа итальянского и русского можно обходиться и без него. Так был описан **параметр нулевого подлежащего** (null subject parameter). В каждом языке он выставлен одним из двух возможных способов (подлежащее обязательно / подлежащее не обязательно), и это определяет поведение самых разных синтаксических структур.

Как мы отметили выше, одна из последних работ, посвященных этой теме, где содержится много новых наблюдений и обобщений, — [Neeleman and Szendrői 2007]; а развернутая критика данного параметра предлагается в книге [Huang 2000].

1.9. Последние версии генеративной грамматики

Генеративная грамматика всегда стремилась отвечать на вопрос "почему". Современный этап ее развития, начавшийся в середине 1990-х годов, так называемый **минимализм** (Minimalism) [Brody 1995; Chomsky 1993, 1995; Hornstein and Epstein 1999;

[2]Пример с *Идет дождь/снег* не годится, так как *идти* не "погодный" глагол.

Collins 1997; Epstein and Seely 2002; Martin et al. 2000], обращается с этим вопросом и к самой сути языка, и к уже полученным ранее ответам. Последняя на данный момент версия минимализма называется **теорией фаз** (Phase Theory) [Chomsky 2001b,a, 2008].

Одна из основных идей, на которые опирается минимализм, — представление об "оптимальном дизайне": о том, что язык решает стоящую перед ним задачу самым простым и красивым возможным способом. Исходя из этого, генеративисты отвечают и на вопрос о том, почему язык устроен именно так, а не иначе, и на вопрос о том, почему одна модель лучше другой. Название "минимализм" отражает характерное для этого этапа стремление к максимальной простоте: никаких лишних операций в языке, никаких лишних допущений в описывающей его теории.

Идея максимальной простоты легла в основу представления об "экономии усилий", возведенного в принцип во многих областях грамматики. Мы столкнемся с ним в самых разных главах второй части. Например, базовые правила, ограничивающие изменения порядка слов в предложениях, получили в минимализме красноречивые названия "жадности", "кратчайших передвижений" и "крайнего случая".

Генеративная грамматика часто подвергалась критике за то, что, претендуя на универсальность, изначально строилась на материале очень небольшого количества языков. Однако после того как были сделаны первичные обобщения, генеративисты начали тестировать их на самых разных языках. В 1990-х и 2000-х годах, как раз когда на сцену вышел минимализм, генеративной грамматикой был охвачен впечатляющий массив языковых данных. Некоторые главы во второй части этой книги наглядно иллюстрируют, как по мере освоения все новых и новых языков уточняются и дополняются теоретические построения, постепенно продвигаясь к заветной цели — к описанию универсальной грамматики.

1.10. Структура книги

За десятилетия существования генеративной грамматики появилось немало хороших учебников, описывающих разные этапы ее

развития. Особенно хорошо представлена теория управления и связывания, которая успела устояться и была разработана более тщательно: [Haegeman 1994; Culicover 1997; Radford 1997, 2004; Carnie 2008] и др. Лучшие учебники по минимализму — [Adger 2003; Hornstein et al. 2005; Lasnik et al. 2005]. Кроме того, со многими достижениями генеративной грамматики можно познакомиться в синтаксических энциклопедиях [Haegeman 1997; Baltin and Collins 2001; Everaert and van Riemsdijk 2005; Boeckx 2006], хрестоматиях [Martin et al. 2000; Bošković and Lasnik 2006] и сборниках статей [Webelhuth 1995; Hornstein and Epstein 1999; Epstein and Seely 2002].

На русском языке пока нет ни одного учебника, посвященного той или иной версии генеративной грамматики. Краткие введения в содержатся в статье Джона Бейлина [Бейлин 2006], а также в отдельных разделах книг Я.Г. Тестельца и Н.А. Слюсарь [Тестелец 2001; Слюсарь 2009]. В этой книге мы попытаемся хотя бы отчасти восполнить этот пробел. Этот раздел рассказывает о том, как она устроена — о чем пойдет речь в следующих главах.

Первая часть книги, куда входят главы 2–9, дает читателю базовое представление о генеративной грамматике с опорой на теорию управления и связывания. Пока современные подходы не пришли к какой-то устоявшейся "канонической" форме, знакомство с генеративизмом, на наш взгляд, удобнее начинать с нее — она разработана гораздо более тщательно. Кроме того, в русле этой теории написаны многие важные и интересные статьи, до сих пор не потерявшие актуальности.

В этих главах мы не стремимся дать полное представление о теории управления и связывания. Наша цель — разбирая разнообразные примеры, дать читателям основные навыки синтаксического анализа, причем сделать это в максимально простой и доступной форме. Поэтому строгим определениям мы зачастую предпочитаем неформальные объяснения, стараемся не вводить понятия, которые были отвергнуты на более поздних этапах развития генеративизма, и т.д.

В главах 10–17, составляющих вторую часть книги, уровень сложности повышается, чтобы мы могли достаточно глубоко и подробно рассмотреть ряд ключевых для современной генеративной грамматики проблем и несколько областей исследования,

отобранных нами для более детального анализа.

Глава 10 рассказывает о базовых принципах устройства грамматики с точки зрения минимализма. Хотя мы могли бы начать с этого книгу, нам кажется, что читателю будет легче размышлять об общих вопросах, уже имея некоторый опыт анализа конкретных примеров.

Глава 11 рассказывает о том, как усложнились синтаксические схемы-"деревья" в последних версиях генеративной грамматики (а именно, о функциональных проекциях, связанных с модальностью, временем и видом, а также о DP и проекциях внутри нее).

В главе 12 мы расскажем о принципе, известном под английской аббревиатурой *EPP*. Мы проследим, как из правила, описывающего некоторые особенности английских предложений, он постепенно трансформировался в разных моделях в фундаментальное свойство грамматических признаков и в обобщение, отражающее особенности порядка слов в самых разных языках. Также интересно посмотреть, как, применяя это обобщение к русскому языку, мы узнаем много нового о русском порядке слов.

Глава 13 посвящена генеративным подходам к морфологии.

Глава 14 посвящена теории связывания. Изменения, которые она претерпела с приходом минимализма, были особенно наглядными. Кроме того, в ее эволюции также сыграло огромную роль расширение языкового охвата генеративной грамматики.

Главы 15 и 16 рассказывают о генеративных подходах к русскому глагольному виду и к актуальному членению предложения. Эти две области мы выбрали потому, что они особенно подробно изучены в рамках отечественной лингвистической традиции. Будет любопытно посмотреть, что нового может привнести в их изучение генеративная грамматика.

В главе 17 очень кратко представлено еще несколько тем, в изучение которых генеративисты внесли большой вклад, но которые не были охвачены в предыдущих главах. Несмотря на это, огромное количество проблем все равно останется за кадром.

Этот учебник не претендует на всесторонний охват генеративизма. Скорее, мы надеемся, что, прочитав его, вы сможете, а главное, захотите самостоятельно разобраться в современных работах, выполненных в русле генеративной грамматики. Число таких работ за последние десять лет превосходит количе-

ство публикаций по всем остальным формальным синтаксическим теориям вместе взятым, появившихся с момента их зарождения [Казенин 2006, стр. 403]. Это огромный кладезь данных и обобщений, и мы надеемся, что приобщиться к нему будет полезно и интересно каждому читателю.

Часть I

Основы генеративной грамматики

Глава 2

X-штрих-теория

2.1. Части речи

В этой главе мы изучим основы описания структуры предложений, за которые в теории управления и связывания отвечает x-штрих-теория. Для начала подумаем над такой проблемой.

Со времен Аристотеля люди делят все слова в языке на существительные, глаголы, прилагательные, наречия и другие части речи. Но до сих пор возникает, по крайней мере, два вопроса, связанных с этим делением: 1) откуда мы знаем, к какому классу отнести то или иное слово? 2) зачем это нужно?

Из школьной программы по русскому языку вы наверняка помните, что существительное отвечает на вопрос "кто? что?", глагол — "что делать?", а прилагательное — "какой? какая? какие?" Интересно: чтобы узнать, глагол ли перед нами, мы используем в вопросе глагол *делать*, а для определения прилагательного — вопросительное прилагательное *какой*. Получается замкнутый круг. Такой способ классификации хорош для детей школьного возраста, но для серьезного ответа на наш первый вопрос он не годится.

Есть еще один старинный критерий — он называется семантическим, потому что исходит из значения слов. Помните, что существительное обозначает предмет или лицо, глагол — действие, а прилагательное — качество? Однако к каким частям речи мы отнесем слово *строительство*, обозначающее действие

длиной в полгода (1-a), слово *влюблен*, обозначающее состояние (1-b), и слово *находится*, обозначающее местоположение (1-c)?

(1) a. Строительство дома заняло всего полгода.
b. Твой сосед по парте в тебя влюблен!
c. Екатеринбург находится на границе Европы и Азии.

Еще сложнее ситуация в английском языке. К какой части речи отнести слово *water* 'вода'?

(2) a. I like water, it's refreshing.
я люблю воду она освежающая
'Я люблю воду, она освежает'.
b. You should water these flowers twice a week.
ты должен поливать эти цветы дважды АРТ неделя
'Нужно поливать эти цветы дважды в неделю'.

Как видно, семантический критерий классификации слов тоже не вполне пригоден: он очень приблизителен и часто не попадает в точку. Нам остается прибегнуть к более формальным способам деления слов на классы. Таких способов два, и они связаны друг с другом: морфологический и синтаксический.

Морфологический критерий лучше работает в таких языках, как русский. Существительные, глаголы, прилагательные и наречия обладают своей парадигмой — набором изменяемых форм, а также своими словообразовательными суффиксами. Например, с помощью суффикса *-ств-*, за которым следует окончание *-о* (1-a), образуются только существительные: *попечительство*, *упрямство*, *вредительство*. Окончание *-ит* и постфикс *-ся* — признаки глагола в русском языке. В начале книги мы упоминали сборник сказок Ларисы Петрушевской "Пуськи бятые", где все слова, кроме служебных, — несуществующие. А знаменитое предложение Л.В. Щербы?

(3) Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка.

Семантический критерий в таких случаях абсолютно бесполезен,

но нам помогает морфология.

В английском языке, как мы видели в (2), морфология не всегда служит надежной опорой в деле классификации слов. Да и в русском — как определить, является ли слово *интересно* кратким прилагательным или наречием? Здесь на помощь приходит синтаксический критерий. Существительные выполняют ограниченное число функций в предложении. Чаще всего они встречаются в роли подлежащего или дополнения. То есть *water* в (2-a) — существительное, потому что оно следует за глаголом, а в (2-b) — глагол, потому что предшествует словосочетанию, состоящему из существительного и детерминатора и являющемуся его дополнением.

Анализ подобных словосочетаний позволит нам не только распределить слова по разным классам[1], но и ответить на второй вопрос, поставленный в начале раздела: зачем это нужно? Мы вернемся к этому вопросу, после того как подробнее рассмотрим понятие синтаксической группы.

2.2. Группы в языке

Первое, что мы можем сказать о структуре предложений, — это что слова в них разбиваются на группы, которые примерно соответствуют словосочетаниям в традиционной грамматике. В главе 1 мы рассмотрели один из признаков группы — способность замещаться местоимениями. Не все группы можно заменить местоимениями, но местоимение можно поставить только на место группы. Это свойство местоимений используется в качестве одного из тестов для выявления групп.

Существуют и другие тесты — целая серия связана с перемещением элементов. Если порядок слов в предложении можно изменить так, чтобы некоторый его отрезок переместился влево или вправо, значит, перемещенные слова, скорее всего, образуют группу. В русском языке порядок слов относительно свободный,

[1]Это может оказаться довольно сложной задачей. Существуют противоречивые мнения по поводу количества частей речи в разных языках. Однако работа [Baker 2004] содержит аргументы в пользу точки зрения, излагаемой здесь: при верном выборе критериев мы не найдем больших различий между английским и такими языками, как могавк.

что позволяет довольно легко перемещать разные синтаксические группы:

(4) [Решиться на этот поступок] Вася не смог.

В языках с фиксированным порядком слов, например, в английском, для перемещения группы иногда требуется расщепить предложение, превратив его в сложноподчиненное. Носители языка делают это для того, чтобы выделить для собеседника какую-то часть своего высказывания. Рассмотрим следующее предложение:

(5) He broke a new helicopter.
он сломал АРТ новый вертолет
'Он сломал новый вертолет'.

Группу *a new helicopter* 'новый вертолет' можно вынести в начало предложения с помощью приема, который называется клефтом (при клефте вперед выносится новая информация):

(6) It was [a new helicopter] that he broke.
это был АРТ новый вертолет что он сломал
'Он сломал именно новый вертолет'.

Возьмем другой пример:

(7) I like rice and beans.
я люблю рис и фасоль
'Мне нравится рис с фасолью'.

С помощью приема, который называется псевдоклефтом, можно выделить группу *rice and beans* 'рис с фасолью' (при псевдоклефте новая информация оказывается в конце предложения):

(8) What I like is rice and beans.
что я люблю есть рис и фасоль
'Что я люблю, так это рис с фасолью'.

Еще один способ выявления групп — тест на сочинение. Как правило, с помощью сочинительных союзов к группе можно присоединить еще одну группу такого же типа:

(9) [Миша] и [дедушка с седой бородой] вышли из дома.

Этот пример показывает, что *Миша* и *дедушка с седой бородой* – две группы одного типа[2].

Однако необходимо помнить, что не все тесты применимы к любой группе: не каждую группу можно, например, заменить местоимением или перенести в начало предложения. Кроме того, иногда какой-то тест срабатывает и в тех случаях, где группы нет. Рассмотрим, например, следующее предложение:

(10) John's oldest and Mary's youngest son went
Джон.РОД старший и Мэри.РОД младший сын пошел
to school.
в школу
'Джонов старший и Мэрин младший сын пошли в школу'.

Создается впечатление, что здесь мы имеем дело с сочинительной связью сочетаний [*John's oldest*] и [*Mary's youngest*], то есть они ведут себя как группы. Однако в этом примере есть эллипсис: в первой группе пропущено слово *son* 'сын'. Эллипсис принято обозначать буквой *e* (от английского *empty* 'пустой'). Поэтому на самом деле сочинительная связь возникает между такими группами: [*John's oldest e*] и [*Mary's youngest son*].

2.3. Части речи и типы групп

Вернемся к вопросу о том, зачем нам нужно распределение всех слов языка по разным классам, называемым частями речи. В каждой синтаксической группе есть главный и зависимый элемент. По определению Чарльза Базелла, которое приводится в книге Я.Г. Тестельца [Тестелец 2001, стр. 79],

[2]Впрочем, в некоторых случаях сочинению могут подвергаться и группы разных типов:

(i) Он придет [веселый] и [с цветами].

В этом предложении союз *и* соединяет прилагательное с предложной группой.

> Про один член синтагмы [словосочетания — Я.Т.] можно сказать, что он подчиняет второй, если первый характеризуется теми же признаками, которые характерны для всей синтагмы.

Для иллюстрации этого определения возьмем пример из учебника Эндрю Рэдфорда “Transformational Grammar” [Radford 2004]. Положим, при ответе на вопрос мы используем не целое предложение, а только его часть. Такая часть всегда является синтагмой, или синтаксической группой:

(11) a. A. – What are you going to do?
что ВСП ты собираешься ИНФ делать?
‘A. – Что ты будешь делать?’
b. B. – Help you.
помогать тебе
‘B. – Помогать тебе’.

Какое слово в (11-b) является зависимым, а какое — главным? Воспользуемся приведенным выше определением. Если вся группа в целом ведет себя, как слово *help*, оно и есть главное. Если же группа ведет себя, как слово *you*, главным окажется *you*. Начнем с их синтаксической дистрибуции:

(12) a. I am trying to help you.
я ВСП пытаюсь ИНФ помочь тебе
‘Я пытаюсь помочь тебе’.
b. I am trying to help.
я ВСП пытаюсь ИНФ помочь
‘Я пытаюсь помочь’.

(13) a. You are difficult.
ты есть трудный
‘Ты трудный’.
b. *Help you are difficult.
помочь тебе есть трудный
‘*Помочь тебе трудный’.

Мы видим, что предложения в (12) практически синонимичны и что слово *help* может заменить собой всю группу, иначе говоря, она ведет себя как глагол. Мы не можем сказать того же про второй член группы, местоимение *you*. Соответственно, главным элементом этой группы является глагол, а значит, и названа она будет "в честь" глагола — VP (verb phrase = глагольная группа). Это приводит нас к ответу на вопрос, заданный в начале этой главы: чтобы знать, как назвать группу и какие свойства она будет проявлять, нам следует разбираться в частях речи.

Рассмотрим четыре основных типа групп, с которыми работает генеративная грамматика, хотя список групп ими не ограничивается:

- именная группа NP (noun phrase);
- глагольная группа VP (verb phrase);
- группа прилагательного AP (adjective phrase);
- предложная группа PP (prepositional phrase).

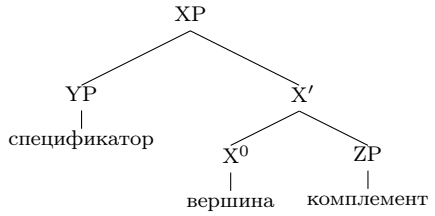
Группа может содержать очень много слов, а может — всего одно (исключением является предложная группа, которая не может состоять из одного лишь предлога). Приведем примеры всех четырех упомянутых групп:

- NP: *дом; большой дом; пшеница, которая в темном чулане хранится в доме, который построил Джек*;
- VP: *прятался; прятался в траве; часто прятался в зеленой траве*;
- AP: *довольный; довольный собой; очень довольный поведением своих детей*;
- PP: *после дождя; вскоре после дождя; вскоре после холодного осеннего дождя.*

2.4. Общая схема: вершины, комплементы, спецификаторы

X-штрих-теория описывает структурную форму синтаксических групп, и эта форма получается вполне единообразной. В общем виде структура составляющих выглядит вот так:

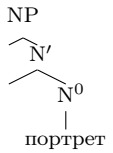
(14)



Названия узлов на этом рисунке — термины, вместо которых в прошлом разделе мы использовали общеупотребительные слова. **Вершина**, или ядро, (head) — это главная составляющая группы, **комплемент** (complement) — зависимая составляющая. О **спецификаторе** (specifier) речь пойдет чуть ниже. В узлах могут находиться слова или определенного рода “невидимые” элементы, а может и ничего не находиться. Вершина — самый главный узел, задающий поведение всей группы, хоть и расположен он совсем не наверху, а на нижней боковой ветке.

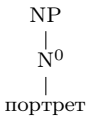
Рассмотрим на примерах структуру упомянутых выше лексических групп: именной, глагольной, предложной и группы прилагательного. Как мы говорили, группа может состоять всего из одного слова — например, именная группа *портрет*. Изобразить ее структуру в рамках х-штрих теории можно несколькими способами. Слово *портрет* обязательно должно попасть в позицию вершины, а все остальные узлы можно оставить пустыми.

(15)



Можно ненужные ветви не рисовать и убрать даже пустой переходный узел N’, не забывая, впрочем, что он существует:

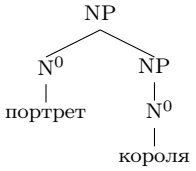
(16)



Теперь рассмотрим более сложную именную группу: *портрет короля*. Поскольку эта группа ведет себя как слово *портрет*, именно *портрет* окажется в позиции вершины. А *короля* попадет в позицию комплемента. Важно только помнить, что в эту позицию попадает не слово, а синтаксическая группа, которую тоже можно рекурсивно разложить[3].

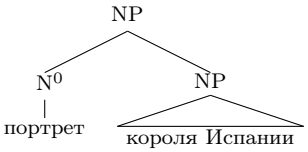
Поскольку в именной группе *портрет короля* есть и вершина, и комплемент, заполненными окажутся два узла. Соединяющий их промежуточный узел N' для простоты можно не рисовать:

(17)



Кроме того, в некоторых случаях группу можно не раскладывать на составляющие, а обозначить треугольником. Этот треугольник показывает, что узел заполнен группой, но ее устройство в данном случае для нас не важно, потому что нас интересует какой-то другой участок предложения:

(18)

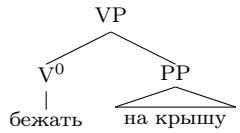


Структура других групп описывается и изображается точно так же. Вот примеры глагольных групп *бежать на крышу* и *дарить*

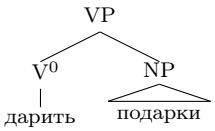
[3]Эта группа может оказаться и более сложной, например: *портрет короля Испании* или *портрет великого короля этой прекрасной страны.*

подарки, предложной группы[4] *после выступления* и группы прилагательного *сердитый на соседей*.

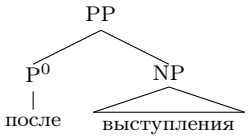
(19)



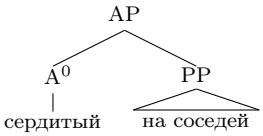
(20)



(21)

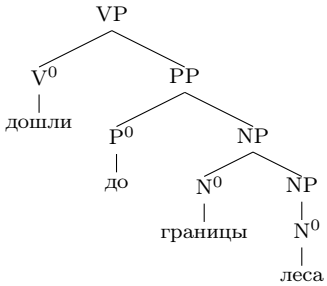


(22)



Теперь попробуем шаг за шагом нарисовать структуру более сложной группы — *дошли до границы леса*. Первым делом надо определить, какого типа эта группа и где в ней вершина. Это глагольная группа, главное слово в ней — *дошли*, и именно оно попадет в позицию вершины. Оставшаяся часть— *до границы леса* — займет позицию комплемента. Теперь надо определить, какого типа группой является это сочетание. Это предложная группа, и вершина в ней — предлог *до*. В позиции комплемента этой предложной группы оказывается именная группа *границы леса*, вершина в ней — *границы*, а комплемент — именная группа *леса*, которая состоит только из вершины, без комплемента. Таким образом, полная структура глагольной группы *дошли до границы леса* выглядит вот так:

(23)



[4]Вершиной предложной группы является предлог, потому что позиции, в которых может встретиться эта группа, определяются именно предлогом, а не соединяющейся с ним именной группой [Тестелец 2001, стр. 83].

Задание 1 (ответы к заданиям приводятся в конце книги)
Нарисуйте структуру следующих групп:

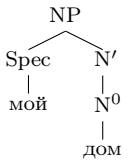
(24) автор книги о жизни обитателей водоемов

(25) поселился на крыше дома заместителя прокурора.

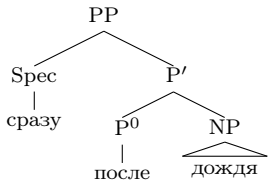
Рассмотрим теперь позицию спецификатора. В первом приближении можно считать, что в этой позиции оказываются указательные и притяжательные местоимения (*этот, мой* и т.д.), артикли, а также наречия *сразу, очень* и пр. Впоследствии мы убедимся, что эту позицию могут занимать группы, а пока для простоты обозначим попадающие туда элементы как *Spec*.

Нарисуем структуры некоторых групп, содержащих спецификаторы. В первом примере *мой дом* нет комплемента, поэтому на схеме изображены только вершина и спецификатор. В примере *этот портрет короля* мы нарисовали структуру комплемента, а в двух оставшихся примерах (*сразу после дождя* и *очень сердитый на детей*) отобразили ее треугольником:

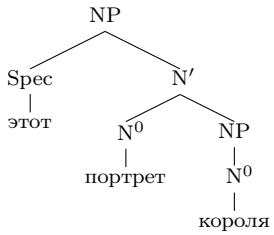
(26)



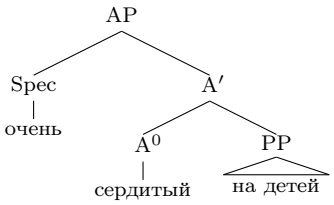
(27)



(28)



(29)



Задание 2
Нарисуйте структуру следующих групп:

(30) жили под корнями этих деревьев

(31) сразу после моего возвращения в Москву

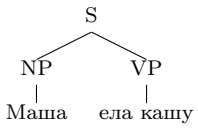
(Подсказка: слова *этих*, *сразу* и *моего* попадают в позицию спецификатора.)

2.5. Структура предложения

В предыдущих разделах мы рассмотрели структуру отдельных групп — “отрезков” предложения. А как в х-штрих теории будет выглядеть структура целого предложения? Какова, например, структура предложения *Маша ела кашу*?

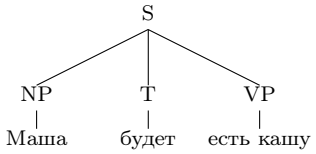
В самых ранних генеративных работах предложение разделялось на именную и глагольную группы и изображалось вот так:

(32)



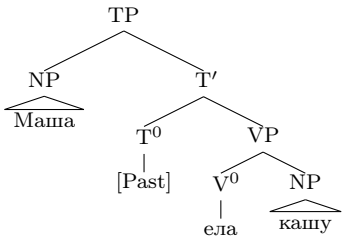
Позже в предложении стали выделять некоторую часть, которую определили как **время** (tense). Еще Аристотель разделил предложение на подлежащее (субъект) и сказуемое (предикат), где второй сообщает некую информацию о первом. Грамматическое время — как якорь, закрепляющий эту информацию в реальном мире. Если в предложении не содержится указания на время (например, *(Я пришел,) чтобы поговорить с Машей; Уходите!*), это тоже очень важная информация. Так, два приведенных выше примера отражают лишь желание говорящего, но ничего не сообщают о том, как обстоят дела в реальности: осуществилось ли оно, или еще осуществится, надеется ли на это говорящий (или надеялся в прошлом) и т.д. Для отображения времени к синтаксическому дереву была добавлена особая позиция:

(33)



Но если объединить глагольную группу и время во **временную группу** TP (tense phrase), то структуру предложения можно будет представить в стандартах x-штрих теории. В вершине окажется время, комплементом станет глагольная группа, а позицию спецификатора займет подлежащее. Заметим, что подлежащее может оказаться весьма разветвленной группой, как, например, в предложении *Сестра моего соседа ела кашу.* Вообще говоря, не могут ветвиться только те элементы, которые являются вершинами, а спецификатор и комплемент могут оказаться очень сложными группами. Позицию времени могут занимать вспомогательные глаголы (auxiliary verbs, сокращенно aux) вроде русского *будет* и английского *was* ‘был’ или, если время не обозначено отдельным словом, “абстрактные” признаки времени, например, [Past] в примере ниже (так называется прошедшее время на английском языке).

(34)



Кроме того, в позицию T^0 мы предварительно поместим модальные глаголы, например, *может* в следующем предложении:

(35) Маша может есть кашу.

Что бывает, когда вспомогательных глаголов несколько, мы рассмотрим в главе 11.

В некоторых работах вместо группы TP используется группа IP (inflectional phrase). Это название отсылает нас к термину *inflection* ‘словоизменение’, так как в европейских языках время чаще всего выражается при помощи глагольных суффиксов. TP и IP немного отличаются по смыслу, но используются в большинстве случаев одинаково: просто одни лингвисты предпочитают одно обозначение, а другие — другое.

Задание 3
Нарисуйте структуру следующего предложения:

(36) Этот кот живет на крыше.

2.6. Адъюнкты

Рассмотрим еще один элемент х-штрих теории, о котором мы пока не упоминали. Как будет выглядеть структура именной группы *эти глупые помощники директора*? Выше мы уже рисовали дерево для группы *эти помощники директора*. А куда присоединяется эпитет *глупые*? Это **адъюнкт** (adjunct).

Самые распространенные адъюнкты — группы прилагательных, характеризующие какую-либо именную группу, и предложные группы в роли обстоятельств места, времени и т.п. Например, в (37) адъюнктами являются две группы прилагательного (*вкусную* и *манную*) и две предложных группы (*на крыше* и *в пятницу*).

(37) Маша ела вкусную манную кашу на крыше в пятницу.

Адъюнкты занимают в нашей структурной схеме дополнительные, второстепенные позиции. Чем адъюнкт отличается от комплемента и спецификатора?

1. Адъюнкты никогда не бывают обязательными, а комплементы и спецификаторы бывают[5]. Например, многие глаголы нельзя использовать без дополнения: **Маша определяет*, **Маша съела*. В языках, где есть артикли, именная группа обычно не может употребляться без спецификатора: *the apple* ‘ART яблоко’, *this apple* ‘это яблоко’, *my apple* ‘мое яблоко’ ит.д.

2. В отличие от комплементов и спецификаторов, количество адъюнктов не ограничено. Например, в предложении (37) у глагола два адъюнкта и может быть еще больше, а комплемент всего один. Если мы захотим добавить к манной каше,

[5]На самом деле ситуация несколько сложнее (см., например, [Grimshaw and Vikner 1993]).

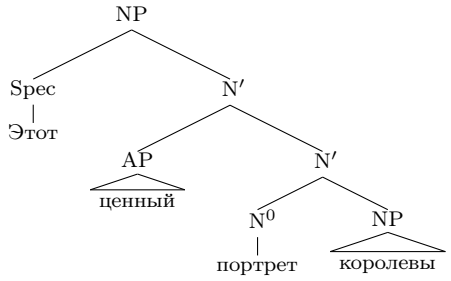
скажем, пироги, нам придется объединить их в одну группу при помощи сочинительной связи (использовав союз *и* или запятую), иначе предложение окажется неграмматичным. Также неграмматичны конструкции с двумя спецификаторами, например, **the my apple* ‘ART мое яблоко’[6].

3. Когда вершина соединяется с комплементом, образуется узел вида X’, когда к ним добавляется спецификатор — узел вида XP. Как мы убедимся позже, адъюнкт не меняет тип той группы, к которой он присоединяется.

На самом деле, не всегда очевидно, в какой роли — адъюнкта или комплемента — выступает та или иная группа. Когда мы будем говорить о тета-теории, отличие адъюнктов от комплементов станет понятнее, но спорные случаи все равно останутся.

Рассмотрим несколько синтаксических деревьев с адъюнктами. Как мы отметили выше, адъюнкты не меняют тип модифицируемой группы и просто создают дополнительный узел X’ или XP. Например, в именной группе *этот ценный портрет королевы* группа прилагательного *ценный* прикрепляется к узлу N’, который возник в результате удвоения имевшегося узла N’:

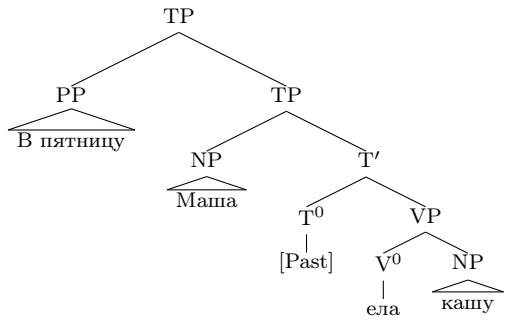
(38)



[6]Внимательный читатель может заметить, что в русском иногда встречаются выражения вроде *этот мой ученик*. Их трудно описать в рамках той схемы, с которой мы пока познакомились, однако в главе 11 мы узнаем, что именные группы устроены несколько сложнее. В целом можно сказать, что, анализируя все более сложные конструкции по мере развития генеративной грамматики, разные лингвисты пошли разными путями. Встречаясь с несколькими претендентами на один спецификатор, одни авторы делали вывод о том, что синтаксическая структура примера сложнее, чем казалась изначально, а другие допускали существование нескольких спецификаторов.

Теперь посмотрим, как адъюнкт встраивается в более сложную группу — в предложение. В примере (39-a) адъюнктом является предложная группа *в пятницу*. Она модифицирует все предложение, поэтому для ее присоединения удваивается верхний узел дерева TP:

(39) a. В пятницу Маша ела кашу.
b.



Задание 4
Нарисуйте две возможные структуры для следующей именной группы:

(40) помощник президента с седой бородой.

(Подсказка: седая борода может быть как у президента, так и у его помощника. Каждому из этих случаев соответствует своя структура. Предложная группа *с седой бородой* — это адъюнкт.)

2.7. Сложные предложения, комплементаторы

Как будет выглядеть структура сложного предложения? Например:

(41) Я слышал, что слоны боятся мышей.

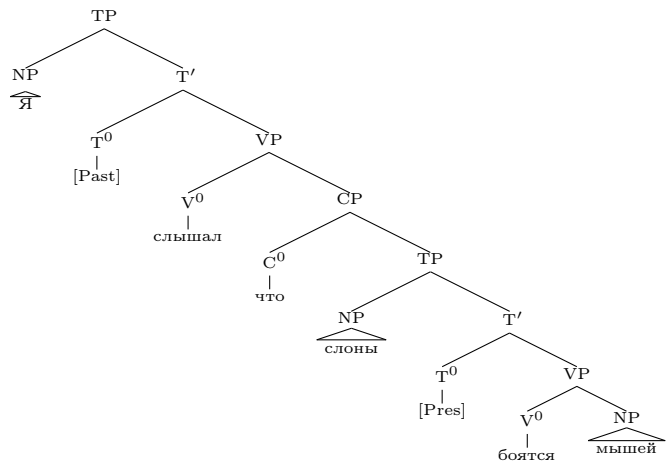
В этом предложении мы легко сможем нарисовать придаточное *слоны боятся мышей*. Но как оно встраивается в главное предложение? Прежде всего, заметим, что на месте конструкции *что*

слоны боятся мышей вполне могла бы быть именная группа:

(42) Я слышал **эту историю**.

Значит, группа *что слоны боятся мышей* занимает ту же позицию: комплемента глагольной группы из главного предложения. Теперь нам надо разобраться, к какому типу относится эта группа. Вершиной в такой ситуации принято считать союз *что*, а придаточное — его комплементом. Подчинительные союзы и некоторые другие похожие на них слова в генеративной грамматике называют **комплементаторами** (complementizer). Соединяясь с придаточным предложением, они образуют **группу комплементатора** CP (complementizer phrase). В результате получается такая схема:

(43)



Задание 5
Нарисуйте структуру следующего предложения:

(44) Милиционеры подумали, что этот мальчик угнал вертолет.

Подведем итоги. Мы рассмотрели структуру шести групп: NP, VP, PP, AP, TP и CP. Четыре первых принято называть **лек-**

сическими, их вершины соответствуют традиционным частям речи. Эти группы отличаются большим разнообразием: число элементов, которые могут оказаться их вершинами, практически не ограничено. Исключением является лишь предложная группа: предлоги в каждом языке составляют ограниченную и не слишком обширную группу. В этом смысле предложная группа тяготеет к двум оставшимся группам, TP и CP, — их принято называть **функциональными**. Их вершины заполняются словами вроде союзов и вспомогательных глаголов (количество которых в каждом языке невелико) или даже просто грамматическими признаками, значение которых не выражено отдельным словом. В качестве примера можно привести прошедшее время в предложении *Маша ела кашу*. В генеративной грамматике используются и другие функциональные группы — мы познакомимся с ними в следующих главах.

Что касается лексических групп, то разные ученые выделяют разное их количество. Как быть, например, с наречиями? Во многих работах для них вводится отдельная группа — группа наречия AdvP (adverbial phrase). Однако другие лингвисты рассматривают эти группы как разновидность AP. Действительно, наречия в чем-то очень похожи на прилагательные, только они обычно сообщают о признаках действий, а не о признаках предметов или явлений. Но иногда наречия могут модифицировать и именные группы: например, *яйцо всмятку*. В нашей книге мы будем различать группы AP и AdvP.

В заключение заметим, что в генеративной грамматике существует несколько разных подходов к описанию групп. Как явствует из примера с наречиями, общепринятой версии x-штрих теории не существует. Кроме того, в минимализме ей на смену пришла **теория простых групп** (Bare Phrase Structure Theory). Тем не менее, x-штрих теория используется во многих статьях, до сих пор не потерявших свою актуальность. Кроме того, она позволяет легко и наглядно объяснить многие положения генеративной грамматики. Именно поэтому мы рассматриваем ее здесь так подробно.

Глава 3

Другие базовые свойства синтаксических структур

3.1. Линеаризация. Параметр расположения вершины

Умение разговаривать на своем родном языке чем-то сродни умению ходить. Ходить — в том числе по пересеченной местности или вверх-вниз по лестнице — умеет любой здоровый человек. Никто не задумывается над тем, через сколько миллисекунд оторвать подошву от земли, как правильно перенести вес с одной ноги на другую, насколько сильно напрячь ту или иную мышцу. Тем не менее описать, как именно мы все это делаем, а уж тем более создать формальную модель очень и очень трудно. Недаром роботы, которые могут подняться по самой обыкновенной лестнице, появились лишь недавно, и над их созданием бились целые институты.

Точно так же обстоит дело и с использованием родного языка. В голове у каждого из нас заложена программа (как мы говорили в главе 1, отчасти врожденная, отчасти настраивающаяся в первые годы жизни), которая позволяет нам без труда понять любое предложение на родном языке: не только каждое слово по отдельности, но и как они все связаны между собой. Более того, если показать нам неграмматичное предложение, мы сразу же его распознаем: нет, так по-русски сказать нельзя. При этом

описать, как именно мы это делаем, какие правила используем, совсем непросто. Слова объединяются в группы, группы образуют иерархическую структуру, но четко описать эту структуру пока не удается — несмотря на значительные успехи последних десятилетий, в формальных синтаксических моделях пока много спорного.

Тем не менее, какие-то вещи понятны уже сейчас. Подумаем немного над тем, что происходит, когда мы понимаем какое-то предложение. Одна из основных задач, которые нам надо решить, — восстановить его структуру из цепочки слов, которые мы слышим или читаем. Если бы первое слово в предложении зависело от второго, второе от третьего и т.д., это было бы тривиально, однако очевидно, что это не так. Как же мы это делаем?

Как структура предложения соотносится с порядком слов, легче понять, начав со структуры. Превращение синтаксической структуры в цепочку слов называется **линеаризацией** (linearization). Посмотрев на деревья, которые мы рисовали в первой части, можно убедиться, что они всегда превращаются в цепочки слов по одному и тому же строгому правилу. Первым идет спецификатор самой высокой в дереве группы, затем ее вершина, затем комплемент. Это же правило определяет порядок слов внутри спецификатора и комплемента, которые обычно сами являются сложными группами.

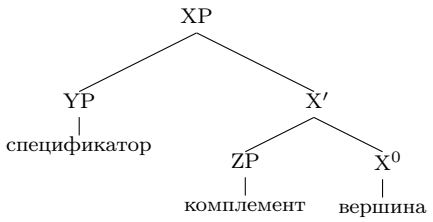
Именно это имеют в виду генеративисты, когда говорят, что язык в своей основе устроен просто и красиво. Более того, очевидно, насколько это удобно для говорящего и слушающего. На рисунках все получается особенно наглядно: если осматривать дерево по кругу слева направо, начиная с первого спецификатора, то слова на концах ветвей будут расположены в нужном порядке. Несколько портят картину только адъюнкты: в одних случаях они идут перед теми группами, которые модифицируют, в других — после них.

Следующий вопрос, который мы должны задать, следуя духу генеративной грамматики, — действует ли обнаруженное нами правило во всех языках? Выясняется, что нет: например, в русском языке дополнение идет после глагола, а в японском — перед ним.

Однако отчаиваться рано. Возможно, различия между языками не случайны и бессистемны, а связаны с разными установ-

ками какого-то параметра? Так оно и есть: порядок слов в японском определяется тем же правилом, что и в русском, с одной небольшой модификацией. В русском языке вершины идут перед своими комплементами, а в японском — за ними. За это отвечает так называемый **параметр расположения вершины**. Чтобы показать это наглядно, структуру составляющих для японского и других таких же языков изображают так:

(1)



Таким образом, осматривая японские синтаксические деревья по кругу слева направо, мы также получим порядок слов в соответствующих предложениях, как и в случае с русским языком. Японский принято называть **языком с вершиной справа** (right-headed language), а русский — **языком с вершиной слева** (left-headed language). Как это часто бывает, минимальные отличия в формулах-параметрах дают поразительный результат: порядок слов в русском и японском языке на первый взгляд не имеет ничего общего!

(2) a. Дай книгу, которая лежит на столе!

b. Teburu-no ue-ni aru hon-o kure!
стол.РОД на.ЛОК находящийся книга.ВИН дай

Пожалуй, больше всего бросается в глаза порядок следования основных членов предложения. В типологии его принято описывать при помощи букв S, O и V — subject, object, verb, то есть подлежащее, дополнение, глагол. Базовый порядок слов в русском и английском — SVO, а в японском и турецком — SOV.

Что значит “базовый порядок слов”? Как известно, по-русски можно сказать не только *Маша ест кашу*, но и *Кашу Маша ест*, *Кашу ест Маша* и т.д. Тем не менее, только одно из этих трех предложений — первое — можно использовать, если раньше в

тексте не упоминалась ни Маша, ни каша и мы просто рассказываем о том, что происходит. Такой порядок слов принято называть базовым, или нейтральным.

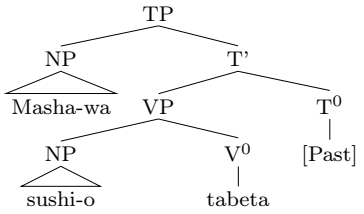
Остальные порядки слов связаны с различными дополнительными оттенками значения. Например, второе предложение либо отвечает на вопрос *Что Маша делает с кашей?*, либо предполагает противопоставление (скажем, *Кашу Маша ест, а от котлет отказывается*), либо подразумевает особый акцент на слове *каша*... Явления такого рода описывает особая область лингвистики — актуальное членение предложения. Соответствующий раздел есть и в генеративной грамматике — ему посвящена глава 16. Пока мы до нее не добрались, мы будем рассматривать только базовые порядки слов в разных языках[1].

Разбирать предложения в языках с базовым порядком SVO мы уже научились. Теперь возьмем японский пример *Маша ела суши.* Два первых слова в нем звучат вполне узнаваемо:

(3) Masha-wa sushi-o tabeta.

Это предложение легко описывается схемой, которую мы привели для языков с вершиной справа:

(4)



Согласно приведенной в книге Марка Бейкера “Атомы языка” классификации Рассела Томлина [Бейкер 2008; Tomlin 1986], языки с базовыми порядками SVO и SOV составляют 42% и 45% от всех известных науке языков. Таким образом, в этом разделе мы

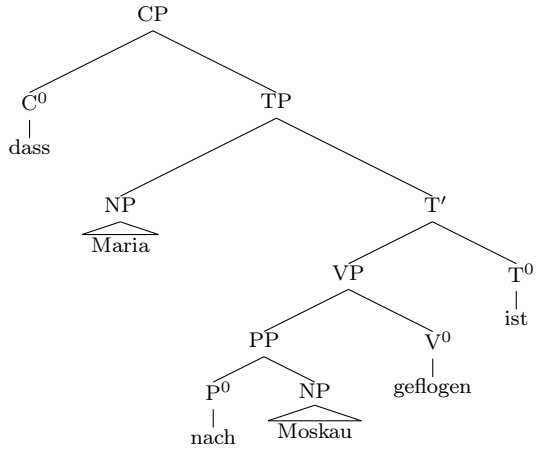
[1]Хотя в письменном русском языке нейтральный порядок слов SVO, в разговорной диалогической речи в качестве ответа на вопрос *Что происходит?* возможны и даже более вероятны предложения с порядком слов SOV. В [Слюсарь 2009, стр. 285-292] кратко рассказывается об этом явлении, излагается тот подход, который принят в отечественной лингвистической традиции, а также предлагается альтернативная точка зрения.

охватили подавляющее большинство языков мира, но все-таки не все. Так, в 9% языков, например, в ирландском и арабском, базовый порядок слов — VSO. Разобраться, как он получается, мы сможем чуть позже — в главе 5.

В заключение заметим, что до сих пор мы рассматривали языки, где все вершины идут либо слева, либо справа от своих комплементов. Однако есть и такие, где часть вершин расположена слева, а часть справа. Таких языков немного (что легко объяснимо и с точки зрения "красоты" грамматики, и с точки зрения удобства для слушающего), но среди них есть хорошо нам знакомые, например, немецкий. Как видно из примера (5), T^0 и V^0 идут после своих комплементов, а C^0 и P^0 — перед ними.

(5) a. ... dass Maria nach Moskau geflogen ist.
что Мария в Москва полетела ВСП
'... что Мария полетела в Москву'.

b.



Мы взяли пример с придаточным предложением, потому что в главных действуют дополнительные связанные с порядком слов закономерности, о которых мы расскажем в главе 5. Это значит, что параметр расположения вершины задается не для языка в целом, а для каждой вершины по отдельности.

Задание 6

Нарисуйте структуру следующих предложений на турецком (6)

и на корейском (7) языках (это языки с вершиной справа). Не переведенный на русский послелог в корейском примере аналогичен английскому *of* в *member of parliament* ‘член парламента’.

(6) Başkan sultanın sarayına girdi.
президент султана дворец вошел
‘Президент вошел во дворец султана’.

(7) Casayk meli uy kwukhoy uy uywueni nuse
фиолетовый волосы с парламент посл член сосед
ke moscoba ey kassta ko anta.
собака Москва в поехал что знает
‘Член парламента с фиолетовыми волосами знает, что собака соседа поехала в Москву.’

Задание 7
Помня о том, что в турецком языке вершины располагаются справа, нарисуйте структуру для следующего турецкого предложения:

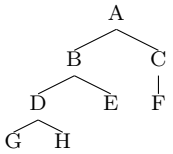
(8) Aslan balığın altın yediğini söyledi.
лев рыба золото съел сказал

Нарисовав дерево, переведите этот пример на русский язык.

3.2. Структурные отношения: сестринство, доминирование, с-командование

Рассмотрим отношения, которые возникают между различными узлами синтаксического дерева. Некоторые из этих отношений принято описывать в терминах родства: мать, дочь, сестра. Для этих терминов мы не будем приводить точных определений, их смысл интуитивно понятен. Например, в приведенном ниже дереве узлы B и C являются сестрами, узел B — мать по отношению к узлам D и E, а эти узлы по отношению к узлу B называются дочерьми.

(9)



Еще один тип отношений между узлами называется **доминированием** , или доминацией (dominance). Определяется он так. Узел X доминирует над узлом Y тогда и только тогда, когда X находится в дереве выше, чем Y, и можно провести линию из X в Y, двигаясь только вниз. На нашем рисунке узел A доминирует над всеми остальными узлами, B доминирует над D, E, G и H, а F ни над чем не доминирует. Узел B находится в дереве выше, чем F, но не доминирует над F, так как невозможно провести линию из B в F, двигаясь только вниз.

Исходя из этого легко догадаться, что такое **непосредственное доминирование** (immediate dominance). Определяется этот термин так: узел X непосредственно доминирует над узлом Y тогда и только тогда, когда не существует узла Z, который доминировал бы над Y и над которым доминировал бы узел X. В нашем дереве узел A непосредственно доминирует над узлами B и C, узел B — над D и E и т.д.

Теперь рассмотрим структурное отношение, принципиально важное для многих языковых явлений. Его называют **с-командованием** (c-command), с-коммандом или отношением структурного приоритета. В первом и втором переводе сохранена английская буква *c* ‘си’, от *constituent* ‘составляющая’. Неформально с-командование можно определить так: узел с-командует своей сестрой и всеми ее потомками. Например, на приведенном выше рисунке узел B с-командует узлами C и F. Узел C с-командует узлами B, D, E, G и H.

Чтобы проверить себя, попробуйте ответить на несколько вопросов, глядя на приведенный выше рисунок. Какими узлами с-командует узел E? Ответ: узлами D, G и H. Какими узлами с-командует узел F? Ответ: никакими, потому что у него нет сестры. Это относится и к узлу A. Какими узлами с-командует узел H? Ответ: только узлом G.

Более формально с-командование можно определить так: узел X с-командует узлом Y, если X не доминирует над Y и узел, непо-

средственно доминирующий над X, доминирует также над Y. Это отношение играет ключевую роль для многих языковых явлений: например, для связывания, о котором пойдет речь в главе 14, или для сферы поиска, с которой мы познакомимся в главе 10. В следующем разделе мы подробно рассмотрим так называемые **полярные элементы** (polarity items) — группу слов, для описания поведения которых также необходимо с-командование.

3.3. С-командование при анализе полярных элементов

В этом разделе мы будем говорить о полярных элементах, точнее, об **элементах с отрицательной полярностью** (negative polarity items). Примером элемента с отрицательной полярностью может служить английское слово *any*, а также большая группа слов, в состав которых оно входит: *anything* ‘что-либо’, *anybody* ‘кто-либо’, *anywhere* ‘где-либо’ и т.д. На русский язык слово *any* переводят разными способами, а иногда при переводе оно и вовсе исчезает:

(10) a. I do not have **any** time.
я ВСП НЕГ имею какое-либо время
‘У меня нет времени’.

b. Is there **any** coffee left?
есть ЭКСПЛ какой-либо кофе оставшийся
‘Осталось ли сколько-то кофе?’

c. John is too lazy to do **anything**.
Джон КОП слишком ленивый ИНФ делать что-либо
‘Джон слишком ленивый, чтобы что-то делать’.

d. If **anyone** should ask for me, say I've left.
если кто-либо МОД спросить за меня сказать я-ВСП ушел
‘Если кто-то спросит меня, скажите, что я ушел’.

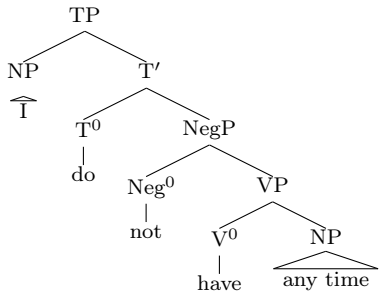
e. I doubt whether **anyone** will say
я сомневаюсь ли кто-либо вспсказать
anything.
что-либо
‘Сомневаюсь, что кто-либо что-нибудь скажет’.

В этих примерах мы видим отрицание (10-a), вопрос (10-b), выражение степени (10-c), условие (10-d) и косвенный вопрос (10-e). Эти значения передаются с помощью специальных слов: *not* ‘нет’, *too* ‘слишком’, *if* ‘если’, *whether* ‘ли’. С помощью какого элемента передается вопросительность, мы узнаем в главах 5 и 10, но интуитивно ясно, что он находится где-то в левой части предложения, куда попадают вопросительные слова. Сейчас для нас важно, что без этих особых оттенков смысла слово *any* не используется:

(11) *I have found **anything** good
я вспнашел что-либо хорошее
‘*Я нашел что-либо хорошее’.

Иначе говоря, слово *any* употребляется только в паре с особыми группами, передающими значение отрицания, вопроса, степени, условия и ряд других значений. И не просто “в паре” — эти группы должны им с-командовать. Вот, например, как выглядит структура предложения в (10-a):

(12)



Но действительно ли нам нужно с-командование? Не проще ли сказать, что слово *any* должно располагаться правее вызывающего его элемента (*not, too, if*)? Анализ более сложных приме-

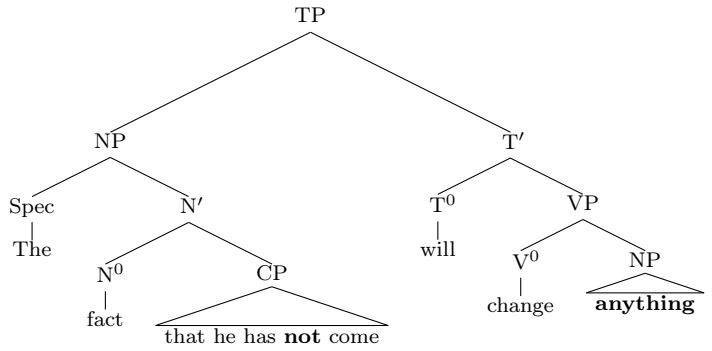
ров показывает, что без с-командования не обойтись. Вот два похожих предложения (заметим, что слово *ничего* в русских переводах ведет себя так же, как *any*):

(13) a. The fact that he has come will **not** change
АРТ факт что он ВСП пришел ВСП НЕГ изменит
anything.
что-либо
'Тот факт, что он пришел, ничего не изменит'.

b. *The fact that he has **not** come will change
АРТ факт что он ВСП НЕГ пришел ВСП изменит
anything.
что-либо
'*Тот факт, что он не пришел, ничего изменит'.

В обоих предложениях отрицание находится левее слова *any*, однако второй пример неграмматичен. Почему? Отрицание в нем не с-командует *any*, так как находится глубоко внутри придаточного предложения:

(14)



Надо заметить, что, кроме рассмотренных выше значений, у *any* есть еще одно, близкое к слову *любой*. В этом значении *any* не является полярным элементом и не требует каких-то особых структурных отношений:

(15) Any teacher likes vacations.
любой учитель любит каникулы

Рассмотрим примеры с другими элементами с отрицательной полярностью. В английском их особенно много: например, слово *ever* ‘когда-либо’ или разговорные выражения *care a damn* ‘беспокоиться хоть немного’ и *lift a finger* ‘пошевелить хотя бы пальцем’. Есть такие элементы и в русском языке, но их анализ осложняется рядом независимых факторов.

(16) a. I did not think he would **ever** come.
я ВСП НЕГ думать он ВСП когда-либо придти
‘Я не думал, что он когда-нибудь придет’.

b. He is too selfish to **care a damn**
он КОП слишком эгоистичный ИНФ беспокоиться
about what happens to you.
о что случается к тебе
‘Он слишком самолюбив, чтобы хоть немного беспокоиться о том, что с тобой’.

c. I doubt whether he would
я сомневаюсь ли он ВСП
lift a finger to help you.
пошевелить-пальцем ИНФ помочь тебе
‘Я сомневаюсь, что он хоть пальцем пошевелит, чтобы помочь тебе’.

В примерах (17-a) и (17-b) выделенные группы не попадают в такую позицию, где ими с-командовал бы некий элемент, создающий значение отрицания, вопроса и пр., поэтому предложения получаются грамматически неправильными.

(17) a. *He **cares a damn** about what happens to you.
он беспокоится о что случается к тебе
‘Он хоть немного беспокоится о том, что с тобой’.

b. *I think he would **lift a finger** to
я думаю он ВСП пошевелить-пальцем ИНФ
help you.
помочь тебе
‘*Я думаю, что он хоть пальцем пошевелит, чтобы помочь тебе’.

Глава 4

Тета-теория

4.1. Аргументы и предикаты

В начале этой книги мы говорили о том, что грамматическая теория должна объяснять, почему одни предложения грамматически приемлемы, а другие — нет. В главе 2 мы познакомились с первым модулем теории управления и связывания — с х-штрих теорией и научились рисовать структурные схемы для предложений типа *Вася ест торт*. А что мешает нам нарисовать схему для предложения **Вася гуляет торт*? Это предложение грамматически неприемлемо, но дерево у него получится точно такое же, как у *Вася ест торт*. Получается, что х-штрих теория не отсеивает большую группу неправильных предложений. Поэтому нужен какой-то другой модуль, который отбраковывал бы предложения типа **Вася гуляет торт*, но при этом оставлял бы не менее абсурдные, но при этом грамматически правильные предложения типа *Вася ест паровоз*.

Здесь ничего нового придумывать не нужно. Такой модуль уже существует в традиционной лингвистике, о чем легко могут догадаться искушенные в языковедении читатели — это теория валентности. В генеративной грамматике этот модуль называется **тета-теорией** (theta-theory). Основные понятия теории валентности — аргумент и предикат.

Предикат описывает некоторую ситуацию: действие, состояние. Ему требуются аргументы — участники той ситуации, кото-

рую он описывает. Соответственно, глагол-сказуемое с подлежащим и дополнениями можно рассматривать как предикат и его аргументы. По количеству аргументов предикаты делятся на:

- одноместные (*гулять*);
- двухместные (*съесть*);
- трехместные (*подарить*);
- нульместные, то есть не требующие аргументов (*светать*).

Здесь возникает важный вопрос. Как быть со словами типа *продать* и *командировать*? Некоторые лингвисты рассматривают глагол *продать* как четырехместный предикат, который описывает, (1) кто, (2) кому, (3) что и (4) за сколько продает. Что касается глагола *командировать*, то число его валентностей кажется огромным: (1) кто, (2) кого, (3) куда, (4) зачем, (5) насколько или же (5) с какого числа (6) по какое число, (7) за свой счет или за счет отправляющей или принимающей стороны...

Однако в генеративной грамматике четырехместные и пятиместные предикаты не вводятся. Максимальное число аргументов считается равным трем, а остальные участники ситуации рассматриваются как второстепенные (адъюнкты).

Итак, тета-теория описывает так называемые тематические отношения между глаголами (или другими предикатами) и их аргументами. Аргументам приписываются роли. Вот список наиболее распространенных тематических ролей:

- Agent (агенс) — тот, кто осознанно совершает какое-либо действие: ***Петя*** *ударил Мишу*.
- Theme/Patient (тема/пациенс)[1] — элемент, который претерпевает на себе какое-то действие или изменение своего состояния (например, появляется, исчезает, перемещается в пространстве): *Вася купил* ***цветы***.

[1]Мнения ученых по поводу темы и пациенса расходятся: одни считают эти термины синонимичными, а другие — нет [Rappaport-Hovav and Levin 2005, стр.48-49].

- Experiencer (экспериенцер) — тот, кто испытывает какое-то эмоциональное или ментальное состояние: ***Маша*** *испугалась собаки.*
- Goal (цель) — элемент, по направлению к которому совершается действие: *Юра уехал* ***в Париж****.*
- Source (источник) — элемент, являющийся исходным пунктом движения или источником получения чего-либо: *Юра вернулся* ***из Парижа****; Женя взял книгу* ***у Пети****.*
- Location (место) — местоположение: *Андрей живет* ***на чердаке****.*
- Benefactive (бенефициант) — тот, кто получает какую-либо выгоду от действия: *Ира купила* ***Лене*** *кофточку.*

Очевидно, что во многих случаях однозначно определить тематическую роль невозможно. Например, *Маша* в примере *Вася подарил Маше цветы* — это одновременно и цель, и бенефициант, а *Вася* выступает в роли агенса и источника. Разные лингвисты по-разному подходят к решению этой проблемы. Можно, например, сказать, что *Вася* — все же скорее агенс, чем источник, а бенефициант и цель — одна и та же роль (когда участник-бенефициант является аргументом, а не адъюнктом, он всегда также является целью). Альтернативный подход опирается на понятие **тета-роли** (θ-role) как пучка тематических ролей, связанных с аргументом (см., например, [Carnie 2008, стр. 222]). Иначе говоря, тета-роль может объединять несколько тематических ролей, относящихся к одному участнику ситуации. Скажем, в приведенном выше примере тета-роль *Васи* можно записать как *агенс/источник*. Термин *тета-роль* используется и в других работах, но как синоним тематической роли.

Тета-роли принято изображать с помощью **тета-решетки** (theta-grid). Это таблица из двух строк, в первой указываются названия тета-ролей, а во второй — индексы каждой роли. Вот так выглядит тета-решетка для глагола *подарить*:

Агенс (агенс/источник)	Тема	Цель (бенефициант/цель)
i	j	k

Чтобы показать, какой аргумент в предложении получает какую роль, их отмечают соответствующими индексами:

(1) Вася$_i$ подарил цветы$_j$ Маше$_k$.

А где оказываются адъюнкты, например, обстоятельство *на день рождения*? Адъюнкты не являются аргументами, они не обязательны для описания соответствующей предикату ситуации и не отражаются в тета-решетке.

4.2. Тета-критерий

Как тета-теория отграничивает возможности х-штрих теории и отсеивает предложения типа **Вася гуляет торт*? Такие предложения отбраковываются с помощью тета-критерия, который состоит из двух пунктов:

1. Каждому аргументу присваивается одна и только одна тета-роль (то есть один аргумент не может получить две роли одновременно).

2. Каждая тета-роль присваивается одному и только одному аргументу (то есть два аргумента не могут получить одну и ту же тета-роль).

Предложение **Вася гуляет торт* нарушает первый пункт тета-критерия. Аргумент *торт* остается без тета-роли, потому что предикат *гуляет* может присвоить только одну тета-роль, роль агенса, и ее получает *Вася*. А как быть с предложением (2)?

(2) *Вася покормил лошадь корову.

Это предложение грамматически неправильно, так как нарушает второй пункт тета-критерия. Предикат *покормил* присваивает две тета-роли. Первую роль — агенса — получает *Вася*. На вторую роль — пациенса — есть два претендента: *лошадь* и *корова*. Предложение можно исправить, если объединить их в одну группу, в результате чего вместо двух аргументов получится один составной:

(3) Вася покормил [лошадь и корову].

Однако можно привести примеры вполне правильных предложений, где одна из тета-ролей кажется незаполненной:

(4) Спонсоры подарили автомобиль.

Глагол *подарить* присваивает три тета-роли: (1) кто, (2) что и (3) кому подарил. При этом в (4) только два аргумента. Нарушается ли здесь первый пункт тета-критерия? Нет, поскольку это предложение может быть использовано, только когда третий участник ситуации известен из контекста, то есть только при обсуждении какой-либо ситуации, где ясно, о каком получателе идет речь. Тета-роль цели не имеет фонетического заполнения, однако необходимый аргумент подразумевается — он известен участникам беседы.

Кроме того, есть глаголы, которые могут выступать и как одноместные, и как двухместные предикаты — например, *читать*. Обычно этому глаголу нужны два аргумента: *кто* читает и *что*. Но он может выступать как одноместный предикат, например, в предложении (5):

(5) Он начал читать в четыре года.

Можно заметить, что одноместный и двухместный предикат *читать* отличаются не только числом тета-ролей, но и по смыслу.

Далеко не для каждого глагола можно легко определить набор тета-ролей. Поэтому мы, не останавливаясь на этом вопросе, будем стараться использовать в наших примерах глаголы, у которых тета-решетка достаточно очевидна.

Тета-теория не только устанавливает наборы тета-ролей различных предикатов и следит за тем, чтобы каждая была приписана одному и только одному аргументу, но и определяет, какому аргументу достанется какая роль. Например, в предложении (4) роль агенса может достаться только подлежащему, а прямое дополнение может получить только роль пациенса/темы. Интересно, что в любом другом предложении, где есть подлежащее и дополнение, роли агенса и пациенса/темы распределятся точно так же. Если речь идет об экспериенцере и пациенсе/теме, то подлежащее всегда получит первую роль, а прямое дополнение

вторую:

(6) Я слышу шум.

Описывая эти и другие закономерности, с которыми мы еще столкнемся в следующих главах, Марк Бейкер [Baker 1988] выдвинул **гипотезу о единообразном приписывании тета-ролей** (Uniformity of Theta Assignment Hypothesis, или UTAH). Мы не будем разбирать здесь эту тему — об этом можно прочесть, например, в [Baker 1988; Levin and Rappaport-Hovav 1995; Reinhart 2002].

Глава 5

Передвижения и теория ограничения

5.1. Передвижения и следы

До сих пор мы рисовали деревья, которые не предполагали какого-либо перемещения элементов. Однако рассмотрим английский вопрос (1-a). Его удобно описывать как результат передвижения вспомогательного глагола *have* из той позиции, которую он занимает в утвердительном предложении (1-b).

(1) a. Have you bought the car?
ВСП ты купил АРТ машину
'Купил ли ты машину?'
b. You have bought the car.
ты ВСП купил АРТ машину
'Ты купил машину'.

Передвижение глагола *have* происходит из позиции T^0 в какую-то позицию над TP. В деревьях, которые мы рисовали в предыдущих главах, над TP есть две посадочные площадки: незанятые позиции C^0 и спецификатора CP. В разделе 2.7 мы говорили о том, что в позиции C^0 оказывается союз, соединяющий две части сложного предложения. Можно предположить, что вершина C^0 и ее комплементатор группа CP "надстраивается" над каждым

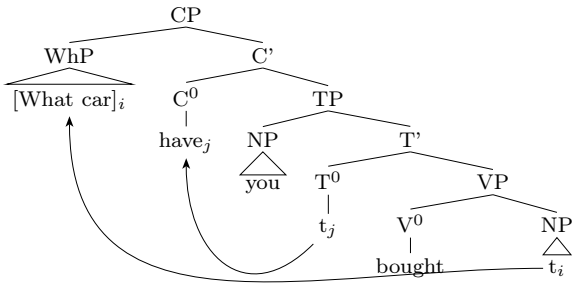
предложением. И если позиции C^0 и спецификатора CP ничем не заняты, в них могут перемещаться вопросительные слова и какие-то другие элементы предложения.

Легко убедиться, что *have* перемещается в C^0, а не в спецификатор CP. Во-первых, это вершина, а не группа. Во-вторых, позиция спецификатора CP должна быть зарезервирована для других элементов, например, для вопросительной группы *what car* в вопросе (2):

(2) What car have you bought?
какой машина ВСП ты купил
'Какую машину ты купил?'

Структура примера (2) показана на схеме (3). Заметим, что *what car*, которую мы неформально называем вопросительной группой, — это NP с вопросительными признаками (о признаках речь пойдет в главе 9).

(3)



На месте двух перемещенных элементов (*what car* и *have*) остались их **следы** , они обозначены буквой *t* (от английского слова *trace* 'след'). Каждый перемещенный элемент и его след мы отметили совпадающими индексами, так что на схеме легко понять, где была исходная позиция каждой перемещенной группы.

Теория управления и связывания выделяет три основных вида передвижений:

1. передвижение вопросительных групп (wh-movement);

2. передвижение вершин (head-to-head movement);

3. передвижение именных групп (NP/DP movement)[1].

В примере (1-а) мы имеем дело с передвижением вершины. Элемент *have* перемещается из позиции T^0 в C^0. В предложении (2) помимо передвижения вершины мы можем наблюдать и передвижение вопросительной группы *what car* 'какая машина' в позицию спецификатора CP.

Вопросы типа (1-а) принято называть общими, они предполагают ответ *да* или *нет*. Вопросы, подобные (2), называют частными. На частные вопросы ответить *да* или *нет* нельзя. Они задаются с использованием вопросительных слов *кто*, *что*, *когда*, *где*, *какой* и пр. В генеративной традиции их называют **wh-словами** (wh-words), так как почти все английские вопросительные слова начинаются с *wh*.

В более поздних версиях генеративной грамматики принято считать, что элементы не перемещаются, а копируются, так что вместо следа в первоначальной позиции элемента присутствует его копия. Мы расскажем об этом более подробно в главе 10. Все копии кроме одной, самой верхней, не произносятся. Но и в этом случае непроизносимые копии часто по традиции называют следами.

В целом надо заметить, что изучение передвижений — их глубинных причин, механизмов и накладывающихся на них ограничений в разных языках — является важнейшей областью генеративной грамматики, в которой было сделано немало интересных открытий. Мы уже обращались к этой теме в главе 1, обсудим ряд базовых проблем в этой главе и будем возвращаться к ней снова и снова в последующих главах. Более подробно с ней можно ознакомиться, например, в [Richards 2001].

Можно ли как-то удостовериться в существовании невидимых следов или копий? Да — следы проявляют себя в языке самыми разными способами. Например, возьмем разговорное английское слово *wanna*, которое получается в результате слияния в речи двух слов: *want* + *to*. Предложение 'Я хочу Вам помочь' можно сказать с использованием любого из этих двух вариантов:

[1] В более поздних версиях генеративной грамматики вместо именных групп рассматриваются группы DP, в вершине которых находится детерминатор (например, артикль или указательное местоимение), а позицию комплемента занимает именная группа. Мы расскажем об этом в главе 11.

(4) a. I want to help you.
я хочу ИНФ помочь вам
'Я хочу Вам помочь'.
b. I wanna help you.

Однако в предложении (5-а) замена *want to* на *wanna* невозможна:

(5) a. Who do you want to help us?
кто ВСП ты хочешь ИНФ помочь нам
'Кто ты хочешь, чтобы нам помог?'
b. *Who do you wanna help us?

В чем дело? В этом примере *who* перемещается из инфинитивного придаточного предложения (оно является аргументом глагола "помогать", а не глагола "хотеть"). На его месте остается след, который находится как раз между *want* и *to* и не дает им слиться:

(6) Who$_i$ do you want t$_i$ to help us?

Другие доказательства существования следов можно найти, например, в психолингвистических экспериментах [Macdonald 1989; Nicol and Swinney 1989; Bever and McElree 1988]. Участникам этих экспериментов показывали на экране компьютера различные слова и так называемые псевдослова, то есть бессмысленные наборы букв. Они должны были нажать на одну из двух клавиш, как только определят, слово перед ними или нет. При этом экспериментаторы замеряли время, затраченное на узнавание того или иного слова. Известно, что оно зависит от многих факторов. В частности, слово узнается быстрее, если непосредственно перед его появлением на экране человек столкнулся с другим словом, связанным с ним по смыслу, скажем, *врач — медсестра*. Участники экспериментов выполняли задание на узнавание слов, одновременно прослушивая в наушники различные предложения — например, (7).

(7) Which boy$_i$ did the old man from Osaka
какой мальчик ВСП АРТ старый мужчина из Осака
meet t$_i$ at the station?
встретить на АРТ станция

‘Какого мальчика старик из Осаки встретил на станции?’

Одни из них видели слово или псевдослово ровно в тот момент, когда звучал предлог *from*, другие — сразу после глагола *meet*. Если это было слово, связанное по смыслу с *boy*, вторая группа участников воспринимала его значительно быстрее, чем первая, хотя времени с того момента, как прозвучало *which boy*, прошло больше. Это может быть объяснено наличием следа группы *which boy* после *meet*.

5.2. Длинные передвижения вопросительных групп

В предыдущем разделе мы нарисовали схему для вопроса *What car have you bought?*. Но как быть с так называемыми длинными передвижениями (long-distance movements), когда вопросительное слово перемещается из придаточного предложения?

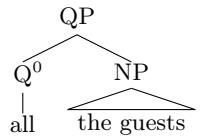
(8) What do you think that Mike says that
что вспт ты думаешь что Майк говорит что
George is doing _?
Джордж вспт делает
‘Что ты думаешь, (что) Майк сказал, (что) Джордж делает _?’

Попадает ли вопросительное слово *what* сразу в спецификатор CP главного предложения или движется налево с “остановками” на промежуточных посадочных площадках — других спецификаторах CP?

Существует несколько способов узнать, останавливался ли где-либо перемещавшийся элемент. Это можно сделать, например, с помощью **кванторов** (quantifiers) — слов типа *все* или *каждый*, с помощью которых обозначается количество. Лингвисты часто обращаются к ним для анализа структуры предложения, как медики — к специальным слаборадиоактивным веществам, чтобы проследить движение крови в организме. Группа квантора *all the guests* обозначается как QP (quantifier phrase) и

выглядит следующим образом:

(9)



В нашем случае понадобятся так называемые **плавающие кванторы** (floating quantifiers). Они способны отрываться от той группы, которую квантифицируют, таким образом отмечая позицию, где эта группа находилась. В Западном Ольстере, в Ирландии, используется диалект английского, в котором плавающий квантор *all* 'все' может сочетаться с вопросительным словом [Adger 2003, стр. 377-379]. На этом диалекте можно задавать такие вопросы:

(10) What all did he say that he wanted?
что все ВСП он сказать что он хотел
'Что, он сказал, есть все то, чего он хотел?'

Вопросительное слово вместе с квантором *all* перемещается влево из самой правой позиции в предложении — из позиции прямого дополнения. Но плавающий квантор может отрываться от вопросительного слова и оставаться в своей исходной позиции, справа. Обозначим в этом примере квадратными скобками область придаточного предложения CP:

(11) **What** did he say [$_{\text{CP}}$ that he wanted _ **all**]?

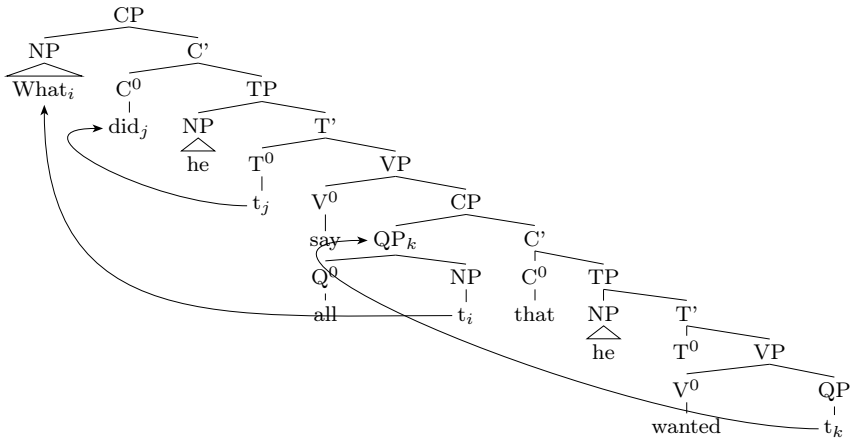
Если вопросительное слово движется влево с остановками на промежуточных посадочных площадках, то плавающий квантор должен иногда оставаться в середине предложения. И такие примеры действительно встречаются в ольстерском диалекте английского:

(12) **What** did he say [$_{\text{CP}}$ **all** that he wanted _]?

Квантор *all* находится левее комплементатора *that*, который занимает вершину придаточного CP, то есть в позиции спецификатора этого CP. Это позволяет убедиться, что вопросительное

слово перемещается влево, делая остановки на промежуточных посадочных площадках. В следующем разделе мы рассмотрим другие доводы в пользу такого описания длинных вопросительных передвижений, а пока просто покажем, как они выглядят на нашей схеме:

(13)



Задание 8
Нарисуйте схемы следующих английских предложений:

(14) a. Who will the guests stay with?
кто ВСП АРТ гости остаться с
'С кем останутся гости?'
b. Who will stay with the guests?
кто ВСП остаться с АРТ гости
'Кто останется с гостями?'

5.3. Ограничивающие узлы

Возможно ли длинное вопросительное передвижение, если промежуточная посадочная площадка спецификатора CP занята? Рассмотрим пример (15):

(15) George is proposing a law [$_{CP}$ which$_i$ t$_i$
Джордж ВСП предлагать АРТ закон который
will hurt John].
ВСП повредить Джон
'Джордж предлагает закон, который повредит Джону'.

Позиция спецификатора CP в придаточном предложении занята словом *which*, переместившимся туда из спецификатора TP — позиции подлежащего. Как показывает пример (16), это делает передвижение других элементов из придаточного предложения в главное невозможным.

(16) *Who$_k$ is$_m$ George t$_m$ proposing a law [$_{CP}$
кто ВСП Джордж предлагать АРТ закон
which$_i$ t$_i$ will hurt t$_k$]?
который ВСП повредить
'*Кому$_k$ Джордж предлагает закон, который повредит t$_k$?'

Но бывает, что позиция спецификатора CP свободна, а передвижение из придаточного предложения все равно невозможно:

(17) *What$_i$ did Bill make the claim [$_{CP}$ that he
что ВСП Билл сделать АРТ заявление что он
read t$_i$]?
читал
'*Что Билл сделал заявление, что он прочитал?'

При этом перенос вопросительного слова в похожем примере (18) возможен как в английском, так и в русском языке[2]:

(18) What$_i$ did Bill claim [that he read t$_i$]?
что ВСП Билл заявить что он читал
'??Что Билл заявил, что он прочитал?'

[2]Мнения носителей русского языка по поводу приемлемости этого примера различаются. Причины, по которым в русском языке такие предложения звучат хуже, чем в английском, рассматриваются в [Khomitsevich 2008].

Значит, кроме отсутствия промежуточной посадочной площадки, есть и другие препятствия для перемещения групп. Неграмматичность примеров, подобных (17), была впервые описана Джоном Россом в его диссертации “Ограничения на переменные в синтаксисе” [Ross 1967], о которой мы уже говорили в главе 1. Позже его идеи привели к созданию отдельного модуля теории управления и связывания, который стал называться **теорией ограничения** (Bounding theory). Были выделены **ограничивающие узлы** (bounding nodes): TP и NP. По отношению к ним действует **условие прилегания** (subjacency condition): передвижение не может пересекать больше одного ограничивающего узла.

Более длинные передвижения возможны только в том случае, когда между ограничивающими узлами есть промежуточная посадочная площадка. Более того, после того как на этой площадке останется след от перемещенного элемента, она станет непригодной для новых “промежуточных посадок”. Рассмотрим вопрос в (19) — его можно задать в ситуации, когда несколько человек делали покупки:

(19) Who do you think bought what?
кто вспт ты думать купил что
‘Кто, ты думаешь, что купил?’

Однако в английском языке невозможно переместить второе вопросительное слово и спросить:

(20) *Who do you think what bought?

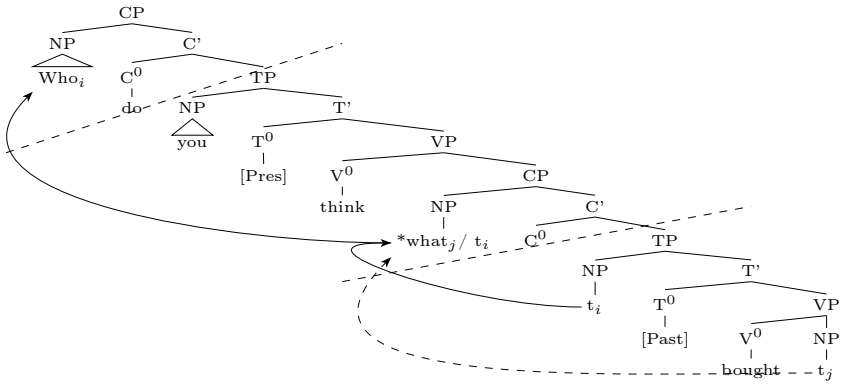
Попробуем нарисовать структуру этого предложения с учетом передвижений и посадочных площадок.

Вопросительное слово *who*, перемещаясь влево, пересекает два ограничивающих узла: TP придаточного предложения и TP главного предложения. У него есть посадочная площадка между этими узлами — спецификатор CP, так что условие прилегания не нарушается. Но после вопросительного слова *who* в этой позиции останется след, в результате чего никакой другой элемент больше не сможет использовать ее как посадочную площадку. Поэтому перемещение второго вопросительного слова *what* в эту

позицию невозможно.

Если попробовать осуществлять передвижения в другом порядке и начать со слова *what*, оно займет промежуточную посадочную площадку и сделает невозможным передвижение вопросительного слова *who*.

(21)



Русский язык отличается от английского. Предложения, подобные (17), неграмматичны в обоих языках, но, как явствует из перевода примера (19), выдвижение нескольких вопросительных групп в русском языке допустимо. Вероятно, это связано с тем, что там, где в английском есть только одна позиция спецификатора CP, в русском есть несколько посадочных площадок. Это подтверждается тем, что в русском можно выдвинуть вперед несколько вопросительных слов и в обычном вопросе, что невозможно в английском:

(22) Кто что купил?

Задание 9

Нарисуйте структуру предложения (17), повторенного ниже:

(23) *What$_i$ did Bill make the claim [that he read t$_i$]?

Объясните, почему оно получается неграмматичным неприемлемым. Чем от него отличается грамматически правильное (18)?

Придаточное предложение можно рассматривать как комплемент вершины *claim*, а артикль обозначить как *Spec* (мы вернемся к артиклям в главе 11).

5.4. Передвижения глагольной вершины во французском языке

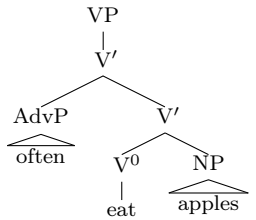
В английском предложении *What car have you bought?* ‘Какую машину ты купил?’, схему которого мы нарисовали в начале этой главы, происходит два типа передвижений: передвижение вопросительной группы *what car* и передвижение вершины: вспомогательный глагол *have* перемещается из вершины T^0 в вершину C^0. Рассмотрим еще один пример передвижения вершин. Для этого сравним порядок слов в английском (24-a) и французском (24-b):

(24) a. I often eat apples.
я часто ем яблоки
‘Я часто ем яблоки.’

b. Je mange souvent des pommes.
я ем часто АРТ яблоки
‘Я часто ем яблоки.’

Почему в английском языке слово *often* ‘часто’ стоит в начале глагольной группы, а во французском аналогичное наречие *souvent* оказывается в ее середине? Как нарисовать схему французского предложения? Как изобразить аналогичную английскую глагольную группу, мы знаем — наречие надо поместить в позицию адъюнкта:

(25)

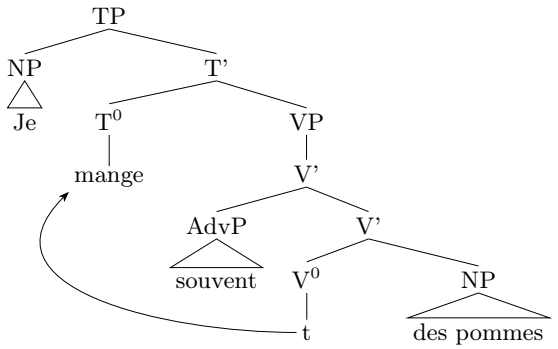


Мы также знаем, как нарисовать структуру предложений, где наречие *часто* находится в самом конце — это возможно и в

английском, и во французском языке. В этих случаях адъюнкт AdvP оказывается не перед тем узлом, к которому присоединяется, а после него. Но мы не можем поместить адъюнкт между глагольной вершиной и ее комплементом, чтобы получить порядок слов в (24-b).

Поэтому предположим, что французский глагол перемещается в позицию T^0 [Pollock 1989]. В английском языке эту позицию может занимать вспомогательный глагол. Если во французском основной глагол также оказывается в T^0, схема (24-b) выглядит достаточно просто:

(26)



Как можно проверить гипотезу о передвижении французского глагола? Попробуем занять позицию T^0 вспомогательным глаголом:

(27) J'ai souvent mangé des pommes.
я-ВСП часто есть АРТ яблоки
'Я часто ел яблоки.'

Как видим, порядок слов изменился. Поскольку в позиции T^0 находится одна из форм вспомогательного глагола *avoir* 'иметь', основной глагол *mangé* не может туда переместиться и оказывается после наречия *souvent*.

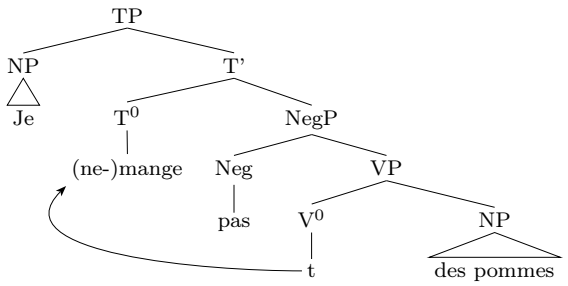
Еще один способ проверить гипотезу о передвижении французского глагола — это рассмотреть предложения с отрицанием. В большинстве языков отрицание всегда занимает позицию между вершинами T^0 и V^0, что позволяет посмотреть, как высоко в

предложении поднимается глагол[3]. Русское предложение *Я не ем яблоки* по-французски будет звучать так:

(28) Je (ne) mange pas des pommes.

Отрицание во французском языке выражается с помощью частицы *pas*, а частица *ne* является вспомогательной. Она не произносится в разговорной речи, да и литературный французский язык часто обходится без нее, как, например, в известной фразе *pourquoi pas?* ‘Почему бы нет?’. Мы видим, что в примере (28) основной глагол оказывается выше отрицания. Это возможно только в том случае, если глагол перемещается в позицию T^0:

(29)

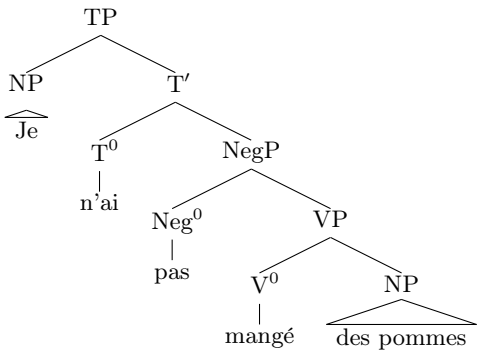


Если же занять позицию T^0 вспомогательным глаголом, основной глагол не сможет переместиться и окажется ниже отрицания:

(30) a. Je n’ai pas mangé des pommes.

[3]Одним из языков-исключений, где отрицание может занимать разные позиции в зависимости от того, какая часть содержащейся в предложении информации отрицается, является русский. По-русски можно сказать *Я не ел яблоки*, *Я ел не яблоки*, *Не я ел яблоки* и т.д. В английском всем этим предложениям соответствует *I did not eat apples* (кроме того, в случае необходимости можно использовать особые конструкции вроде *It was not apples that I ate*).

b.



Теперь понятно, почему во французском языке вопросы начинаются с основного глагола, а не со вспомогательного, как в английском: *Do you eat apples?*. При формировании вопроса происходит перемещение $T^0 \rightarrow C^0$. Во французском языке в позиции T^0 находится основной глагол, он и перемещается в позицию C^0.

Задание 10
Нарисуйте структуру французского вопросительного предложения:

(31) Que mange-tu?
что ешь-ты
'Что ты ешь?'

5.5. Языки V2 и языки VSO

Немецкий и большинство других языков германской группы называют языками V2, потому что глагол в них идет в предложении вторым. При этом на первом месте может стоять любая группа: подлежащее, дополнение или даже обстоятельство. Рассмотрим несколько немецких примеров:

(32) a. Martin spielt Fußball.
Мартин играет футбол
'Мартин играет в футбол.'
b. Fußball spielt Martin.
футбол играет Мартин

‘В футбол Мартин играет’ или ‘В футбол играет Мартин.’

c. Am Sonntag spielt Martin Fußball.
в воскресенье играет Мартин футбол
‘В воскресенье Мартин играет в футбол.’

Подчеркнем, что глагол следует не за первым словом в предложении, а за первой группой: например, (32-c) начинается с предложной группы, состоящей из двух слов, а за ней идет глагол. Как видно из переводов приведенных выше примеров, то, какая именно группа оказывается в начале, зависит от актуального членения предложения. Обычно она является темой, но иногда и вынесенной вперед ремой.

Если в немецком предложении есть модальные или вспомогательные глаголы, то первый из них — финитный (в личной форме, а не форме инфинитива или причастия) — занимает там второе место, а все остальные, включая основной глагол, попадают в самый конец:

(33) a. Martin kann Fußball spielen.
Мартин может футбол играть
‘Мартин может играть в футбол.’

b. Fußball kann Martin spielen.
футбол может Мартин играть
‘В футбол Мартин может играть’ или ‘В футбол может играть Мартин.’

c. Am Sonntag kann Martin Fußball spielen.
в воскресенье может Мартин футбол играть
‘В воскресенье Мартин может играть в футбол.’

Если же на втором месте оказывается не глагол, предложение получается грамматически неправильным:

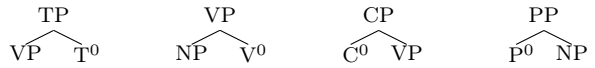
(34) *Am Sonntag Martin kann Fußball spielen.
в воскресенье Мартин может футбол играть
‘В воскресенье Мартин может играть в футбол’.

Таким образом, порядок слов в немецком и в других языках V2 оказывается в чем-то свободным, а в чем-то жестко фиксиро-

ванным. Возможно ли описать это с помощью той структурной схемы, которой мы пользовались ранее? Да — в этом можно убедиться, рассмотрев немецкие примеры. Характерный для них порядок слов возникает, потому что, как будет продемонстрировано ниже, немецкий глагол перемещается не только из V^0 в T^0, как во французском языке, но и далее из T^0 в C^0, как основные глаголы в французских вопросах и вспомогательные в английских. А в позицию спецификатора CP передвигается какой-нибудь другой член предложения: подлежащее, дополнение или обстоятельство.

Кроме того, как мы говорили в главе 3, немецкий относится к тем языкам, где при линеаризации часть вершин идет перед своими комплементами, а часть — после них. В немецком в группах TP и VP вершина расположена справа от комплемента, а в остальных группах — слева:

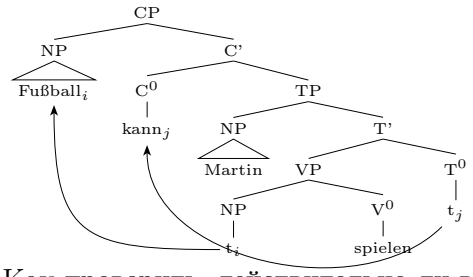
(35)



Следует заметить, что в рамках генеративной грамматики есть влиятельная теория, согласно которой во всех языках правила линеаризации одни и те же: спецификатор – вершина – комплемент. Порядки слов с вершинами справа возникают в результате дополнительных передвижений. Такой подход называется антисимметрическим. С тех пор как он был предложен Ричардом Кейном [Kayne 1994], вокруг него не утихают горячие споры. Одни лингвисты не принимают его вовсе. Другие считают его верным для языков типа немецкого, где только некоторые вершины при линеаризации оказываются справа от своих комплементов, но не для таких языков, как японский, где все вершины следуют за комплементами. Третьи применяют этот подход ко всем языкам. На интуитивном уровне предположение о том, что каждое предложение в японском и во многих других языках содержит множество передвижений, кажется странным, однако в пользу такой точки зрения есть ряд интересных аргументов. К сожалению, представить плюсы и минусы антисимметрической теории на достаточно простом уровне практически невозможно, поэтому мы не будем излагать ее в этой книге.

Если предположить перемещение глагола $V^0 \rightarrow T^0 \rightarrow C^0$ и расположение вершин, как в (35), то изобразить структуру немецких предложений становится довольно просто. Вот, например, как выглядит схема предложения *Fußball kann Martin spielen* ‘В футбол Мартин может играть’:

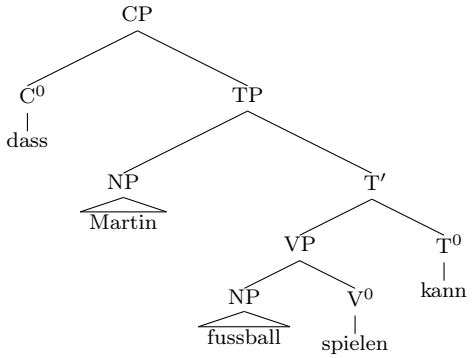
(36)



Как проверить, действительно ли в немецком языке происходит передвижение глагола в позицию C^0? Посмотрим на придаточные предложения, где эта позиция занята подчинительным союзом. Если наше предположение верно, все глаголы в них должны расположиться в самом конце. Именно это и происходит в немецких придаточных предложениях:

(37) a. Ich weiss dass Martin Fußball spielen kann
я знаю что Мартин футбол играть может
‘Я знаю, что Мартин может играть в футбол.’

b.

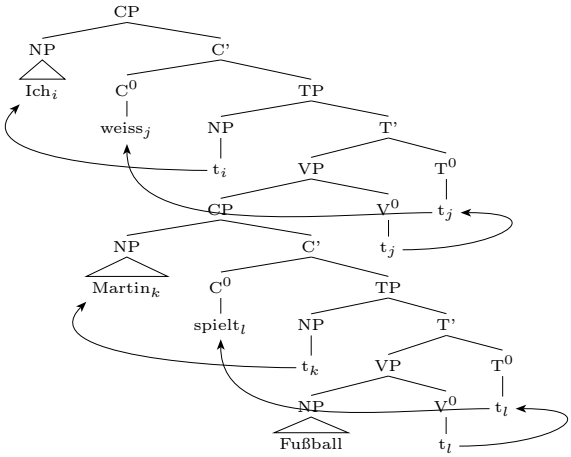


При этом если придаточное присоединяется без союза, позиция C^0 остается свободной и глагол перемещается туда, как в главном предложении:

(38) a. Ich weiss Martin kann Fußball spielen.
я знаю Мартин может футбол играть
‘Я знаю, что Мартин может играть в футбол.’
b. Ich weiss Martin spielt Fußball.
я знаю Мартин играет футбол
‘Я знаю, что Мартин играет в футбол.’

Вот так выглядит структура последнего предложения:

(39)



Можно заметить, что передвижение на схеме выглядит несколько необычно: по пути из T^0 в C^0 глагол как будто “пересекает” все дерево. Это связано только с тем, что мы нарисовали T^0 (а также V^0) справа от их комплементов, чтобы показать, где они окажутся при линеаризации. Как мы говорили в главе 3, делается это исключительно ради удобства. В синтаксическом дереве важно только то, что с чем связано и что от чего зависит, где в группе вершина, где комплемент, где спецификатор — именно на эти понятия опираются все правила, включая правила линеаризации. Что нарисовано справа, а что слева — чистая условность. Таким образом, передвижение T^0 в C^0 в немецком ничем не от-

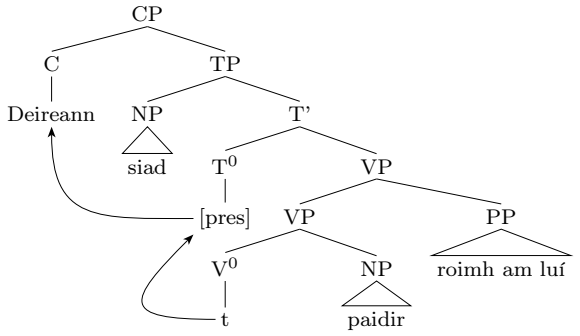
личается от передвижения T^0 в C^0 в английских и французских вопросах.

После того как мы познакомились с языками V2, нам нетрудно будет понять, как устроены языки VSO — мы говорили в главе 3, что примерно в 9% языков мира такой базовый порядок слов. Среди них многие кельтские языки (например, ирландский и гэльский, на котором говорят в Шотландии), классические варианты арабского и иврита и др. Рассмотрим ирландский пример:

(40) Deireann siad i gcónaí paidir roimh am luí.
говорят они всегда молитва перед время ложиться
“Они всегда молятся перед сном”.

Подлежащее в нем следует за глаголом, а наречия — за подлежащим. Перед глаголом в ирландском могут появиться только вопросительные слова и особые глагольные частицы. Описать подобную картину при помощи принятой нами структурной схемы несложно: основной глагол во всех ирландских предложениях перемещается в C^0, однако, в отличие от языков V2, заполнение позиции спецификатора CP какой-то группой не является обязательным.

(41)



Задание 11
Нарисуйте структуру немецкого предложения:

(42) Ich weiß Martin kann Fußball spielen
я знаю Мартин может футбол играть
‘Я знаю, Мартин может играть в футбол’.

Глава 6

Падежная теория

6.1. Абстрактный и морфологический падеж

В финском языке выделяют 15 падежей (некоторые считают, что их 14). В то же время есть языки совсем без падежей, например, китайский. Школьная грамматика говорит, что в русском языке шесть падежей. Но при более тщательном рассмотрении можно обнаружить и некоторые другие падежи, например, оставшийся от древнерусского звательный в слове *Господи* и "новый звательный" в обращениях (*Тань!*, *Саш!*), или так называемый партитивный родительный (*чаю, сахару*).

Как можно описать такие разные падежные системы с помощью единой универсальной грамматики? Прежде всего, необходимо различать абстрактный и морфологический падеж. Морфологический падеж — это падежные окончания конкретных слов. В русском языке слова изменяются по падежам, а в английском в аналогичных предложениях слова не меняются:

(1) a. **Аня** видит **Марию**.
    b. **Ann** sees **Mary**.

На этом основании принято считать, что в современном английском языке практически нет падежей, хотя в древнеанглийском по падежам изменялись не только существительные, но и прила-

гательные, и артикли. В современном английском остались лишь некоторые следы прежнего богатства падежной системы. Местоимения имеют форму именительного, родительного и винительного падежа, а существительные — форму родительного падежа[1]:

(2) a. ***His*** *car*. 'Его машина'.
b. ***He*** *sees* ***him***. 'Он видит его'.
c. *John's bicycle*. 'Велосипед Джона'.

Таким образом, система морфологических падежей в каких-то языках богата, а в каких-то почти или совсем отсутствует. Иногда она со временем упрощается, как, например, в английском языке, а иногда усложняется за счет появления новых падежей (см., например, [Kulikov 2009]). Но даже при отсутствии морфологических падежей в языке действует система абстрактных падежей, которая является частью универсальной грамматики.

6.2. Структурные и ингерентные абстрактные падежи

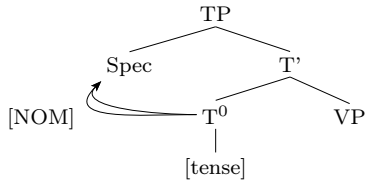
Абстрактные падежи в генеративной грамматике принято обозначать прописными буквами (NOM, GEN) в отличие от морфологических, которые обозначаются строчными (nom, gen). Абстрактные падежи разделяют на два вида: **структурные** (structural) и **ингерентные** (inherent).

Структурный падеж не зависит от особенностей конкретных лексем — он приписывается именным группам, находящимся в определенных синтаксических конфигурациях:

1. Структурный именительный падеж (NOM) приписывается в позиции спецификатора TP, когда в вершине T^0 присутствует признак времени, то есть когда предложение не инфинитивное.

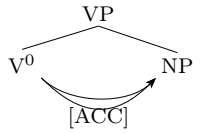
[1] Иногда эти формы называют притяжательными, так как сфера их употребления уже, чем у форм родительного падежа в большинстве других языков.

(3)



2. Структурный винительный падеж (ACC) возникает в позиции комплемента глагольной вершины, его приписывают своим дополнениям переходные глаголы (*прочитать книгу, купить машину*). Кроме того, многие авторы считают, что его также получают комплементы предложных вершин [Haegeman 1994]. В английском винительный падеж используется со всеми предлогами (в этом можно удостовериться на примерах с местоимениями, которые сохранили падежные формы). Как обстоит дело в тех языках, где предлоги употребляются с разными падежами, мы расскажем ниже.

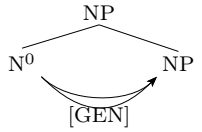
(4)



3. Структурный родительный падеж (GEN) приписывается именным группам в позиции комплемента именной вершины — он известен как приименной родительный (*королева Испании, разрушение Рима, дом соседа*). Если существование структурного именительного и винительного падежей не ставится под сомнение, то родительный многие авторы всегда считают ингерентным[2]. Аргументы в пользу такой точки зрения подробно разбираются в учебнике Лилиан Хегеман [Haegeman 1994] на материале английского и немецкого языков.

[2]Кроме того, один и тот же падеж может считаться в одном языке структурным, а в другом — ингерентным.

(5)



Ингерентные падежи приписываются конкретными лексическими единицами. Например, в русском языке предлог *у* приписывает ингерентный родительный падеж GEN (*у Бориса*), предлог *к* — ингерентный дательный DAT (*к Борису*), предлог *с* — ингерентный творительный INSTR (*с Борисом*), предлог *о* — ингерентный предложный PREP (*о Борисе*). Глагол также может приписывать своему комплементу различные ингерентные падежи: *завидовать Борису*, *бояться Бориса*, *интересоваться Борисом*.

Как совместить это с тем, что глагол приписывает своему комплементу структурный винительный падеж? Получается, что, например, в сочетании *завидовать Борису* именная группа получает и структурный винительный падеж, и ингерентный дательный. Такая ситуация называется падежным конфликтом, и в этом случае всегда побеждает ингерентный падеж.

О том, каким считать приписываемый предлогами винительный падеж (*на Бориса*), можно спорить. Иногда все приписываемые предлогами падежи считаются ингерентными, иногда винительный считается структурным. Например, Лилиан Хегеман, описывая немецкий язык, где предлоги употребляются с винительным, дательным и родительным падежом, называет винительный структурным как “стандартный вариант”.

Более подробно о разных типах абстрактных падежей можно прочитать в статье Н.В. Исакадзе и И.М. Кобозевой из сборника “Современная американская лингвистика: фундаментальные направления” [Исакадзе, Кобозева 2006]. Особое внимание в этой статье уделено русскому языку.

6.3. Передвижения именных групп, связанные с абстрактным падежом

Как проверить, что абстрактные падежи действительно существуют даже в тех языках, где нет морфологических падежей?

Об их существовании свидетельствуют разнообразные ограничения на употребление именных групп, которые в генеративной грамматике принято описывать при помощи **падежного фильтра** (case filter). Согласно этому принципу, каждой именной группе должен быть приписан падеж. Не получившая падежа именная группа является грамматически неприемлемой.

Когда именная группа не получает падежа? Рассмотрим пример (6):

(6) *John to eat porridge.
Джон ИНФ есть каша
'*Джон есть каша'.

Именная группа *John* не является комплементом какой-то вершины, которая могла бы приписать ей падеж, и не может получить именительный падеж от вершины T, в спецификаторе которой находится, так как предложение инфинитивное и на T нет признака времени[3]. В результате (6) оказывается неграмматичным. Чтобы убедиться, что это связано именно с падежом, а не с какими-то другими проблемами, рассмотрим еще один пример:

(7) John seems to dance.
Джон кажется ИНФ танцевать
'Кажется, что Джон танцует'.

Глагол *to dance* 'танцевать' приписывает одну тета-роль — агенс. Ее получает именная группа *John*, ведь именно Джон танцует. Тем не менее, *John* находится не рядом с *to dance*, внутри инфинитивной клаузы, а в позиции подлежащего в главном предложении. Почему эта именная группа там оказалась? Получать от глагола *seems* 'кажется' тета-роль она не может: во-первых, у нее уже есть одна, во-вторых, у *seems* и нет для нее подходящей роли. Как видно из примера (8) и его русского перевода, этот предикат приписывает всего одну тета-роль. В генеративной традиции ее принято называть *Proposition*, то есть пропозиция, ситуация.

[3]В русском языке подлежащим инфинитивных конструкций может быть приписан дательный падеж: *Тебе бежать за хлебом, а мне мыть посуду.*

(8) It seems that John dances.
экспл кажется что Джон танцует
'Кажется, что Джон танцует'.

Эксплетив *it* не получает тета-роли. Причины появления этого семантически пустого местоимения в английских предложениях и его отсутствия в русских мы обсуждали в главе 1. В английском, в отличие от русского, невозможны предложения с нулевым подлежащим, и, если место подлежащего ничем не занято, используется **эксплетив** — "пустое" местоимение, не имеющее смысла и просто заполняющее позицию. Основные эксплетивы в английском языке — это безударные *it* и *there*, на русский язык эксплетивы не переводятся.

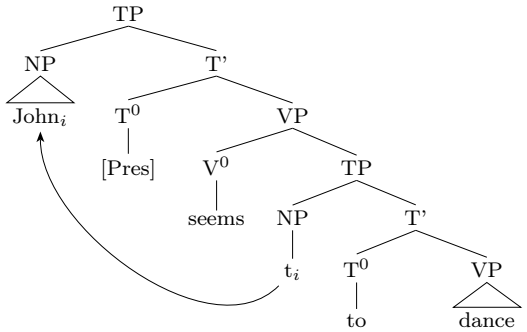
Теперь подумаем, в чем разница между примерами (7) и (8): почему во втором предложении *John* находится внутри придаточного, рядом с глаголом 'танцевать', от которого получает тета-роль? В (8) этот глагол употреблен в форме настоящего времени, следовательно, на вершине T внутри придаточного есть временной признак, и именная группа *John* может получить именительный падеж. В (7) глагол 'танцевать' стоит в инфинитиве, а значит, на вершине T, комплементом которой является соответствующая глагольная группа, нет признака времени, и приписывание падежа невозможно.

Согласно падежному фильтру, именная группа не может оставаться без падежа, а потому *John* передвигается выше, в спецификатор T главного предложения, чтобы там получить именительный падеж. Для таких передвижений используется термин **подъем** (raising). Если эта позиция занята, предложение получается грамматически неприемлемым:

(9) *It seems John to dance.

Таким образом, хотя система морфологических падежей в английском практически отсутствует, мы убедились в существовании в этом языке абстрактных падежей, анализируя расположение именных групп и причины грамматической неприемлемости различных предложений. Одновременно мы познакомились с новым типом передвижений — передвижением именных групп. Вот как оно выглядит на схеме примера (7):

(10)



Вспомним, что в теории управления и связывания выделяется три основных типа передвижений: передвижение вопросительных групп, передвижение вершин и передвижение именных групп. Первый и второй тип передвижений мы рассмотрели в главе 5, а сейчас разобрали и пример третьего типа.

Задание 12
Нарисуйте схему английского предложения:

(11) John happened to appear to
Джон случилось инф производить-впечатление инф
seem to like dragons.
казаться инф любить драконы
'Так случилось, что кажется, будто Джон любит драконов'.

6.4. ECM и контроль

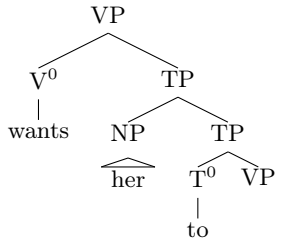
Разобранный в предыдущем разделе подъем — не единственный "путь к спасению" для подлежащих инфинитивных конструкций, которые не могут получить структурный именительный падеж. Рассмотрим такие примеры:

(12) a. John considers her/Mary to be happy.
Джон считает ее/Мэри инф быть счастливый
'Джон считает ее/Мэри счастливой'.

b. John wants her/Mary to be happy.
Джон хочет ее/Мэри инф быть счастливый
‘Джон хочет, чтобы она/Мэри была счастлива’.

Как показано на схеме (13), в роли комплемента глагола *want* здесь оказывается не именная группа, а группа TP. В спецификаторе этой TP находится именная группа *her*, которая и получает от глагола *want* структурный винительный падеж. Чтобы подчеркнуть, что это случай-исключение, в генеративной грамматике такое приписывание падежа называется **исключительным падежным маркированием** (Exceptional Case Marking), сокращенно **ECM**. Во многих языках, включая русский, такие конструкции невозможны.

(13)



Теперь рассмотрим явление, называемое **контролем** (control). Хотя оно не имеет прямого отношения к абстрактному падежу, его крайне интересно сравнить с ECM и с подъемом в глаголах типа *seems*. Проанализируем предложение (14):

(14) John wants to be happy.
Джон хочет инф быть счастливый
‘Джон хочет быть счастливым’.

Изначально кажется, что оно совершенно аналогично примеру (15):

(15) John seems to be happy.
Джон кажется инф быть счастливый
‘Джон кажется счастливым’.

Однако при более тщательном рассмотрении между (14) и (15) обнаруживаются многочисленные различия. В (15) именная группа *John*, аргумент предиката *to be happy*, не может получить падеж в спецификаторе T, на котором нет признака времени, и потому передвигается в спецификатор T главного предложения. Эта позиция свободна, так как у глагола *seem* нет аргумента-подлежащего — в предложениях, где нет подъема, например, в (8), ее занимает эксплетив *it*.

В том, что такой анализ не может быть верен для (14), можно убедиться, глядя на (12-b). Во-первых, из этого предложения видно, что у глагола *want* должно быть два аргумента: подлежащее и дополнение. Дополнение может быть или TP, как в (12-b), или именной группой, как в (16).

(16) John wants an icecream.
Джон хочет ART мороженое
'Джон хочет мороженое'.

Таким образом, в (14) спецификатор TP главного предложения не может быть пустым. Значит, именная группа *John* не может попасть туда из инфинитивного предложения. Более того, зачем ей было бы передвигаться? Хотя она не могла бы получить именительный падеж, глагол *want* мог бы приписать ей винительный, как это происходит в (12-b). В этом второе отличие этого глагола от глагола *seem*: последний не приписывает винительный падеж — предложения, аналогичные (12-b) и (16), с ним невозможны.

Приходится сделать вывод, что в (14), в отличие от (15), *John* изначально находится в спецификаторе TP главного предложения, где получает тета-роль от глагола *want* и именительный падеж. Какому же тогда элементу достается тета-роль от *to be happy*? Согласно введенному нами в главе 4 тета-критерию, *John* не может получить две роли одновременно, хотя предложение означает, что Джон хочет, чтобы он сам был счастлив.

Считается, что *to be happy* отдает свою тета-роль **фонетически нулевому местоимению PRO**. Оно занимает спецификатор TP инфинитивного предложения точно так же, как ненулевое местоимение *her* в (12-b), и *контролируется* именной группой *John*, то есть получает ту же интерпретацию, что и она:

(17) John wants PRO to be happy.
Джон хочет инф быть счастливый
‘Джон хочет PRO быть счастливым’.

Изучение особенностей контроля — целая область генеративной грамматики, и, как и во многих других случаях, мы сможем познакомиться с ней только мельком (см., например, [Landau 2001]). Надо установить, какие члены предложения могут контролировать PRO в зависимости от глагола в главном предложении и типа конструкции. Например, в (18-a) это подлежащее, как и в (17), а в (18-b) — дополнение. Как строить структурные схемы для глаголов с двумя дополнениями вроде ‘обещать кому-то что-то’ или ‘желать кому-то чего-то’, мы узнаем в следующей главе.

(18) a. John promises Mary PRO to be happy.
Джон обещает Мэри инф быть счастливый
‘Джон обещает Мэри PRO быть счастливым’.
b. John wishes Mary PRO to be happy.
Джон желает Мэри инф быть счастливый
‘Джон желает Мэри PRO быть счастливой’.

Также важно заметить, что использование PRO возможно не со всеми глаголами, с которыми возможно ECM, и наоборот. Так, (19-a) неграмматично — в конструкциях с *consider* можно использовать только ненулевые местоимения, как в (19-b) или в (12-a). А в (18-a) и в (18-b), напротив, нельзя заменить PRO на ненулевое местоимение.

(19) a. *John considers PRO to be happy.
Джон считает инф быть счастливый
‘*Джон считает PRO быть счастливым’.
b. John considers himself to be happy.
Джон считает себя инф быть счастливый
‘Джон считает себя счастливым’.

В последние годы в генеративной грамматике появился альтернативный подход к контролю, опирающийся не на PRO, а на передвижения. Таким образом, предложения с контролем оказы-

ваются похожи на предложения с подъемом, а для существующих между ними различий предлагается новое объяснение. Мы не будем излагать здесь его плюсы и минусы, ограничившись ссылками на несколько посвященных ему работ: [Hornstein 1999, 2001; Boeckx et al. 2010; Hornstein and Polinsky 2010]

В заключение надо сказать, что сама идея нулевых элементов, обладающих значением, но не имеющих звучания, достаточно стара и используется не только в генеративной грамматике, но и в других лингвистических направлениях. Например, во многих морфологических теориях принято выделять нулевые окончания. Скажем, в русском языке родительный падеж множественного числа в словах *лошадей* и *слонов* передается окончаниями *-ей* и *-ов*, а в слове *рыб* — нулевым окончанием, которое можно обозначить знаком $\emptyset$.

В синтаксисе нулевые элементы во многом проявляют себя точно так же, как и привычные нам ненулевые слова. Мы могли убедиться в этом выше, сравнивая PRO с обычными местоимениями. Другие нулевые элементы, с которыми мы имеем дело начиная с главы 5, — это следы, остающиеся после передвижения различных групп. В главе 12 нам встретится еще одно нулевое местоимение — *pro*, которое, в противоположность PRO-большому, принято называть *pro*-малым. Для более подробного знакомства с ними мы отсылаем читателя к главе, посвященной синтаксическим “невидимкам”, в книге Я.Г. Тестельца “Введение в общий синтаксис” [Тестелец 2001, стр. 269-316].

Задание 13
Нарисуйте схему английского предложения:

(20) John wanted to dance.
Джон хотел ИНФ танцевать

6.5. Пассивные конструкции

Рассмотрим предложение (21-a) в страдательном, или пассивном, залоге и сравним его с примером (21-b) в действительном, или активном, залоге:

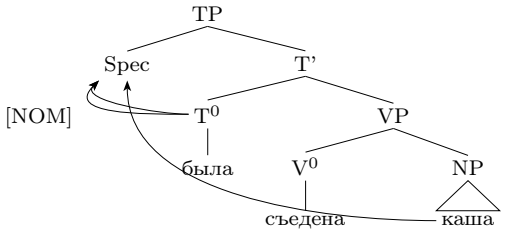
(21) a. Каша была съедена.

b. Маша съела кашу.

В отличие от (21-b), глагол *съесть* в (21-a) имеет всего один аргумент и не приписывает структурный винительный падеж. Это результат операции **пассивизации** (passivization), которая может быть применена к глаголу в лексиконе. Теперь посмотрим, что за аргумент остается у глагола в пассивном залоге: какая у него тета-роль и какую позицию он занимает?

Можно заметить, что в обоих примерах *каша* является не действующим лицом, а объектом, который претерпевает какое-то действие или испытывает изменение своего состояния. Иначе говоря, несмотря на различия в падежах, и в (21-a), и в (21-b) она получает тета-роль темы. Мы уже знаем, что в предложениях типа (21-b) аргументы-темы находятся в позиции комплемента VP. В конце главы 4 мы упоминали гипотезу о единообразном приписывании тета-ролей (UTAH), выдвинутую Марком Бейкером. Чтобы сохранить единообразие в правилах приписывания тета-ролей, генеративисты предположили, что в (21-a) *каша* изначально также находится в этой позиции. Однако, так как глагол после пассивизации не может приписать этой именной группе винительный падеж, она передвигается в спецификатор TP, где получает именительный:

(22)



Какие аргументы можно привести в пользу такого анализа? Рассмотрим примеры (23-a) – (23-c), взятые нами из статьи Ноама Хомского [Chomsky 2008]. Хотя подробный анализ этих предложений увел бы нас слишком далеко, они ясно показывают, что подлежащее пассивной конструкции в (23-c) ведет себя, как дополнение в (23-a), а не как подлежащее в (23-b):

(23) a. Of which car did they find the driver?
от какая машина ВСП они найти АРТ водитель

‘Какой машины они нашли водителя?’

b. *Of which car did the driver
от какая машина ВСП АРТ водитель
cause a scandal?
спровоцировать АРТ скандал
‘*Какой машины водитель спровоцировал скандал?’

c. Of which car was the driver found?
от какая машина ВСП АРТ водитель найден
‘Какой машины водитель был найден?’

Итак, мы пришли к выводу, что аргументы-темы изначально находятся в позиции комплемента VP и в активных предложениях, и в пассивных. Поэтому их называют **внутренними аргументами** (internal arguments). А аргументы-агенсы, которые сразу занимают спецификатор TP, как *Маша* в (21-b), называются **внешними** (external arguments). Связь между отсутствием внешнего аргумента и неспособностью приписать винительный падеж внутреннему отражена в **обобщении Бурцио** (Burzio’s generalization) [Burzio 1986]:

> Если предикат не приписывает внешней тета-роли, он не может приписывать винительный падеж[4].

Как мы увидим в разделе 7.3., это обобщение распространяется не только на пассивизацию, но и на так называемые неаккузативные глаголы. Теперь удостоверимся, что у пассивных глаголов действительно нет внешнего аргумента, ведь иногда исполнитель действия не указывается, как в примере (21-a), а иногда все же упоминается:

(24) Каша была съедена Машей.

Вот аналогичный пример из английского языка:

(25) The porridge was eaten (by John).
АРТ каша ВСП съедена ПРЕДЛ Джон
‘Каша была съедена (Джоном)’.

[4]В некоторых языках из этого обобщения есть исключения. Например, в русском имеются примеры вроде *Васю тошнило. Васю ударило молнией.*

Вспомним, что в главе 4 мы говорили о том, что необязательные элементы не являются аргументами. Соответственно, *Машей* и *by John* в (24) – (25) — это не внешние аргументы, а адъюнкты. Именно поэтому они появляются не в именительном падеже, а в ингерентном творительном или в составе предложной группы, как это характерно для адъюнктов.

В заключение рассмотрим несколько примеров, которые позволят нам еще раз убедиться в правильности предложенного выше анализа пассивных конструкций:

(26) a. We heard John's story.
мы слышали Джона история
'Мы слышали историю Джона'.
b. We heard that John told the truth.
мы слышали что Джон сказал АРТ правда
'Мы слышали, что Джон сказал правду'.

Оба эти предложения допускают глагол в пассивном залоге:

(27) a. John's story was heard.
Джона история ВСП услышан
'История Джона была услышана'.
b. That John told the truth was heard.
что Джон сказал АРТ правда ВСП услышан
'(То), что Джон сказал правду, было услышано'.

Как мы видим, в (27-a) и в (27-b) аргументы-темы передвинулись в спецификатор TP. Теперь попробуем занять эту позицию эксплетивом *it*, чтобы сделать такое передвижение невозможным:

(28) a. *It was heard John's story.
ЭКСПЛ ВСП услышан Джона история
'*Было услышано историю Джона'.
b. It was heard that John told the
ЭКСПЛ ВСП услышан что Джон сказал АРТ
truth.
правда
'Было услышано, что Джон сказал правду'.

В чем разница между этими предложениями? *John's story* — именная группа, которой, согласно падежному фильтру, должен быть приписан падеж, а *that John told the truth* — группа CP, которая не нуждается в падеже. Итак, мы видим, что аргументы-темы в пассивных конструкциях действительно присоединяются в позиции комплемента VP, но не могут получить там винительного падежа. Для CP это не имеет значения, поэтому (28-b) грамматически правильно. А именной группе падеж нужен, поэтому, если она не может "сбежать" в спецификатор TP и получить там именительный падеж, как в (28-a), предложение с ней оказывается неграмматичным.

Подведем итог трем последним разделам, в которых мы рассмотрели подъем, контроль, ECM и пассивные предложения. Все эти конструкции позволяют убедиться в реальности абстрактного падежа. Мы могли видеть, что он проявляется даже в тех языках, которые лишены или почти лишены морфологических падежей, например, в английском. Теория абстрактного падежа необходима для того, чтобы объяснить такие особенности распределения именных групп, которые никак не связаны с их семантикой.

В заключение заметим, что во второй части нашей книги нет отдельной главы, освещающей новые идеи в области генеративной падежной теории. Мы вернемся к теме падежа в главе 17.

Глава 7

Позиции аргументов глагола

7.1. Передвижение подлежащего из глагольной группы

Задумаемся о позициях подлежащих и дополнений в тех структурных схемах, которыми мы пользовались до сих пор. Дополнение находится рядом с глаголом, от которого получает свою тета-роль (или, если это вопросительная группа, позицию комплемента V занимает его след). Подлежащее же, хотя тоже получает тета-роль от глагола, находится в спецификаторе T. Предположим, что оно тоже начинает свой путь рядом глаголом — в позиции его спецификатора, которая раньше оставалась у нас незанятой.

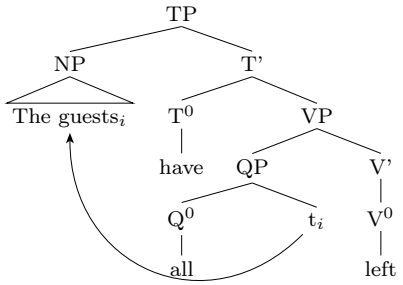
Какие доводы можно привести в пользу такого предположения? Во-первых, в этом случае будет понятно, как подлежащее получает от глагола свою тета-роль. Все прочие взаимодействия между различными элементами, которые мы рассматривали до сих пор, имели локальный характер: взаимодействующие элементы находились рядом друг с другом хотя бы на каком-то этапе построения синтаксической структуры. Во-вторых, в предыдущей главе мы уже удостоверились, что в некоторых конструкциях подлежащее передвигается в спецификатор T из другой позиции, чтобы получить именительный падеж.

В третьих, обратимся к уже использовавшемуся нами ранее тесту с плавающими кванторами. Рассмотрим два следующих предложения:

(1) a. All the guests have left.
все АРТ гости ВСП ушли
'Все гости ушли'.
b. The guests have all left.
АРТ гости ВСП все ушли
'Гости все ушли'.

Подлежащее в этих предложениях — группа квантора (QP) *all the guests* 'все гости'. В первом примере эта группа находится в спецификаторе T, а во втором именная группа *the guests* переместилась в эту позицию, а группа квантора со следом внутри осталась в позиции спецификатора V, как показано на схеме. Значит, это и есть исходная позиция подлежащего.

(2)



7.2. Глаголы с двумя дополнениями и оболочка глагольной группы

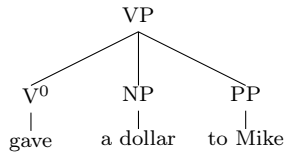
Теперь разберемся, как будет выглядеть схема предложения с трехместным глаголом, например, *дать* или *показать*, как в примере (3):

(3) John gave a dollar to Mike.
Джон дал АРТ доллар К Майку

‘Джон дал доллар Майку.’

Первое, что приходит в голову, — это нарисовать трехчастную схему:

(4)



Такая схема не вписывается в рассмотренную нами ранее х-штрих теорию. Но, главное, она противоречит некоторым лингвистическим фактам. При трехчастной схеме роли двух дополнений одинаковы, они с-командуют друг другом. А значит, правильным должно быть следующее английское предложение, в котором *John* связывает местоимение *himself*[1]:

(5) *Julia showed himself$_i$ John$_i$ in the mirror.
Джулия показала ему-ВОЗВР Джон в АРТ зеркало
‘*Джулия показала ему самому$_i$ Джона$_i$ в зеркале’.

Однако это предложение грамматически неправильно, порядок дополнений может быть только таким[2]:

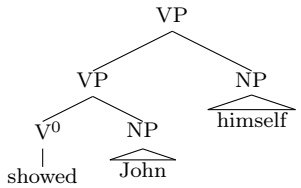
(6) Julia showed John$_i$ himself$_i$ in the mirror.
Джулия показала Джон ему-ВОЗВР в АРТ зеркало
‘Джулия показала Джону$_i$ в зеркале его самого$_i$’.

Что получится, если предположить, что второе дополнение присоединяется к глагольной группе как адъюнкт?

[1]Напомним, что связывание — это установление зависимости между определенными местоимениями и их антецедентами, то есть теми словами, к которым они отсылают. Как мы говорили в главе 3, для связывания необходимо с-командование, поэтому оно часто используется для различных синтаксических тестов. Подробнее о нем мы расскажем в главе 14.

[2]Можно заметить, что русское местоимение *себя* ведет себя иначе, чем английское *himself*. Несколько упрощая, можно сказать, что его может связывать только подлежащее.

(7)



В этом случае первое дополнение не с-командует вторым, поэтому *John* не может связывать местоимение *himself*. Значит, (6) должно быть грамматически неправильным, а это не так. Кроме того, у этой схемы есть еще один недостаток. Если *himself* присоединяется как адъюнкт, эта именная группа не является аргументом и не может получить тета-роли. Тогда одна из трех тета-ролей глагола *show* ‘показывать’ останется неприсвоенной.

Но точно ли глагол и первое дополнение образуют группу? Попробуем выявить группы в предложении (3) с помощью тестов, описанных в главе 2 и в [Тестелец 2001]. Начнем с теста на передвижение. Вначале посмотрим, как он работает на более понятном примере:

(8) Bill said he would [run away] and he did [run away].
Билл сказал он ВСП бежать прочь и он ВСП бежать прочь
‘Билл сказал, что он убежит, и он действительно убежал’.

В этом примере глагольную группу *[run away]* можно перенести из конца второго предложения в его начало. Тогда вся конструкция приобретет некоторый поэтический оттенок, но останется правильной:

(9) Bill said he would [run away] and [run away] he did.

Попробуем теперь применить тест на передвижение к (3). Для этого встроим это предложение в более сложную конструкцию:

(10) John said he would give a dollar to Mike and he did give a dollar to Mike.
Джон сказал он ВСП дать АРТ доллар к Майк и он ВСП дать АРТ доллар к Майк

‘Джон сказал, что он даст доллар Майку, и он действительно дал доллар Майку’.

Попробуем теперь перенести вправо группу *[give a dollar]*. Предложение будет грамматически неприемлемым:

(11) *John said he would [give a dollar] to Mike and [give a dollar] he did to Mike.

Однако, если попытаться перенести вправо сочетание *[a dollar to Mike]*, предложение получится правильным:

(12) John said he would give [a dollar to Mike] and [a dollar to Mike] he gave.

Это неожиданный результат. Попробуем применить другие тесты. Тест на сочинение также выявляет группу *[a dollar to Mike]*:

(13) John gave [a dollar to Mike] and [a rouble to Misha].

На первый взгляд кажется, что сочинение возможно и по отношению к сочетанию *[give a dollar]*:

(14) John [gave a dollar] and [sent a gift] to Mike.

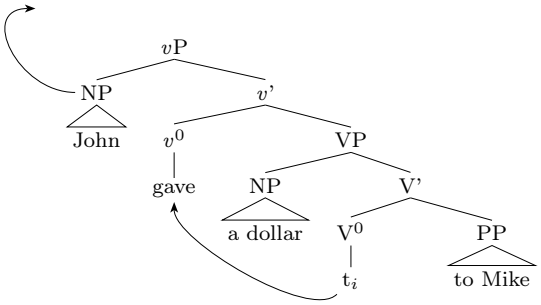
Однако в этом случае мы имеем дело с сочинением более сложных групп *[gave a dollar e]* и *[sent a gift to Mike]*[3]. Аналогичный пример был описан в главе 2:

(15) John’s oldest and Mary’s youngest son went to school.

По результатам большинства других тестов сочетание *[a dollar to Mike]* также проявляет признаки группы. Что же это за группа? В современных генеративных моделях конструкции с двумя дополнениями принято изображать так:

[3]Более подробно мы расскажем об эллипсисе (e) в главе 17.

(16)



Место привычной нам глагольной группы VP в этом дереве занимает группа vP (где v читается как "v-малое", в отличие от V — "V-большого"). Такая схема, впервые предложенная Ричардом Ларсоном [Larson 1988], называется **оболочкой глагольной группы** (VP-shell). Если она изображается в структуре предложения, то иерархия групп выглядит следующим образом:

(17) CP > TP > vP > VP

Легко убедиться, что на этой схеме *[a dollar to Mike]* действительно является группой, как и показали примененные нами тесты: это VP со следом глагола, который переехал в позицию v. Кроме того, эта схема не только хорошо вписывается в х-штрих теорию, но и объясняет, почему предложение (6) грамматически правильное, а (5) — нет. В первом случае *John* в позиции спецификатора V с-командует местоимением *himself* в позиции комплемента V и связывает его, а во втором случае с-командования и, следовательно, связывания нет[4]. Наконец, не вдаваясь в детали, заметим, что в современных генеративных теориях именно с v^0, а не с V^0 связывают способность глагола приписывать винительный падеж.

[4]На самом деле, все не так просто. Например, надо объяснить, почему винительный падеж в данном случае достается не комплементу, а спецификатору VP. Поэтому многие лингвисты считают, что спецификатором VP является косвенное дополнение, а комплементом — прямое. Затем в таких языках, как английский, прямое дополнение передвигается выше, а в таких, как русский, остается на месте: как известно из работ российских лингвистов, базовый порядок слов в русском — прямое дополнение после косвенного. Однако мы здесь механизмы подобных передвижений обсуждать не будем.

Задание 14
Нарисуйте структуру предложения с оболочкой глагольной группы и с необходимыми передвижениями:

(18) Вася поставил корзину на стол.

7.3. Глаголы с одним аргументом: неэргативные и неаккузативные

Одноместные глаголы принято разделять на неэргативные и неаккузативные. О том, откуда взялись эти термины, мы расскажем в главе 17. *Танцевать, бежать, шутить* — неэргативные глаголы, а *падать, исчезать* — неаккузативные. Они отличаются типом аргумента: у неэргативного глагола это активный участник ситуации, сознательно производящий действие, а у неаккузативного — пассивный, претерпевающий какие-то изменения своего состояния. Иными словами, единственным аргументом неэргативного глагола выступает агенс, а неаккузативного — тема[5].

Эти группы глаголов ведут себя по-разному:

- Во-первых, только от неэргативных глаголов можно образовать существительное, обозначающее того, кто производит указанное действие. Слова *танцор* и *шутник* существуют, а *падатель* или *исчезатель* - нет.

- Во-вторых, хотя обе группы глаголов являются одноместными, неэргативный глагол можно преобразовать в двухместный (*танцевать танец*, *шутить шуточки*), а неаккузативный — нет (**падать падение*, **исчезать исчезновение*).

- В-третьих, неаккузативные глаголы можно использовать в некоторых конструкциях, в которых неэргативные невозможны, например, в предложениях с *ne* в итальянском, с *en* во французском или с эксплетивом *there* в английском:

[5]На самом деле ситуация несколько сложнее (см., например, [Levin and Rappaport-Hovav 1995; Reinhart 2002] или [Борик 1995; Borik 2006; Harves 2002; Romanova 2009] для русского языка).

(19) *Ne hanno danzati tre.
МЕСТ ВСП-ИМЕТЬ танцевать трое

(20) Ne sonno dispariti tre.
МЕСТ ВСП-БЫТЬ исчезать трое
“Из них исчезло трое”.

(21) There appeared three men.
ЭКСПЛ появилось три человека
‘Появилось три человека’.

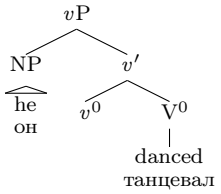
(22) *There danced three men.
ЭКСПЛ танцевало три человека
‘Танцевало три человека’.

- В некоторых языках, например, в немецком, у неэргативных и неаккузативных глаголов отличаются вспомогательные глаголы: с неаккузативными используется *sein* ‘быть’, а с неэргативными — *haben* ‘иметь’.

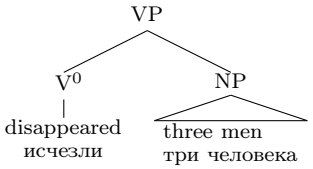
(23) a. Sie ist verschwunden.
она ВСП-БЫТЬ исчезнуть
‘Она исчезла.’
b. Sie hat getanzt.
она ВСП-ИМЕТЬ танцевать
‘Она станцевала.’

Неудивительно, что и на синтаксических деревьях неэргативные и неаккузативные глаголы выглядят по-разному. Агенс присоединяется к неэргативному глаголу в позиции спецификатора vP, где находится подлежащее у двухместных и трехместных глаголов. Аргументы, занимающие эту позицию, называются внешними. У неаккузативных глаголов единственный аргумент попадает на нижние этажи глагольной группы, поэтому его называют внутренним. Он находится в той же позиции, что дополнения у переходных глаголов:

(24) a. неэргативный глагол:



b. неаккузативный глагол:



Неаккузативные глаголы, подобно пассивным, подчиняются введенному в разделе 6.5. обобщению Бурцио: не имея внешнего аргумента, они не приписывают винительный падеж внутреннему. Поэтому единственные аргументы как неэргативных, так и неаккузативных глаголов не могут получить падеж в своей исходной позиции и перемещаются в спецификатор T, где им приписывается именительный падеж[6].

Несмотря на разное место присоединения, единственные аргументы как неэргативных, так и неаккузативных глаголов затем перемещаются в спецификатор T и получают именительный падеж. Из приведенных выше схем также становится понятно, почему присоединение второго аргумента возможно только для неэргативных глаголов: позиция дополнения у них остается свободной, а у неаккузативных глаголов она уже занята единственным аргументом[7].

[6]Как приписывается падеж в примерах типа (21)? Интуитивно кажется, что эксплетив *there*, происходящий от местоимения *there* ‘там, туда’, не имеет падежа, в отличие от эксплетива *it*, исторически связанного с местоимением *it* ‘оно’. Эта интуиция отражена и в генеративной грамматике: *it* получает именительный падеж в спецификаторе TP, а *there* — нет, и он достается NP, оставшейся в комплементе V. Это возможно благодаря согласованию между этой группой и T. Операция согласования будет введена только в главе 10.

[7]Есть и двухместные глаголы с подлежащим-внутренним аргументом, например, *нравиться*. Однако второй аргумент у них все равно может выступать только в качестве косвенного дополнения в дательном падеже.

Глава 8

Еще раз о передвижениях

8.1. Сильные и слабые острова

Рассмотрев примеры различных передвижений в предыдущих главах, здесь мы вернемся к этой теме на новом уровне и прежде всего обратимся к ограничениям на передвижения. Вспомним предложение (1) из главы 5:

(1) *What$_i$ did Bill make the claim [that he read
что ВСП Билл сделать АРТ заявление что он читал
t$_i$]?

'*Что Билл сделал заявление, что он прочитал?'

В главе 5 мы говорили о том, что оно неграмматично в силу действия условия прилегания: передвижение не может пересекать больше одного ограничивающего узла, NP или TP, если между ними нет промежуточной посадочной площадки или такая площадка уже занята. В рассмотренных нами примерах это условие проявлялось, когда требовалось вынести материал из группы CP, спецификатор которой занят вопросительной группой, или из группы NP, в состав которой входит придаточное дополнения или относительное придаточное. Иными словами, любой материал как будто лишен возможности покинуть пределы, очерченные границами CP с занятым спецификатором или сложной NP.

Поэтому Джон Росс, вошедший в историю лингвистики не только благодаря своим открытиям, но и благодаря предложенным им удивительно точным и образным терминам, назвал такие структуры **островами** (islands) [Ross 1967]. Появившись в диссертации Росса, термин *остров* прижился и расширился. Были открыты новые типы островов. Кроме того, оказалось, что с некоторых островов отдельные элменты все-таки могут выбраться, хотя и не без ущерба для элегантности всего предложения. Острова с послаблением так и назвали **слабыми** (weak islands) и стали их противопоставлять **сильным островам** (strong islands) [Huang 1982].

К слабым относят, прежде всего, **острова вопросительной группы** (Wh-islands). В них элемент выносится из придаточного предложения, которое само является вопросительным, то есть уже содержит передвижение в спецификатор CP. Сравним два предложения в (2). Первое предложение (2-a) звучит приемлемо, а второе (2-b) — нет. В одном случае вопросительная группа с грехом пополам может вырваться из вопросительного придаточного, а во втором — нет[1]:

(2) Остров вопросительной группы:

a. ?[Which problem]$_i$ did [$_{TP}$ you wonder [$_{CP}$
который проблема ВСП ты интересоваться
how [$_{TP}$ to solve t_i]]]?
как ИНФ решить
'Какую проблему ты думал, как решить?'

b. *How$_i$ did [$_{TP}$ you wonder [$_{CP}$ which
как ВСП ты интересоваться который

[1]Нужно заметить, что суждения носителей языка по поводу грамматичности/неграмматичности предложений иногда не совпадают: у каждого из нас свой вариант языка, или идиолект, и значения параметров в разных идиолектах могут в чем-то различаться. Кроме того, даже для одного человека есть более тонкая градация, чем деление примеров на грамматичные и неграмматичные. Нарушение одного правила воспринимается как менее серьезная проблема, чем нарушение другого или нескольких правил сразу. Так, предложения со слабыми островами часто звучат хуже, менее естественно, чем очевидно грамматичные, но, несомненно, не так режут слух, как очевидно неграмматичные. Перед такими несовершенными примерами обычно ставится вопросительный знак.

problem [$_{TP}$ to solve t_i]]]?
проблема инф решить
'*Как ты думал какую проблему решить?[2]'
[Huang 1982]

Слабыми также считаются так называемые **острова отрицания** (negative islands). Приведенное ниже предложение (a) звучит лучше, чем предложение (b):

(3) Остров отрицания:
a. ??What$_i$ [$_{TP}$ don't you think [$_{CP}$ that [$_{TP}$ I
что всп.нег ты думать что я
should cook t_i]]]
должен готовить
'??Что ты не думаешь, что я должен готовить'?
b. *How$_i$ [$_{TP}$ don't you think [$_{CP}$ that [$_{TP}$ I should
как всп.нег ты думать что я должен
cook this stuff t_i]]]?
готовить этот вещество
'*Как ты не думаешь, что я должен это готовить'?
[Khomitsevich 2008]

Нетрудно заметить, что в (2-a) и в (3-a) из острова вынесен комплемент, а в (2-b) и в (3-b) — адъюнкт. Данная асимметрия отсутствует в сильных островах. Из конструкций, которые принято так называть, нельзя вырваться вне зависимости от типа отношений с предикатом. К ним относятся **острова сложной именной группы** (complex NP-islands), **острова адъюнкта** (adjunct islands), **острова подлежащего** (subject islands) и **острова сочиненных структур** (coordinate structure islands).

(4) Остров сложной именной группы:
a. They considered the rumours that Bob would
они рассматривали арт сплетни что Боб всп

[2]В качестве вопроса к предложению *Ты думал, какую проблему решить таким-то образом*, а не в смысле 'Как ты думал о выборе проблемы: какую именно решить?'. Далее мы столкнемся и с другими подобными примерами, например, (8-b).

betray Sam.
предать Сэм
‘Они приняли во внимание слухи, что Боб предаст Сэма’.

b. *[Which man]$_i$ did [$_{TP}$ they consider the
который человек ВСП они рассматривать АРТ
rumors [$_{CP}$ that [$_{TP}$ Bob would betray t_i]]]?
сплетни что Боб ВСП предать
‘*Какого человека они приняли во внимание слухи, что Боб предаст?’
[Szabolcsi and den Dikken 1999]

(5) Остров адъюнкта:

a. Mary cried after John hit Bill.
Мэри плакала после Джон ударил Билла
‘Мэри заплакала после того, как Джон ударил Билла’.

b. *Who$_i$ did [$_{TP}$ Mary cry [$_{CP}$ after [$_{TP}$ John
кто ВСП Мэри плакать после Джон
hit t_i]]]?
ударил
‘*Кого Мэри заплакала после того, как Джон ударил?’
[Huang 1982, стр. 503]

(6) Остров подлежащего:

a. That the police would arrest several
что АРТ полиция ВСП арестовать несколько
rioters was a certainty.
демонстрантов были АРТ определенность
‘Что полиция арестует несколько демонстрантов, не вызывало сомнений’.

b. *Who$_i$ was [$_{TP}$ [$_{CP}$ that the police would
кто был что АРТ полиция ВСП
arrest t_i] t_{was} a certainty]?
арестовать АРТ определенность

‘*Кого, что полиция арестует, не вызывало сомнений’?
[Carnie 2008, стр. 336]

(7) Остров сочиненных структур:

a. I [$_{VP}$ ate some popcorn] and [$_{VP}$ drank some
я ел немного попкорн и пил немного
soda].
лимонад
‘Я поел попкорна и попил лимонада’.

b. *What$_i$ did you eat t_i and drink some soda?
что всп ты есть и пить немного лимонад
‘*Чего ты поел и попил лимонада’?
[Carnie 2008, стр. 336]

Итак, подведем итоги и перечислим упомянутые выше острова[3]:

Сильные острова:

- Остров сложной именной группы
- Остров адъюнкта
- Остров подлежащего
- Остров сочиненных структур

Слабые острова:

- Остров вопросительной группы
- Остров отрицания

Острова встречаются не только в английском языке. Сильные и слабые острова — явление универсальное, хотя их свойства в разных языках могут несколько различаться. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим русские предложения, полученные в результате перевода английских примеров (2) – (7).

[3]Более полный список островов можно найти в статье Анны Сабольчи [Szabolcsi 2005], а также в книге Гильельмо Чинкве [Cinque 1990] и в диссертации Михала Штарке [Starke 2001].

Обратим внимание, что перед примером (8-c) стоит два вопросительных знака, а перед примером (8-d) — звездочка. Таким образом мы отметили контраст между не очень естественным предложением и предложением, просто ужасным для русского уха.

(8) a. Слабый остров вопросительной группы с вынесением комплемента:
[Какую проблему]$_i$ ты думал, как решить t_i?

b. Слабый остров вопросительной группы с вынесением адъюнкта:
*Как$_i$ ты думал, какую проблему решить $_i$?

c. Слабый остров отрицания с вынесением комплемента:
??Что$_i$ ты не думаешь, что я должен готовить t_i?

d. Слабый остров отрицания с вынесением адъюнкта:
*Как$_i$ ты не думаешь, что я должен это готовить t_i?

e. Остров адъюнкта:
*Кого$_i$ Мэри плакала после того, как Джон ударил t_i?

f. Остров сложной именной группы:
*[Какого человека]$_i$ они изучали слухи, что Боб предаст t_i?

g. Остров подлежащего:
*Кого$_i$, [что полиция арестует t_i]$_{\text{Subj}}$, не вызывало сомнений?

h. Остров сочиненных структур:
*Чего$_i$ ты [$_{\text{VP}}$ поел t_i] и [$_{\text{VP}}$ попил лимонада]?

Как мы видим, в русском языке так же, как в английском, можно покидать только некоторые острова, и делать это могут лишь комплементы.

8.2. Объяснение ограничений на передвижения

Сразу следует сказать, что окончательного объяснения ограничений на передвижения пока не найдено — каждый этап разви-

тия генеративной грамматики позволял решить какие-то проблемы, но одновременно выявлялись новые. Пусть это не смущает читателя: именно так должен идти научный процесс, если речь идет об изучении действительно сложного явления, полное представление о котором просто невозможно получить с первого (и даже со сто первого) взгляда. Во всяком случае, в результате генеративистам удалось систематизировать огромный массив данных и сделать много интересных обобщений. В этом разделе мы представим лишь некоторые ключевые идеи, использовавшиеся для анализа ограничений на передвижения в теории управления и связывания. Намного более подробный обзор можно найти в статье К.И. Казенина и Я.Г. Тестельца в сборнике "Современная американская лингвистика: фундаментальные направления" [Казенин, Тестелец 2006].

Три упомянутых в предыдущем разделе сильных острова: остров сложной именной группы, остров подлежащего и остров сочиненных структур — были выявлены еще Россом. Условие прилегания объясняет свойства лишь одного из них, острова сложной именной группы (например, в (1) и в (4-b)). Чтобы покинуть его и попасть в спецификатор CP главного предложения, надо пересечь границу NP и затем TP в главном предложении, между которыми нет промежуточной посадочной площадки.

Для островов сочиненных структур всегда предлагались независимые объяснения. Чтобы вырваться с острова подлежащего, например, в (6-b), нужно пересечь две TP, в придаточном и затем в главном предложении. Однако между ними есть посадочная площадка — спецификатор придаточного CP. Если придаточное предложение является дополнением, а не подлежащим, передвигающиеся элементы благополучно покидают его, остановившись в этой позиции (в главе 5 мы убедились в этом, рассматривая плавающие кванторы в ольстерском диалекте английского). Та же проблема возникает в примерах вроде (5-b) с островами адъюнкта, впервые описанными Джеймсом Хуангом [Huang 1982].

Если для двух сильных островов условие прилегания оказывается слишком слабым, не отсеивая неграмматичные предложения, то для слабого острова вопросительной группы оно оказывается слишком сильным. В предложении (2-a), которое мы повторяем ниже, это условие нарушено: группа *which car* пересекает два ограничивающих узла TP, посадочная площадка между

которыми уже занята вопросительным словом. Тем не менее, для носителей английского языка предложение приемлемо:

(9) ?[Which problem]$_i$ did [$_{TP}$ you wonder [$_{CP}$ how
который проблема вспп ты интересоваться как
[$_{TP}$ to solve t_i]]]?
инф решить
'Какую проблему ты думал, как решить?'

Не объясняет условие прилегания и свойства слабых островов отрицания, однако в этом разделе мы не будем останавливаться на их анализе, сосредоточившись на других проблемах.

Разную проницаемость вопросительных островов для разных элементов можно задать при помощи **принципа пустой категории** (Empty Category Principle, ECP). Пустые категории — это PRO-большое, pro-малое и следы. Нас сейчас будут интересовать только следы, поэтому нам подойдет такая формулировка этого принципа: следы должны быть в позиции собственно управления[4].

Понятие **управления** (government) является для теории управления и связывания ключевым — недаром оно вошло в ее название. Мы до сих пор не столкнулись с ним только потому, что использовали неформальные описания падежных конфигураций, отложили анализ теории связывания до второй части книги и т.д. Считается, что A управляет B тогда и только тогда, когда: (1) A с-командует B; (2) не нарушается минимальность (несколько упрощая, между A и B не должно быть C, который также мог бы управлять B); (3) A является либо вершиной, либо перемещенной XP.

Приведем простой пример. В предложении *Петя видит Васю, который несет стул* глагол *видит* управляет своим дополнением-комплементом *Васю, который несет стул*. Именной группой *стул* он не управляет, так как между ними есть глагол *несет*, который также может управлять этой NP. Более подробно о минимальности рассказано в следующем разделе.

[4]Приведенные здесь и далее определения опираются на статью Джона Бейлина [Бейлин 2006], а он, в свою очередь, ориентируется на классический учебник Лилиан Хегеман [Haegeman 1994].

Теперь определим **собственно управление** (proper government), на которое опирается принцип пустой категории. А собственно управляет B, когда A **лексически управляет** (lexically governs) B или **антецедентно управляет** (antecedent-governs) B. Несколько упрощая, в дополнение к приведенным выше условиям управления, в первом случае A должно быть лексической категорией, приписывающей B падеж или тета-роль (как в приведенном выше примере с глаголом *видит* и его комплементом), а во втором B должно быть следом перемещенного элемента A.

Легко убедиться, что перемещение дополнений никогда не нарушает принцип пустой категории, поскольку их следами всегда лексически управляют глаголы, от которых дополнения получают тета-роль. Позиции, из которых выдвигаются адъюнкты, не подразумевают лексического управления. Поэтому их передвижения более ограничены: все определяется тем, можно ли будет установить между перемещенным элементом и следом антецедентное управление. Это зависит от того, не нарушается ли минимальность, о которой мы расскажем в следующем разделе, а также от ряда других условий. Мы сейчас не будем разбирать их подробно: ограничимся тем, что в результате адъюнкты могут выдвинуться лишь очень недалеко.

За счет этого принцип пустой категории объясняет свойства слабых островов, из которых могут вырваться дополнения, но не адъюнкты. Убедимся в этом на примерах (2-a) и (2-b). Первый из них был повторен в начале этого раздела, второй мы повторяем ниже. В первом дополнение может покинуть остров вопросительной группы, так как соблюдается принцип пустой категории: его следом лексически управляет глагол *solve* ‘решить’ . Таким образом, получается, что через спецификатор CP придаточного предложения могут пройти две вопросительные группы, одна из которых там и остается[5].

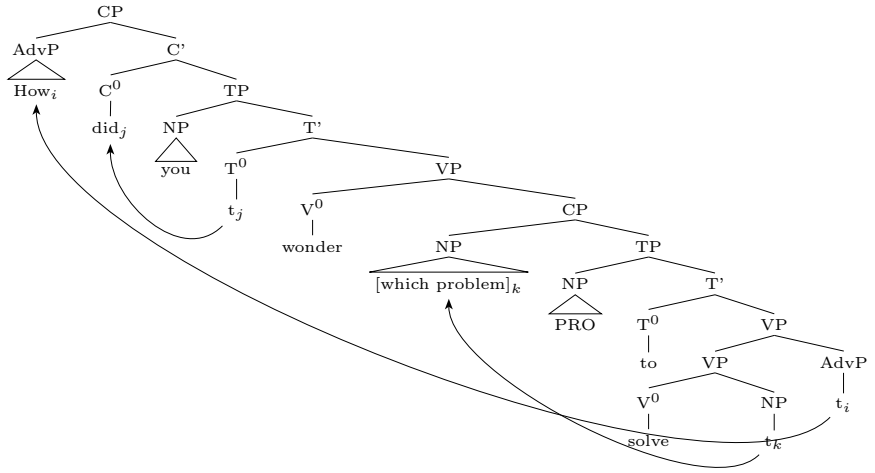
В (10-a) вопросительное слово *how* ‘как’ поднялось в спецификатор главной CP из позиции адъюнкта, и след, оставшийся

[5]Альтернативный подход — предположить существование нескольких посадочных площадок в этой области. Не входя в подробности, заметим, что в его пользу есть следующий аргумент. В русском и в ряде других языков можно выдвинуть в начало предложения больше одной вопросительной группы: *Кто что вчера купил?*.

после передвижения, не управляется лексически. Антецедентное управление невозможно, так как ему мешает группа *which problem* в спецификаторе придаточного CP. Почему, мы разберем подробнее в следующем разделе.

(10) a. *How$_i$ did you wonder which problem
как ВСП ты интересоваться который проблема
to solve t_i?
ИНФ решить
'*Как ты думал какую проблему решить?'

b.



Теперь обратимся к подлежащим: в предыдущем разделе мы не приводили примеров с их передвижением. Принцип пустой категории предсказывает, что в данном случае они будут вести себя не как аргументы-дополнения, а как адъюнкты. Позиция, из которой они выдвигаются, также не подлежит лексическому управлению. Анализ данных подтверждает это предсказание.

Приведенные ниже примеры, иллюстрирующие контраст между подлежащим и дополнением, заодно позволят нам познакомиться с так называемым **эффектом *that*-след** (*that*-trace effect), действующим в английском языке. Он состоит в том, что союз

that ‘что’ в вершине C^0 блокирует антецедентное управление[6]. Поэтому грамматичным оказывается только пример с выдвижением дополнения, следом которого лексически управляет глагол *loves* ‘любит’.

(11) a. Who$_i$ do you think [$_{CP}$ that [$_{TP}$ John loves
кто ВСП ты думать что Джон любит
t$_i$]]?

‘Кого, ты думаешь, (что) Джон любит’?

b. *Who$_i$ do you think [$_{CP}$ that [$_{TP}$ t$_i$ loves John]]?
кто ВСП ты думать что любит Джон
‘Кто, ты думаешь, (*что) любит Джона’?

Что касается свойств двух сильных островов, которые не выводятся из условия прилегания, острова подлежащего и острова адъюнкта, то Джеймс Хуанг [Huang 1982] предложил для них объяснение, также основанное на понятии собственно управления. **CED** (Condition on Extraction Domains ‘условие, налагаемое на область вынесения’) гласит, что никакой элемент не может быть извлечен из составляющей, которая сама не находится в позиции собственно управления. Поэтому мы снова получаем контраст между дополнениями с одной стороны и подлежащими и адъюнктами с другой: извлечение из первых возможно, а из вторых — нет.

Выше мы рассматривали только примеры, где в роли подлежащих и адъюнктов выступают придаточные предложения, то есть CP. Однако это верно и для тех случаев, где они являются именными группами. О конструкциях, где комплемент предлога отрывается от него, передвигаясь в начало предложения, мы расскажем в разделе 8.4..

(12) a. Who did John find [a picture of _]?
кто ВСП Джон найти АРТ картина ПРЕДЛ
‘Портрет кого нашел Джон’?

[6]Не вполне ясно, присутствует ли эффект that-след в русском языке. Мнения ученых по этому вопросу расходятся.

b. *Who did [a picture of _] hang on
кто ВСП АРТ картина ПРЕДЛ висеть на АРТ
the wall?
стена
'?Портрет кого висел на стене'?

Новый подход к ограничениям на передвижения в рамках теории управления и связывания был предложен Ноамом Хомским в 1986 году [Chomsky 1986]. Он опирался на понятие **барьеров** (barriers), во многом близкое по духу к ограничивающим узлам. Эта тема активно обсуждается и в минималистском синтаксисе; некоторые связанные с ней вопросы будут затронуты в главе 10.

8.3. Относительная минимальность

Вернемся вновь к паре примеров, обсуждавшихся в двух предыдущих разделах:

(13) a. ?[Which problem]$_i$ did [$_{TP}$ you wonder [$_{CP}$
который проблема ВСП ты интересоваться
how [$_{TP}$ to solve t_i]]]?
как ИНФ решить
'Какую проблему ты думал, как решить?'

b. *How$_i$ did [$_{TP}$ you wonder [$_{CP}$ which
как ВСП ты интересоваться который
problem [$_{TP}$ to solve t_i]]]?
проблема ИНФ решить
'*Как ты думал какую проблему решить?'

Как мы говорили выше, они показывают, что выдвижение из вопросительного придаточного предложения в принципе возможно, если соблюдается принцип пустой категории. Очевидно, в (13-b) он нарушен — предложение неграмматично. Так как следы адъюнктов, в отличие от следов дополнений, не управляются лексически, это значит, что в таких структурах невозможно антецедентное управление.

Что ему мешает — граница придаточного предложения? (14) показывает, что это не так. В этом предложении адъюнкт *how* ‘как’ благополучно выдвигается из придаточного, а значит, может антецедентно управлять своим следом:

(14) How$_i$ do you think that Bill solved this problem
как вспт ты думать что Билл решил эта проблема
t_i?

‘Как, ты думаешь, Билл решил эту проблему’?

Ответ на вопрос, в чем различие между (13-b) и (14), дал итальянский лингвист Луиджи Рицци в своей книге “Относительная минимальность” [Rizzi 1990], сильно повлиявшей на развитие генеративной грамматики. Предложенная им **теория относительной минимальности** (Relativized Minimality) помогла разгадать целый ряд загадок, возникших в результате изучения передвижений и ограничений на них. Эта теория основана на разграничении двух типов позиций, которые могут занимать передвигающиеся элементы (передвижение вершин мы сейчас рассматривать не будем).

В этой книге мы сталкивались с передвижениями в спецификатор TP и в спецификатор CP. Как мы убедимся в разных главах второй части, передвижения групп не ограничиваются этими позициями, но сейчас для нас это не важно. Спецификатор TP принято называть **A-позицией** (A-position), так как туда может попасть только именная группа-аргумент. Это передвижение связано с приписываением именительного падежа. Спецификатор CP называют **A’-позицией**[7] (A’-position). Туда могут передвинуться вопросительные слова, а также темы и, реже, ремы. Очевидно, эти группы могут и не являться аргументами. Передвижение в спецификатор типа A называется A-передвижением (15-a), а передвижение в спецификатор типа A’ — A’-передвижением (15-b)[8].

(15) a. A-передвижение:

[7]Читается как ‘A-штрих-позиция’.

[8]Подробнее об A- и A’-передвижениях см. в [Кондрашова 2006].

John$_i$ seems [to be certain [t_i to
Джон кажется инф быть уверенным инф
win]].
выиграть
'Кажется, Джон наверняка выиграет'.

b. A'-передвижение:
[Which problem]$_i$ did Bill solve t_i?
который проблема всп Билл решить
'Какую проблему решил Билл'?
[Rizzi 1990]

След, оставленный элементом при передвижении, и его конечная посадочная площадка образуют **цепь** (chain). В зависимости от типа конечной площадки Рицци выделяет A-цепи и A'-цепи. Теория относительной минимальности гласит, что элементы в A-позиции, находящиеся между началом и концом A-цепи, нарушают ее целостность, а элементы в A'-позиции не нарушают, и наоборот. На интуитивном уровне это можно объяснить так: между элементами в однотипных позициях возникает интерференция, и тот, что находится ниже и, соответственно, ближе к следу, не дает более высокому сохранить связь со следом.

Теперь мы можем ответить на вопрос, заданный в начале этого раздела: что мешает слову *how* 'как' в (13-b) антецедентно управлять своим следом? *How* находится в спецификаторе CP, то есть речь идет о формировании A'-цепи. Ее целостность может нарушить любой элемент, занимающий A'-позицию между следом и *how*. Нетрудно убедиться, что в (13-b) такой элемент имеется: это вопросительная группа *which problem* 'какая проблема' в спецификаторе CP придаточного предложения. А в примере (14) между двумя концами A'-цепи нет ни одного элемента в A'-позиции. Поэтому это предложение оказывается грамматичным.

8.4. Эффект крысолова и зависание предлогов

Рассмотрим еще один пример, иллюстрирующий различия между A'- и A-позициями. Он касается передвижения комплементов

предлога в таких языках, как датский и исландский. В (16-a) после передвижения вопросительной группы в позицию спецификатора CP (тип A') в конце предложения остался предлог *med* 'с'. Если же речь идет о передвижении в спецификатор TP (тип A), как в (16-b), предлог в конце предложения остаться не может:

(16) Датский язык [Merchant 2001]:

a. Hvem$_i$ har Peter snakket med t_i?
кто ВСП Петер разговаривал с
'С кем разговаривал Петер'?

b. *Han$_i$ blev grinet [af t_i].
он стал осмеян из
'Над ним посмеялись'.

В предложении (16-a) мы наблюдаем явление, характерное для ряда германских языков, которое называется **зависанием предлога** (preposition stranding). Есть оно и в английском языке, однако, в отличие от датского, возможно как при A'-передвижениях, так и при A-передвижениях. Это иллюстрируют примеры (17-a) и (17-b).

(17) Английский язык [Truswell 2008]:

a. Who$_i$ did you talk to t_i?
кто ВСП ты разговаривать к
'С кем ты разговаривал'?

b. John$_i$ was talked about t_i at length.
Джон ВСП разговаривать.ПРИЧ о при длительность
'О Джоне долго разговаривали'.

Не существующая в датском языке операция в (17-b) называется **псевдопассивизацией** (pseudo-passivization). Обычная пассивизация применяется к переходным глаголам: глагол теряет свой внешний аргумент, и подлежащим предложения становится внутренний, бывшее дополнение. При псевдопассивизации непереходный глагол, вторым аргументом которого является предложная группа, теряет свой первый, внешний аргумент, а под-

лежащим предложения становится комплемент предлога. В русском же языке невозможна не только псевдопассивизация, но и любые другие передвижения, при которых предлог отрывается от своего комплемента:

(18) Русский язык:
a. *Чем$_i$ Ваня сказал о t_i?
b. [О чем]$_i$ Ваня сказал t_i?
c. *Этом$_i$ уже сказали о t_i.
d. [Об этом]$_i$ уже сказали t_i.
e. *Это$_i$ уже было сказано о t_i.

Заметим, что в английском вопросительное слово может не только оторваться от предлога, но и забрать его с собой в позицию спецификатора CP, как это происходит в русском языке:

(19) [To whom]$_i$ did you talk t_i?
к кому ВСП ты разговаривать
'С кем ты разговаривал'?

Ситуация, когда вершина или группа, передвигаясь, тянет за собой включающую ее более крупную составляющую, образно (конечно, благодаря Джону Россу) называется **эффектом крысолова** (pied-piping)[9]. Несмотря на то, что эффект крысолова присутствует в русских предложениях (18) и отсутствует в английских (17), в целом он больше распространен в английском языке. Это приводит к многочисленным ошибкам у изучающих английский носителей русского языка. Вспомним пример, с которого мы начали обсуждение передвижений в главе 5:

(20) [What car]$_i$ have you bought t_i?
какой машина ВСП ты купил
"Какую машину ты купил"?

[9]Эта метафора восходит к легенде о Гаммельнском крысолове, который творчески подошел к спасению города от нашествия крыс. Он играл на флейте и увлекал их за собой: за ним пошла одна, за ней другая, за той третья и так далее, до самого последнего грызуна. А когда жители отказались заплатить крысолову за работу, он таким же образом увел из города всех детей.

Слово *car* ‘машина’ не является целью вопроса. Однако предложение, подобное (21), по-английски неграмматично:

(21) *What$_i$ have you bought [t_i car]?
какой ВСП ты купил машина
‘Какую ты купил машину’?

Такое поведение вопросительных групп в английском языке объясняется **условием левой ветви** (Left Branch Condition), которое было открыто еще Джоном Россом [Ross 1967]:

(22) Условие левой ветви:
Именные группы, являющиеся крайними левыми составляющими в составе другой именной группы, не могут передвигаться из этой большей NP.

Как показывает перевод (21), в русском языке соблюдение этого условия необязательно и в подобных случаях возможны передвижения без эффекта крысолова. Наконец, есть конструкции, в которых эффект крысолова присутствует как в английском, так в русском языке. Это относительные придаточные предложения.

(23) Английский язык [Horvath 2005]:
a. Reports [the height of the lettering on the
доклады АРТ высота из АРТ буквы на АРТ
covers of which] the government
обложки из который АРТ правительство
prescribes should be abolished.
предписывает должны быть отменены
‘Доклады, высота букв на обложках которых предписывается правительством, должны быть отменены’.
b. He is a linguist [articles by whom] the
он есть АРТ лингвист статьи ПРЕДЛ кого АРТ
editors always reject.
редакторы всегда отклоняют
‘Он лингвист, чьи статьи всегда отклоняются редак-

торами'.

(24) Русский язык [Тестелец 2001]:

a. Мальчик, [брата которого] я знаю.
b. Рассмотрим два высказывания, [эквивалентность которых] доказать не составит труда.
c. Рассмотрим два высказывания, [доказать эквивалентность которых] не составит труда.

Если не выдвигать вперед более крупные группы, чем собственно вопросительное слово, мы получим неграмматичные предложения:

(25) a. *Мальчик, которого я знаю брата.
b. *Рассмотрим два высказывания, которых доказать эквивалентность не составит труда.

Вопрос о том, почему в одних конструкциях в одних языках эффект крысолова присутствует, а в других — нет, пока не получил окончательного ответа и, следовательно, продолжает оставаться актуальной темой исследования в генеративной грамматике. То же самое можно сказать и о многих других затронутых в этой главе вопросах. Поэтому ее цель — прежде всего, дать представление о разнообразии обсуждающихся в этой области данных, познакомить с основными терминами и представить несколько ключевых проблем. При этом за кадром осталось множество других вопросов, возникающих при изучении островов в разных языках, в том числе и в русском.

Глава 9

Признаки

Для того чтобы составить предложение, нужна не только грамматика, но и словарь, или лексикон. Генеративисты считают, что слова хранятся там в виде набора **признаков** (features), которые бывают трех типов: фонологические, семантические и формальные, которые также называют грамматическими или морфосинтаксическими. Семантические и формальные признаки частично пересекаются, а фонологические стоят от них особняком.

9.1. Фонологические признаки

Рассмотрим два слова: *лук* и *люк*. Они отличаются по своему звучанию: в первом случае звук *л* твердый, а во втором — мягкий. Затем идет гласный *у*. В том, что мы произносим *у* и в слове *люк*, можно убедиться, попробовав растянуть этот звук. Но одинаковое или разное *у* в этих словах?

Ответ на этот вопрос зависит от того, в рамках какой науки мы его даем. Звуковым строем языка занимаются фонетика и фонология. Фонетика изучает физические характеристики звуков. Спектрограммы гласного в словах *лук* и *люк* различаются: начало звука *у* выглядит по-разному после мягкого и после твердого согласного. Поэтому с точки зрения фонетики это два разных звука.

Фонология занимается теми свойствами звукового строя языка, которые важны для различения смыслов. Она исследует не

собственно звуки, а фонемы. Для фонологии гласные в словах *лук* и *люк* совпадают. Эти два слова различаются только благодаря *л*-твердому или *л*-мягкому[1].

Важные для различения слов особенности звуков называются **дифференциальными признаками** (distinctive features). Наборы таких признаков в разных языках отличаются. Например, в русском дифференциальным является признак мягкости или твердости у согласных. А для носителя английского языка русские слова *полка* и *полька* звучат практически одинаково. Признак мягкости не является для английского дифференциальным, и американцу надо долго тренироваться, чтобы научиться узнавать на слух твердое и мягкое *л*.

Впрочем, американец может отомстить носителю русского языка. В английском есть, например, слова *sneakers* 'кроссовки' и *Snickers* 'сникерс' — название известных шоколадных батончиков. В этих словах совпадают все звуки, кроме первого гласного: в первом слове он долгий, а во втором краткий. Для носителей английского эти гласные различаются так сильно, что обычный американец искренне не понимает, как можно перепутать *sneakers* и *Snickers*. Но для русского уха два эти слова звучат практически одинаково.

Итак, чтобы отличить одно слово от другого, нужна информация о том, из каких фонем оно состоит (а также об ударении и тонах, о которых мы не будем здесь говорить для краткости). Любую фонему можно описать при помощи набора дифференциальных признаков, поэтому логично предположить, что именно последовательности таких признаков хранятся в лексиконе. Например, [+смычный, +заднеязычный, +задненебный, —звонкий], [+лабиализованный, +среднего подъема, +заднего ряда], [+смычный, +переднеязычный, +зубной, —звонкий]. Это фонемы /к/, /о/ и /т/, из которых получается слово *кот*.

Если изменить значение признака [звонкий] у последнего зву-

[1]На чем основаны такие выводы? Без противопоставления *л*-твердого и *л*-мягкого все равно не обойтись: эти две фонемы необходимы, чтобы различать такие слова, как *мол* и *моль* и т.п. А вот в двух разных *у* необходимости нет. Это различие никогда не используется в языке само по себе. Поэтому можно просто сказать, что фонема *у* реализуется по-разному после твердых и мягких согласных.

ка с отрицательного на положительное, мы получим слово *код*. На этом примере мы попробуем объяснить, почему фонологические признаки стоят особняком от семантических и грамматических. Разве тот факт, что изменение одного фонологического признака приводит к изменению значения всего слова, не указывает на тесную связь между ними? Нет: чистый случай лежит в основе привычной ассоциации между последовательностью звуков /к/, /о/ и /т/ и взрослым представителем вида *Felis catus* мужского пола.

'Взрослый' и 'мужского пола' — это семантические признаки. Еще одним семантическим признаком слова *кот* следует считать одушевленность. У слова *код* этот признак отмечен отрицательным значением. При этом очевидно, что одушевленность никоим образом не зависит от того факта, что последний звук в первой комбинации глухой, а во второй звонкий. Это совпадение совершенно случайно. Многие другие одушевленные слова заканчиваются звонкими согласными, а неодушевленные — глухими, уже не говоря о том, что и те, и другие могут заканчиваться на гласный. То же самое можно показать и для грамматических признаков. Это и знаменует отсутствие пересечений между фонологией с одной стороны и семантикой и грамматикой с другой.

9.2. Семантические и морфосинтаксические признаки

Теперь рассмотрим семантические и морфосинтаксические признаки. Начнем с примеров. Предложения в (1) являются грамматически правильными, а в (2) — грамматически неправильны.

(1) a. Страус спит.
b. Страусы спят.

(2) a. *Страусы спит.
b. *Страус спят.

Причину можно описать в терминах признаков. У существительного и глагола есть признаки числа, обозначим их как [sing] (единственное) и [plural] (множественное). Когда эти признаки

совпадают у подлежащего и сказуемого, предложение получается грамматически правильным:

(3) Страусы$_{[plural]}$ спят$_{[plural]}$.

Если же они не совпадают, предложение оказывается неграмматичным:

(4) *Страусы$_{[plural]}$ спит$_{[sing]}$.

В древнерусском языке страус назывался струфокамилом (легко догадаться, что вторая часть этого слова имеет отношение к *camel*, то есть к верблюду). Предложения о спящих древнерусских страусах в упрощенной орфографии получаются вполне узнаваемыми:

(5) a. Струфокамилъ спитъ.
b. Струфокамили спятъ.

Однако предложение (5-b) не годилось, если страусов было ровно два. Для таких случаев в древнерусском существовало двойственное число — особая грамматическая форма, не совпадавшая ни с единственным, ни с множественным числом. Обозначим признак двойственного числа как [dual]:

(6) Струфокамила$_{[dual]}$ спита$_{[dual]}$.

Этот признак не встречается в современном русском или английском языке, но используется, например, в арабском. Легко заметить, что в предложении (7) проявляется не только признак числа, но и признак мужского рода, который можно обозначить как [masc]:

(7) a. Страус спал.
b. Страус$_{[masc]}$ спал$_{[masc]}$.

Если же речь идет не о страусе, а о курице, проявляется признак женского рода [fem]:

(8) Курица$_{[fem]}$ спала$_{[fem]}$.

Почему слово *курица* женского рода, понятно — оно обозначает птицу женского пола. Но почему, например, *вилка* женского рода, а *нож* — мужского? У слова может быть два признака рода: семантический и грамматический (морфосинтаксический). Семантический признак рода есть у тех слов, которые можно применить только к существу определенного пола. Например, слово *кот* используется только по отношению к самцу вида *Felis catus* и может быть противопоставлено слову *кошка*.

Грамматический признак рода, как и другие грамматические признаки, определяет поведение слова в предложении: например, почему сказать *Моя вилка упала* можно, а *Мой вилка упал* нельзя. В значении большей части слов нет никаких намеков на их принадлежность к определенному грамматическому роду. Это верно для любого языка, что делает, скажем, изучение немецкого такой трудной для нас задачей: грамматический род в русском и немецком не совпадает.

Грамматические и семантические признаки рода иногда расходятся в одном и том же слове. Например, у немецкого слова *Mädchen* 'девушка' семантический признак рода женский, а морфосинтаксический — средний. Оно употребляется с артиклем среднего рода *das* и т.д. В разговорном русском языке иногда встречаются слова типа *Ленусик* или *мамусик*. Кроме того, похожая ситуация наблюдается в словах *ножницы* или *брюки*, где не совпадают семантический и морфосинтаксический признак числа: мы воспринимаем брюки как один предмет, но используем для них в языке множественное число.

Подведем промежуточные итоги. Мы показали, что слово можно рассматривать как совокупность трех видов признаков: фонологических, семантических и морфосинтаксических. Фонологические признаки связаны со звучанием слова, семантические — с его смыслом, а морфосинтаксические отвечают за поведение слова в предложении. Именно морфосинтаксические признаки делают предложение грамматически правильным или неправильным. Семантические признаки могут сделать предложение странным или абсурдным по содержанию, но на грамматическую правильность они не влияют, как, например, в знаменитом примере Хомского:

(9) Зеленые бесцветные идеи яростно спят.

Набор фонологических и грамматических признаков не очень велик, и многие из них встречаются в тысячах языков мира. Ситуация с семантическими признаками несколько сложнее: споры идут и о том, как их выделять — что считать семантическим признаком, и о том, насколько они совпадают в разных языках. Однако многие лингвисты, причем не только генеративные, считают, что и семантические признаки — общие для всех языков. Впервые этот подход был детально разработан Анной Вежбицкой [Wierzbicka 1972, 1996], а в популярной форме о нем можно прочесть у Стивена Пинкера [Pinker 2007].

Стойкие же ассоциации между звучанием и значением слова специфичны для каждого отдельно взятого языка и являются единственным неуниверсальным языковым материалом. Поэтому, как мы увидим в главе 10, всю вариацию между языками генеративисты стремятся свести к признаковым различиям в лексиконе. Как пишет Дэвид Эджер в своем учебнике по минималистскому синтаксису [Adger 2003]:

> Каждый язык определяет, каков его лексикон, выстраивая лексические единицы из, как мы полагаем, универсальных наборов признаков.

В заключении перечислим некоторые морфосинтаксические признаки, которые используются в генеративной грамматике.

1. **Категориальные признаки** [N], [V], [P], [A] и др. Они показывают, что слово относится к той или иной категории, то есть ведет себя, например, как существительное. Так, у слова *паровоз* есть категориальный признак [N], а у слова *летать* признак [V], и в предложении они занимают те позиции, которые свойственны существительному или глаголу. Какой категориальный признак у слова *печь*? Поскольку это слово имеет несколько значений, можно сказать, что одному значению соответствует признак [N], а другому — признак [V]. То есть мы имеем дело с двумя разными словами.

2. **Число** [sing], [plual], [dual].

3. **(Грамматический) род** [masc], [fem], [neut].

4. **Лицо** [1], [2], [3].
5. **Падеж** [NOM], [ACC], [GEN] и пр.
6. **Время** [Pres], [Past], [Fut][2].

Очевидно, что этот список неполный: например, изменение форм глагола связано не только со временем действия. В следующих главах мы добавим в него новые признаки и более подробно расскажем об их важной роли в современной генеративной грамматике.

[2]Конечно, список времен этим не ограничивается, и, как мы увидим в главе 11, существуют и другие способы описать их при помощи признаков. Так что этот список дан здесь исключительно для примера.

Часть II

Современная генеративная грамматика

Глава 10

Минимализм

В главах 2–9 мы освоили азы генеративной грамматики и научились анализировать самые разные примеры. При этом мы опирались преимущественно на теорию управления и связывания — версию генеративной грамматики, которая использовалась в 1980-х и в первой половине 1990-х годов. В этой главе мы начнем знакомиться с минимализмом, который сменил ее и пока остается на сцене. По сравнению с предыдущими главами, мы будем задавать более сложные и более общие вопросы, но надеемся, что это нисколько не смутит читателей, которые уже успели освоиться среди синтаксических деревьев и готовы зайти в этот лес поглубже.

В минимализме на передний план вышло представление об "оптимальном дизайне": о том, что язык решает стоящую перед ним задачу по возможности самым простым и красивым способом. Если это так, то в нем не должно быть ни лишних уровней, ни лишних элементов, ни лишних операций. Исходя из этого, генеративисты основательно пересмотрели сложившуюся к середине 1990-х годов теорию, чтобы всюду соблюдалась строгая экономия. Они взяли самые разные ее части и задали одни и те же вопросы: "почему" и "зачем"? Почему все устроено так, а не иначе, зачем нужна та или иная операция или элемент, почему без них нельзя обойтись? В следующих разделах мы рассмотрим некоторые выводы, к которым они пришли.

10.1. Избавление от лишнего

В этом разделе мы рассмотрим один из основных вопросов, которые были поставлены в минимализме: каков тот минимум, без которого не может обойтись грамматика? Прежде всего, нам необходим **лексикон** (lexicon), откуда берутся слова для будущего предложения. Как мы говорили в предыдущей главе, каждое слово характеризуется тремя видами **признаков** (features): фонологическими, семантическими и грамматическими (или морфосинтаксическими). Также нам нужна **операция соединения** (merge), чтобы складывать эти слова в предложения.

Вторая операция, без которой нам не обойтись, — **операция согласования** (agree). В предыдущей главе мы разбирали примеры согласования, хорошо знакомые всем еще из школьной грамматики: как подлежащее согласуется со сказуемым по признакам лица, числа и рода. В разделе 10.4 мы увидим, что в современном генеративизме согласование и признаки используются намного шире, чем в традиционных грамматиках.

У каждого предложения есть звучание (или написание) и значение. Значит, у грамматики должен быть **сенсомоторный интерфейс** (sensorimotor / SM interface) для взаимодействия с сенсомоторными системами и **концептуально-интенциональный интерфейс** (C-I / conceptual-intentional interface) для взаимодействия с концептуально-интенциональными системами. Сенсорные системы мозга отвечают за наши пять чувств — в частности, за то, что мы слышим звуки и видим буквы. Моторные системы управляют движениями нашего тела, в том числе произнесением и написанием предложений. Концептуально-интенциональными обобщенно называются системы, отвечающие за понятия и намерения. Часто также используются термины *фонологический* и *семантический интерфейс*.

Для семантики важна синтаксическая структура предложения — в какие группы складываются слова, что от чего зависит. Семантика имеет дело с иерархией групп и смыслов. А сенсомоторные системы работают с линейной цепочкой звуков или букв. Таким образом, на сенсомоторном интерфейсе нам требуется операция **линеаризации** (linearization), которая по определенным правилам превращает иерархическую структуру (син-

таксическое дерево) в линейную цепочку[1].

С необходимостью всего вышеперечисленного трудно спорить представителю любой лингвистической школы. Задача, которую поставил перед собой минимализм, состояла в том, чтобы этим и ограничиться. От всех остальных элементов, операций, уровней было решено избавиться. Посмотрим, что в результате поменялось в генеративной грамматике. Во-первых, генеративисты отказались от х-штрих теории, упростив структуру групп — об этом мы расскажем в разделе 10.2. Во-вторых, изменилась общая модель грамматики — представление о том, какие в ней есть уровни. Этому посвящен раздел 10.3.

В-третьих, было решено избавиться от передвижений и следов. Ведь невозможно предположить, что следы хранятся в лексиконе. А передвижение — это дополнительная операция, число которых надо свести к минимуму. Намного логичней предположить, что мы можем не только добавлять к постепенно растущему синтаксическому дереву новые элементы, но и присоединять повторно уже имеющиеся. Ничто в грамматике не исключает такой возможности, поэтому ее не только можно, но даже нужно использовать.

---

[1]Если быть совершенно точными, надо сказать, что для определенных фонологических процессов, связанных с просодией, важны некоторые особенности синтаксической структуры. То есть во время фонологической интерпретации дерева на сенсомоторном интерфейсе эти процессы идут до линеаризации, а остальные — после нее. Например, предложения *Казнить, нельзя помиловать* и *Казнить нельзя, помиловать* на слух можно различить по расстановке пауз. С точки зрения фонемного состава они не различаются ничем. При этом смысл у этих предложений прямо противоположный: семантике важно, не что за чем идет в цепочке слов, а что от чего зависит. О связи между синтаксисом и просодией с точки зрения различных генеративных теорий можно прочитать в [Слюсарь 2009].

У читателя может возникнуть вопрос, как цепочка звуков или букв превращается в иерархическую структуру, когда мы понимаем предложение. Ответить на этот вопрос не так просто, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что классическая генеративная модель описывает не порождение и восприятие, а общие принципы устройства грамматики, двигаясь от отдельных слов к предложению с формой и значением. Вопрос о том, как именно эти принципы используются при создании и понимании предложений, обычно отдается на откуп психолингвистам. Подробное обсуждение этой проблемы можно найти в [Слюсарь 2009, стр.80-87].

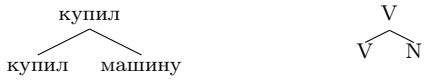
Экономная грамматика не любит повторений. В этом можно убедиться на простых примерах: вместо *Петя поел гречневой каши и Вася поел гречневой каши* мы говорим *Петя и Вася поели гречневой каши* и т.д. Поэтому неудивительно, что из нескольких копий одного элемента произносится всего одна — верхняя. При переходе от следов и передвижений к копированию становится более очевидной сущность стоящего за этими терминами явления. Речь идет о том, что один и тот же элемент может выполнять две функции: например, дополнения и вопросительной группы, и, соответственно, иметь две связи на разных уровнях синтаксической структуры.

10.2. Структура групп

Новый подход к структуре групп, разработанный в минимализме, называется **теорией простой структуры групп** (Bare Phrase Structure Theory). Более точный перевод английского термина — не “простой”, а “голый” или “ободранный” — напрямую отсылает нас к идее избавления от всего, что только можно исключить из теории.

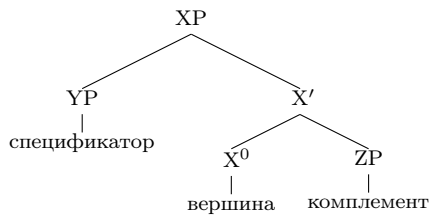
Предположим, мы выбрали в лексиконе два элемента: *купил* и *машину* (о том, как создаются формы слов, мы поговорим в главе 13). Что мы можем с ними сделать? Только сложить вместе при помощи операции соединения. То, что получилось, мы назовем главным из двух слов — *купил*. Или, для краткости, его категориальным признаком — V. Это показано на схеме (1). Более сложные примеры будут рассмотрены ниже, когда мы познакомимся с операцией копирования.

(1)



Нули, штрихи и P для обозначения групп нам взять неоткуда — в лексиконе такие вещи явно не хранятся. Да и представление о том, что группа должна выглядеть, как на показанной ниже схеме, ниоткуда не следует — нам пришлось бы ввести его как дополнительное правило.

(2)



Значит ли это, что у нас теперь не будет вершин, комплементов и спецификаторов? Нет — этими терминами можно пользоваться, не делая никаких дополнительных допущений. Вершиной можно называть главный из двух соединяющихся элементов, комплементом — элемент, соединяющийся с ним первым, а спецификатором — элемент, соединяющийся вторым. Надо заметить, что большая часть лингвистов до сих пор пользуется и обозначением XP, хотя оно потеряло свой статус в теории — это очень удобно, чтобы отличать вершины от групп. Однако, отказавшись от x-штрих теории, мы больше не можем сказать, что у каждой группы есть спецификатор, просто иногда он нулевой. Никаких шаблонов для построения групп больше не существует.

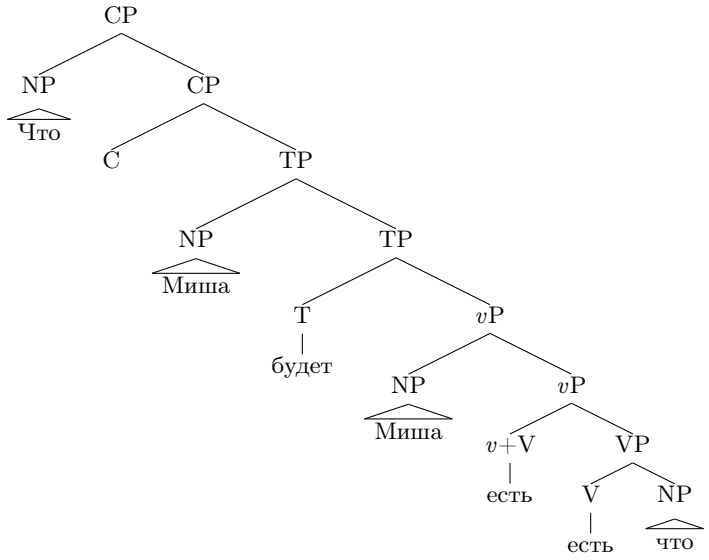
Добавим еще несколько слов про соединение. Формальные грамматики делятся на деривационные и репрезентационные: те, которые шаг за шагом строят дерево, и те, которые начинают с готовой структуры и пытаются объяснить ее[2]. Деривационные грамматики могут двигаться сверху вниз, объясняя, как предложение распадается на все более мелкие составляющие, и снизу вверх, показывая, как из слов складывается предложение.

Можно заметить, что деревья в минимализме строятся “снизу вверх” — от отдельных слов к предложению, в то время как более ранние подходы опирались на деривации “сверху вниз” или на репрезентации. За этим переходом стоит представление о том, что в предложении все определяется свойствами входящих в него слов и самыми базовыми общими принципами. Поэтому, когда в дереве присутствует несколько копий одного элемента, считается, что первой присоединяется самая нижняя. Это принято называть **наружным соединением** (external merge), а все последующие — **внутренними соединениями** (internal merge), так

[2]Деривацией называется процесс построения синтаксического дерева, а также, метонимически, само дерево, получившееся в результате.

как мы берем элемент не извне, из лексикона, а изнутри дерева. Рассмотрим пример *Что Миша будет есть?*. Вот как будет выглядеть его синтаксическая структура:

(3)



Можно заметить, что, в соответствии с принципами теории простой структуры групп, на схеме нет ни нулей, ни штрихов. Различия между X и XP сохранены исключительно для удобства, чтобы отличать группы от вершин. v+V показывает, что глагол *есть* скопировался в позицию v. Кроме того, в этом дереве имеются две копии слова *что* и слова *Миша*.

Рассмотрим именную группу *что*. Первая ее копия соединяется с глаголом, становясь его комплементом. Это наружное соединение. В старой теории она переместилась бы в позицию спецификатора CP, оставив за собой след. Но в минимализме не используется операция перемещения, а таких элементов, как следы, не существует, так как они не хранятся в лексиконе. Поэтому именная группа *что* присоединяется к дереву еще раз (происходит внутреннее соединение). В результате в структуре есть две ее копии, и, когда предложение озвучивается, нижняя просто не произносится. При этом во многих работах внутренние соединения по традиции продолжают называть передвижениями — этот

термин оказался намного удобнее в использовании. Мы также будем пользоваться этим термином, подразумевая под ним операции копирования.

У читателя может возникнуть вопрос, как при таком подходе к синтаксической структуре отличить аргументы от адъюнктов. В минимализме нет общепринятой точки зрения на эту проблему. Некоторые лингвисты отказались от адъюнкции (новый подход к наречиям, согласно которому они занимают позиции спецификаторов, будет рассмотрен в главе 11). Большинство других генеративистов, следуя за [Chomsky 2001a], полагает, что адъюнкты присоединяются к синтаксическому дереву иначе, чем все прочие элементы. Т.е. выделяются две разновидности операции соединения: обычное **соединение множеств** (set merge) и использующееся при адъюнкции **парное соединение** (pair merge). В чем заключается суть этого различия, в двух словах объяснить сложно, поэтому заметим только, что в синтаксических деревьях оно никак не отражается.

Важно понимать, что последовательность шагов в деривации призвана отражать не психолингвистическую реальность, а иерархические отношения между этими шагами ("внутритеоретическое время"). В реальности, при переходе от туманного замысла к тексту, мы можем сперва определиться с предикатом и его аргументами и уже затем решить, что аргумент-дополнение распадется, например, на существительное и прилагательное. Важно, что в результате эти шаги сложатся в определенную иерархическую структуру. Прекрасная аналогия — доказательство теоремы. Мы можем сперва представить себе общий ход доказательства и уже затем отобрать нужные для него аксиомы. Несмотря на это, когда все шаги сложатся воедино и теорема будет готова, аксиомы окажутся самыми первыми в иерархии доказательства, во "внутритеоретическом времени".

Многие синтаксические закономерности можно описать и объяснить и в деривационных, и в репрезентационных моделях, однако в ряде случаев выбор между ними оказывается принципиальным. Новые перспективы, связанные с переходом к деривационным моделям, особенно глубоко изучены в работах Самуэля Эпштейна и его соавторов [Epstein et al. 1998; Epstein 1999; Epstein and Seely 2006]. Эти работы положили начало целой плеяде исследований. При этом среди лингвистов, внесших значи-

тельный вклад в развитие минималистского синтаксиса, есть и принципиальные сторонники репрезентационных теорий. Прежде всего, это Михаэль Броди [Brody 1995, 2000, 2002]. Суть спора, разгоревшегося вокруг дериваций и репрезентаций, удачно изложена в статье Ховарда Ласника [Lasnik 2001].

Минимальное количество слов или составляющих для соединения — два, и в современном генеративизме элементы всегда соединяются по два, образуя дерево с бинарным ветвлением. В предыдущих главах мы уже разбирали пару случаев, которые изначально анализировались как небинарные структуры, а затем были пересмотрены: подлежащее, вспомогательный глагол и группа основного глагола, а также глагол с двумя дополнениями. Когда бинарное ветвление было возведено в минимализме в принцип, последним камнем преткновения для того, чтобы ввести его повсеместно, были конструкции с сочинительными союзами.

На то, как надо разбирать эти конструкции, до сих пор нет общепринятой точки зрения, так что заметим только, что конъюнкты (соединенные союзом группы) определенно неравноправны. Например, мы можем сказать *Миша и его собака*, но не *его собака и Миша*, если *его* значит “Мишина”. Исходя из анализа других конструкций в рамках теории связывания[3], это значит, что один конъюнкт с-командует другим. На первый взгляд может показаться, что дело в простом предшествовании: если *его* означает *Мишина*, местоимение не может идти перед существительным. Однако предложение *Когда мама ругает его собаку, Миша обижается* показывает, что роль играют именно иерархические отношения. Здесь *его* находится внутри придаточного (в глубине одной из левых ветвей дерева), а потому не с-командует существительным *Миша*.

10.3. Уровни грамматики

В этом разделе мы посмотрим, что с появлением минимализма изменилось в представлениях об уровнях языка. На заре генеративной грамматики в языке выделялись два уровня: **глубинная**

[3]Теория связывания будет рассмотрена в главе 14.

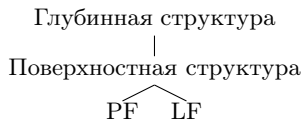
структура (deep structure, или DS) и **поверхностная структура** (surface structure, или SS). В разделе 1.5. мы показали на примерах, что одной глубинной структуре (например, *Кошка съела мышку*) соответствовало много поверхностных, получавшихся из нее непосредственно или путем различных трансформаций (*Кошка съела мышку*, а также *Съедение мышки кошкой*, *Мышка съедена кошкой* и т.д.). Считалось, что глубинная структура отражает нечто вроде смыслового инварианта (кто что с кем сделал), а поверхностная — различные способы представления этого инварианта, которые существуют в языке.

Однако затем стало ясно, что для смысла предложения важно не только, кто что с кем сделал, но и, например, интерпретация местоимений, которая зависит от поверхностной структуры. Например, (4-a) грамматично, а (4-b) — нет.

(4) a. Каждый мальчик убрал свою комнату.
b. *Своя комната убрана каждым мальчиком.

Поэтому модель грамматики была пересмотрена. Во-первых, в нее были добавлены два интерфейсных уровня, на которых уже готовое предложение подвергалось фонологической и семантической интерпретации: **фонологическая форма** (phonological form, или **PF**) и **логическая форма** (logical form, или **LF**). Термин *логическая форма* отражает тот факт, что в формальной семантике широко используются логические операции. Во-вторых, изменилось представление о том, что происходит на уровнях глубинной и поверхностной структуры. В результате модель грамматики в теории управления и связывания выглядела так:

(5)



На уровне глубинной структуры происходило, например, присвоение тематических ролей, затем шли передвижения, после чего на уровне поверхностной структуры проверялась их правильность, а также приписывались падежи, связывались местоимения и т.д. Заметим, что именно поэтому эта версия генеративной грамматики считается репрезентационной. Хотя мы не начина-

ем с готового дерева, все правила и ограничения применяются не шаг за шагом в процессе его построения, а к промежуточному и окончательному результату.

Между поверхностной структурой и LF проходил еще один раунд передвижений, которых мы не касались в предыдущих главах. Так как они совершались уже после того, как поверхностная структура отправлялась на PF, чтобы получить там фонологическую интерпретацию, эти передвижения оказывались **скрытыми** (covert movements). Обыкновенные передвижения в противоположность им называются **открытыми** (overt movements).

Вопрос о скрытых передвижениях (где именно их следует постулировать, какие ограничения на них накладываются и т.д.) всегда был в генеративной грамматике предметом споров. В следующем разделе мы познакомимся с разными взглядами на эту проблему чуть подробнее. Пока заметим лишь, что сама идея скрытых передвижений не настолько экзотична, как может показаться на первый взгляд. То, что существуют *какие-то* операции, которые меняют смысл предложения, но никак не отражаются на его форме, бесспорно. Возьмем для примера английское предложение (6):

(6) Everybody loves somebody.
каждый любит кто-то
'Каждый любит кого-то' или 'Кого-то любит каждый'.

Попробуем разобраться, почему у этого предложения два разных значения. Некоторые слова (модальные глаголы, наречия и прилагательные, отрицание, кванторы) интерпретируются как функции от своего синтаксического контекста. Принято говорить, что они обладают **сферой действия** (scope). Из многочисленных примеров мы знаем, что сфера действия самых разных элементов определяется с-командованием. Например, *не* может отрицать только те составляющие, которыми оно с-командует. Убедимся в этом на таком примере:

(7) Катя купила не красное платье, потому что послушала Ваниных советов.

Отрицание может относиться к прилагательному (*не красное, а*

синее платье) или ко всему дополнению (*не красное платье, а шерстяные носки*). Однако для того, чтобы оно относилось к подлежащему, глаголу, причинному придаточному или ко всему предложению, его необходимо передвинуть (*не Катя купила...*, *Катя не купила...*, *не потому, что послушала...*).

Вернемся к примеру (6). Два значения этого предложения зависят от сферы действия слов *everybody* 'каждый' и *somebody* 'кто-то': либо у каждого человека есть кто-то свой, кого он любит, либо есть кто-то один, кого любит каждый. Так как в сферу действия элемента попадает то, чем он с-командует, напрашивается вывод, что в (6) могут произойти скрытые передвижения, а результате которых *somebody* оказывается над *everybody*. Лишнее подтверждение такой гипотезы — то, что подобные передвижения можно наблюдать в русском языке, как видно из переводов (6). То, что в одних языках они открытые, а других скрытые, можно задать при помощи параметра[4].

Теперь вернемся к уровням грамматики и посмотрим, что изменилось с приходом минимализма. Как мы отметили выше, без интерфейсных уровней грамматике не обойтись. Хотя в минимализме для них были введены новые термины — сенсомоторный и концептуально-интенциональный интерфейсы — старые названия, PF и LF, также до сих пор в ходу. А от глубинной и поверхностной структуры было решено избавиться. Не вникая в детали, заметим, что кроме избыточности этих уровней, против них накопился и ряд других аргументов (разбор некоторых из них можно найти в учебнике [Hornstein et al. 2005]).

Итак, с точки зрения минимализма, синтаксис, также называемый **вычислительной системой** (computational system, CS), постепенно строит предложение, соединяя слова, взятые либо извне, из лексикона, либо изнутри, из уже построенной части дерева (т.е. "скопированные"). Затем предложение отправляется на интерфейсы — этот момент в деривации называется **spell-out**, то есть озвучивание. Структура, ушедшая на фонологический интерфейс, линеаризуется и по определенным правилам превращается в инструкции для озвучивания или написания. Ра-

[4]На самом деле ситуация несколько сложнее, но нам здесь было важно только показать, что в скрытых передвижениях нет ничего из ряда вон выходящего.

бота над предложением (путем копирования элементов) может продолжаться и после произнесения, но ее результаты окажутся скрытыми. Когда все открытые и скрытые операции будут сделаны, смысл предложения окончательно определится на семантическом интерфейсе[5].

В заключение заметим, что на всех этапах в центре генеративной модели грамматики находился синтаксис. Конечно, многие генеративисты понимают синтаксис очень широко: как систему, где не только слова складываются в предложения, но и морфемы в слова (генеративные подходы к морфологии будут рассмотрены в главе 13). Однако даже при такой трактовке этого термина у многих возникает вопрос: а где же семантика, почему она задвинута на задний план? Рэй Джекендофф ярко резюмировал такого рода претензии в книге "Основы языка" [Jackendoff 2003]:

> Я подозреваю, что глубинной причиной сокрушительного неприятия генеративной грамматики является "синтактоцентризм" ее основных постулатов: утверждение о том, что синтаксический компонент является единственным источником порождающей мощи языка. Невольным следствием этого утверждения (...) стало (прошу прощения за термин) оскопление семантики, когда роль курьера, передающего содержащееся в языке сообщение, получается выше, чем роль самого сообщения. Альтернативные подходы, в отместку, пристрелили курьера.

Генеративная грамматика действительно интересуется лишь теми семантическими явлениями, которые зависят от синтаксической структуры. Однако это связано не с тем, что все прочее считается неинтересным. Просто у каждой теории есть свой круг проблем, на котором она специализируется, и заточенная под них методология. Что касается относительной важности сообщения и курьера, то в генеративных моделях курьер просто не знает, что у него в сообщении, а это не умаляет важности сообщения. Причем этот принцип никак нельзя назвать специфически

[5]Каковы возможные психолингвистические корреляты такой модели, вкратце объясняется в [Слюсарь 2009, стр.80-97].

генеративным. Генеративисты лишь развили одну из фундаментальных идей лингвистики XX века: отсутствие мотивированной связи между планом выражения и планом содержания, которое де Соссюр называл “случайностью знака”.

10.4. Признаки, согласование и ограничения на внутренние соединения

Очевидно, что грамматическая теория должна уметь не только создавать правильные предложения, но и отбраковывать неправильные. Однако делать это можно очень по-разному. Можно сперва, почти ничем себя не ограничивая, создать множество вариантов, а потом отсеять ненужные при помощи различных фильтров. А можно с самого начала ввести различные ограничения, чтобы свести количество “брака” к минимуму.

В том, что касается передвижений, теория управления и связывания шла скорее по первому пути. Существовал ряд ограничений, связанных с локальностью: запреты на “слишком длинные” передвижения без промежуточных посадочных площадок, запреты на выдвижение из некоторых конструкций. Мы говорили о них в главах 5 и 8. В остальном общее правило **Move** α, по сути, разрешало двигать практически все, что угодно. После этого установленные на разных уровнях фильтры, связанные с разными модулями теории, отсеивали неграмматичные варианты.

Минимализм в своем стремлении к экономии предпочел вторую стратегию. Во-первых, были пересмотрены и дополнены запреты, связанные с локальностью. Мы расскажем о них в разделе 10.5.. Пока отметим только, что основным новшеством стало разделение процесса деривации и получающегося в результате синтаксического дерева на **фазы** (phases), любые операции между которыми строго ограничены. Во-вторых, передвижения (превратившиеся во внутренние соединения при помощи копирования, но сохранившие в большинстве работ старое название) стали осуществляться только при наличии особых условий.

На разных этапах развития минимализма было разработано несколько моделей, по-разному задающих эти условия, но они всегда были связаны с однотипными грамматическими призна-

ками[6]. Сперва мы рассмотрим “классическую” версию из “Минималистской программы” Хомского [Chomsky 1993, 1995], затем ее более позднюю модификацию [Chomsky 2000] и наконец подход, предложенный Дэвидом Песецким и Эстер Торрего [Pesetsky and Torrego 2007], который кажется многим наиболее удачным. Там, где это можно сделать без искажения сути этих моделей, мы попытаемся максимально упростить наш рассказ.

10.4.1. Ранний минимализм

Хомский разделил грамматические признаки на **интерпретируемые** (interpretable) и **неинтерпретируемые** (uninterpretable). Это противопоставление играет ключевую роль на интерфейсах. Интерпретируемые признаки читаются внешними системами, фонологической и семантической, а неинтерпретируемые им непонятны, это внутриграмматическое явление.

Интерпретируемыми оказываются все те признаки, которые хотя бы у каких-то слов данной категории могут быть важны для семантики. Например, признаки лица, числа и рода у существительного, которые объединяются под общим названием (**ϕ-признаков** (ϕ-features), являются интерпретируемыми, хотя у некоторых существительных не совпадает грамматический и семантический признак числа (*ножницы, брюки*) или нет семантического признака рода (*вилка, нож*, в отличие от *сестра, брат*). При этом соответствующие признаки у глагола, вернее, у вершины T, неинтерпретируемые — по сути, они нужны только для “правильного” соединения с существительным-подлежащим. Кроме упомянутых выше признаков, хорошо знакомых нам по школьной грамматике, в генеративизме используются и многие другие. Скажем, считается, что на вопросительных группах и на вершине C в вопросительных предложениях есть вопросительный признак [Wh].

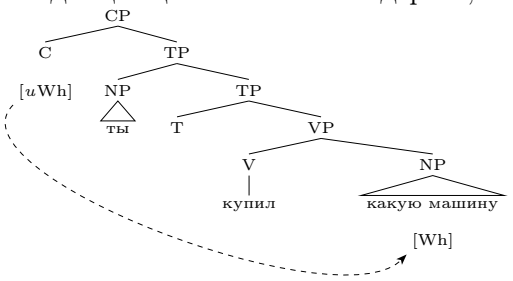
[6]В одной из своих последних статей Хомский нарушает эту традицию [Chomsky 2008], но формулирует свои предложения скорее как материал для последующего обсуждения, чем как законченную модель. Поэтому нам трудно представить их здесь в простой и краткой форме, и мы отсылаем заинтересованных читателей к книге Н.А. Слюсарь, где они рассмотрены достаточно подробно [Слюсарь 2009, стр. 215-220, 233-242].

Согласно **принципу полной интерпретации** (Principle of Full Interpretation), к концу деривации в предложении не должно остаться неинтерпретируемых признаков. Иначе она, пользуясь принятой в генеративной грамматике терминологией, **потерпит неудачу** (to crash). Если же принцип полной интерпретации не нарушен и деривация успешно завершена, принято говорить, что она **сошлась** (to converge).

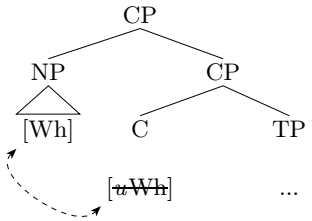
Но куда могут исчезнуть неинтерпретируемые признаки? Элемент с неинтерпретируемым признаком должен найти элемент с таким же интерпретируемым признаком в своей **сфере поиска** (search domain). В более поздних версиях минимализма первый элемент называется **зондом** (probe), а второй — **целью** (goal). Сфера поиска ограничена с-командованием. Когда цель найдена, зонд притягивает ее к себе, то есть **запускает** (to trigger) уже знакомые нам передвижения групп и вершин: цель-вершина копируется в позицию зонда-вершины, а цель-группа — в спецификатор зонда-вершины. Таким образом возникает конфигурация для **проверки признаков** (feature checking), в результате которой неинтерпретируемый признак удаляется.

Разберем пример с вопросительным признаком. Возьмем предложение *Какую машину ты купил?*. Группа *какую машину* с интерпретируемым признаком [Wh] изначально присоединяется в позиции комплемента V. Вершина C, вопросительный признак на которой является неинтепретируемым ([*u*Wh]), находит ее и провоцирует ее передвижение в свой спецификатор. В создавшейся конфигурации происходит проверка признаков, и неинтерпретируемый признак удаляется. В приведенном ниже дереве (8) для краткости опущена проекция *v*P:

(8) Зонд ищет цель в той части дерева, которой с-командует:



(9) Операция проверки признаков, удаление неинтерпретируемого признака:



Теперь мы можем вернуться к ограничениям на передвижения, введенным в минимализме. Все они связаны с представлением об оптимальном дизайне: о том, что грамматика совершенна, в ней царит строгая экономия и нет ничего лишнего. **Принцип крайнего случая** (Last Resort) гласит, что передвижения могут использоваться только в случае необходимости, если без них деривация потерпит крах. Поэтому они используются только для создания конфигураций для проверки признаков — ни в каких других случаях необходимости в них не возникает. **Принцип лени** (Procrastinate) призывает откладывать передвижения на последний момент. Неинтерпретируемые признаки делятся на **сильные** (strong), которые видны на обоих интерфейсах, и **слабые** (weak), которые видны только на LF, а на PF не видны. Соответственно, во втором случае создавать конфигурацию для проверки можно уже после озвучивания, при помощи скрытых передвижений. Например, если в русском и английском вопросительные признаки на C сильные, то в японском они слабые. В результате в русском и английском вопросительные группы произносятся в позиции спецификатора CP, то есть в начале предложения, а в японском — там, где были присоединены изначально: в позиции дополнений, обстоятельств и т.д.

Есть и другие принципы, также основанные на идее экономии. **Принцип жадности** (Greed) запрещает элементам “работать ради других”. Предположим, что не элемент с неинтерпретируемым признаком c-командует элементом с интерпретируемым, как в разобранных выше примерах, а наоборот. В этом случае провести проверку признаков не удастся. Элемент с неинтерпретируемым признаком будет искать, но только “под собой”, в той части структуры, которой он c-командует, и ничего не найдет. А элемент с интерпретируемым признаком мог бы найти, но

не будет искать, так как ему самому это не нужно, а “работать ради другого” он не будет. **Принцип кратчайшего передвижения** (Shortest Move) требует свести к минимуму не только количество передвижений, но и их длину. Таким образом, это одно из ограничений, связанных с локальностью.

10.4.2. Более поздние подходы

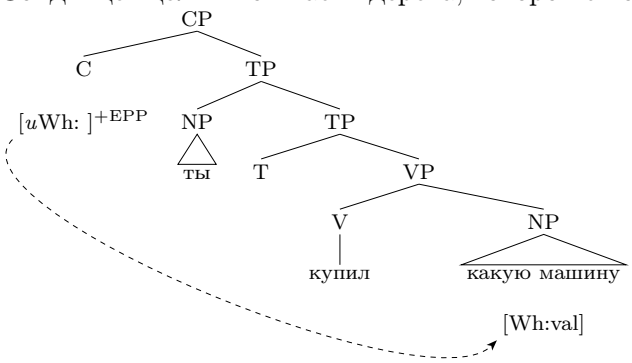
Перейдем от ранних минималистических работ Хомского к более поздним. В [Chomsky 2000] операция проверки признаков сменяется **согласованием** (agree), которое играет в системе сходную роль. Однако оно возможно и на расстоянии — для него не нужна локальная конфигурация. Передвижения происходят, если неинтерпретируемый признак на вершине-зонде обладает так называемым **свойством EPP** (от английского термина *Extended Projection Principle*, ‘расширенный принцип проекции’)[7]. Кроме того, Хомский вводит противопоставление **имеющих и не имеющих значение признаков** (valued / unvalued): первая группа совпадает с интерпретируемыми, вторая — с неинтерпретируемыми. Все остальное — принцип крайнего случая, жадности, лени и т.д. — остается неизменным.

Вернемся к примерам с вопросительным признаком и посмотрим, что в результате изменилось в системе. Во всех языках вопросительный признак на вопросительной группе интерпретируемый и имеет значение (оно берется из лексикона вместе с вопросительный словом), а на вершине C — неинтерпретируемый и не имеющий значения. В результате согласования по вопросительному признаку между вершиной C и вопросительной группой неинтерпретируемый признак на C получает значение и удаляется. В японском языке у этого признака на C нет свойства EPP, поэтому больше ничего не происходит. В русском или в английском вопросительный признак на C обладает этим свойством, поэтому за согласованием следует открытое передвижение. Таким образом, массовых скрытых передвижений в этой системе

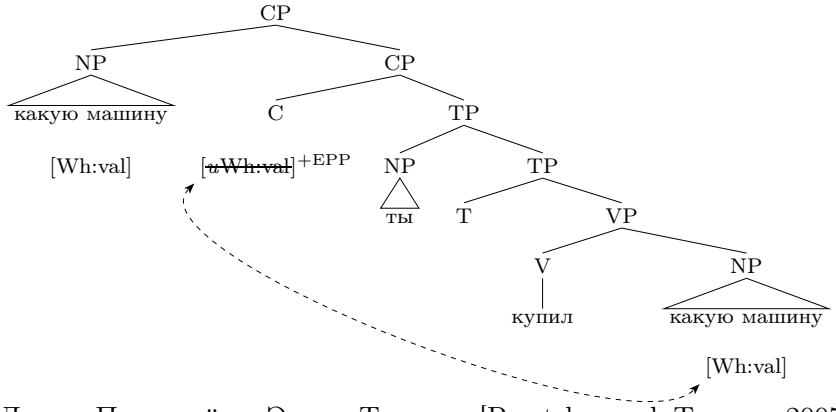
[7] Об истории этого термина и различных его употреблениях речь пойдет в главе 12.

нет[8].

(10) Зонд ищет цель в той части дерева, которой с-командует:



(11) В результате согласования неинтерпретируемый не имеющий значения признак на зонде получает значение и удаляется. Если он обладает свойством EPP, происходит передвижение (т.е. копирование) цели в позицию спецификатора зонда:

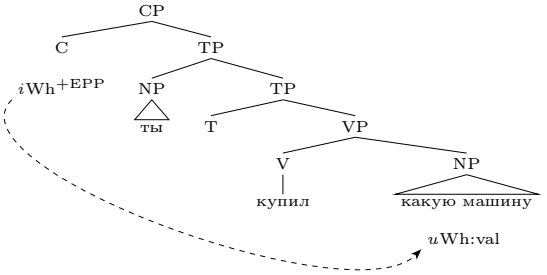


Дэвид Песецкий и Эстер Торрего [Pesetsky and Torrego 2007] модифицировали этот подход, предложив разделить интерпретируемость и наличие значения. В их теории вопросительный признак на вопросительной группе имеет значение, но неинтерпретируем (uWh *val* [ ]), а вопросительный признак на C ин-

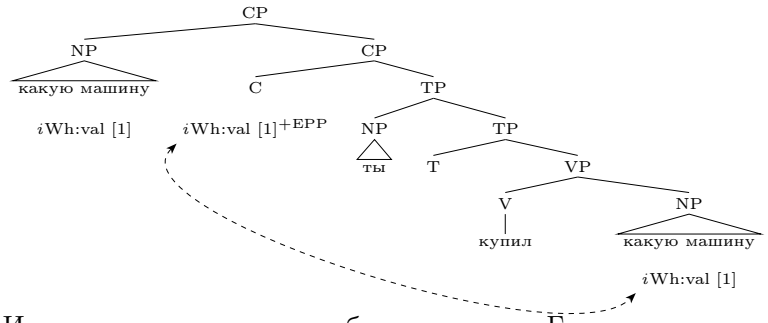
[8]Какие-то скрытые передвижения остаются: например, передвижение кванторов в примерах типа (6).

терпретируем, но не имеет значения (iWh [ ]). Любой элемент с неинтерпретируемыми или не имеющими значения признаками становится зондом и ищет в своей сфере поиска другие элементы с такими же признаками. В результате согласования признак становится **общим** (shared feature) — интерпретируемым и имеющим значение. Это обозначается одинаковыми цифрами в скобках: например, iWh *val* [1] на вершине C и на вопросительной группе. Этот общий признак обладает и значением, и интерпретацией. Чтобы чрезмерно не усложнять текст, на том, как в этой системе происходит удаление признаков, мы останавливаться не будем.

(12) Зонд ищет цель в той части дерева, которой с-командует:



(13) В результате согласования образуется общий признак, имеющий значение и интерпретацию. Если признак на зонде обладает свойством EPP, происходит передвижение (т.е. копирование) цели в позицию спецификатора зонда:



Интуитивно это можно объяснить так. Группа *какую машину* входит в деривацию на том уровне, где глагол-предикат соединя-

ется со своими аргументами. На этом этапе она несет роль пациенса, и ее вопросительный признак не имеет никакого смысла, а потому неинтерпретируем. Он может быть "понят" только на том уровне структуры, где решается, будет ли предложение вопросительным или утвердительным. Именно там находится вершина C, поэтому ее вопросительный признак изначально интерпретируем. С другой стороны, вопросительный признак на дополнении имеет значение: вопросительность — интегральная часть значения вопросительного слова *какой*, связанная с ним в лексиконе. Вопросительный признак на C значения не имеет.

В результате согласования группа *какую машину* устанавливает связь с C и может выполнить свою вторую функцию — вопросительной группы. Соответственно, ее вопросительный признак становится интерпретируемым. Вопросительный признак на C приобретает значение, и все предложение интерпретируется как вопрос о дополнении.

Таким образом, раздумывая над важной проблемой, какие в грамматике есть базовые операции и как они связаны друг с другом, мы постепенно подступаемся и к другим вопросам, ключевым для любой лингвистической теории. Что в языке универсально? Чем языки отличаются друг от друга? Почему в предложении происходят те или иные операции и зачем они нужны?

Пока мы рассмотрели только примеры с вопросительными признаками, а в главе 12 рассмотрим и некоторые другие. Хотя охватить все признаки и связанные с ними передвижения, описанные генеративистами в разных языках мира, нам, безусловно, не удастся, в этих главах будут так или иначе затронуты все передвижения, изученные нами в первой части книги.

10.5. Ограничения, связанные с локальностью: атавизм?

В предыдущем разделе мы говорили о том, что в классических минималистических теориях передвижения (или внутренние соединения) происходят только при наличии определенных начальных условий, так или иначе связанных с согласующимися признаками. С точки зрения минимализма в идеале передвижения больше не должны быть ограничены ничем. Такие ограничения

нарушают стройную логику системы, избавленной от всего лишнего. Однако нельзя забывать, что любая теоретическая система создается исключительно для того, чтобы более точно и четко отразить явления природы. Как мы видели в главах 5 и 8, природа естественных языков не дает полной свободы передвижения разным типам синтаксических составляющих. Существуют разного рода ограничения, связанные с локальностью. Что же делать? Оставить ограничивающие узлы (или барьеры) в качестве исключения?

Ограничивающие узлы действительно были сохранены в теории, но не в качестве исключения, а как одно из центральных понятий позднего минимализма. Только теперь они получили другое название и их свойства подверглись более тщательному и объемному изучению. Речь идет о **фазах** (phases) как этапах деривации синтаксической структуры. В их честь последняя версия генеративной грамматики называется теорией фаз.

Фазы отграничены узлами vP и CP [Chomsky 2001b]. Они облегчают синтаксическую деривацию, которая теперь происходит порционно. Фазы подобны формам для цемента. Мы используем доступные нам инструменты для придания нашему строительному блоку нужные очертания: внешнее соединение, проверку признаков, внутреннее соединение, согласование.

Но как только цемент схватился, блок готов, и ничего в нем уже нельзя изменить. Мы отправляем его в дело — на озвучивание. И так происходит с каждым блоком-фазой. Это строгое правило построения синтаксических структур получило название **условия непроницаемости фазы** (Phase Impenetrability Condition, PIC).

Единственное исключение из этого условия — **граница фазы** (phase edge), спецификатор фазовой вершины. Находящиеся там группы могут двигаться дальше. Поэтому, как и в более ранних версиях, спецификаторы группы комплементатора служат посадочными площадками при передвижении вопросительных слов или аргументов глагола.

В главе 5 мы доказывали существование промежуточных посадочных площадок с помощью плавающих кванторов. Такие факты косвенно выступают и доказательством существования копий, а не следов. Следы ведут себя, как местоимения, и было бы странно увидеть местоимение рядом с квантором. Копии

же — полноценные, но не озвученные проявления перемещенной составляющей.

В пользу существования копий и промежуточных посадочных площадок на границе фазы CP также свидетельствуют чередование комплементаторов в некоторых языках и **эффекты реконструкции** (reconstruction effects). Первое явление встречается, например, в кельтских языках (в ирландском и гэльском, на котором говорят в Шотландии). Когда в предложении нет передвижения вопросительной группы, как в (14-a) и (15-a), комплементатором выступает *gu* (*gur/ gun*). В контексте же вопросительного передвижения вершину C занимает комплементатор *a*[9].

(14) Ирландский язык (из [Boeckx 2008])

a. Creidim gu-r inis sè bràg.
верю что.ПРОШ сказать он ложь
'Я полагаю, он солгал'.

b. an ghirseach a ghoid na síogaí t
АРТ девочка КОМПЛ украли АРТ феи
'девочка, которую похитили феи'

(15) Шотландский гэльский (из [Adger 2003])

a. Bha mi ag ràdh gun do bhuail i e
ВСП я АСП говорил КОМПЛ ЧАСТ ударила она его
'я говорил, что она его ударила'.

b. Cò an duine a tha thu
кто АРТ человек КОМПЛ ВСП ты
a'pòsadh
АСП.выходить.замуж
'За какого мужчину ты выходишь замуж?'

Сами по себе эти факты еще ничего не говорят о промежуточных посадочных площадках: можно предположить, что первый комплементатор просто означает "что", а второй — "который". Однако рассмотрим следующие примеры. Если предложение состоит из нескольких клауз с длинным передвижением вопроси-

[9]Считается, что использование относительных местоимений (например, *который*) также сопряжено с вопросительным передвижением.

тельной группы, CP каждой клаузы будет содержать комплементатор *a*, а комплементатор *gu* окажется неграмматичным. Это явно свидетельствует о том, что вопросительная группа путешествует транзитом:

(16) Из [Adger 2003]

a. Cò an duine a bha thu ag ràdh
кто АРТ человек КОМПЛ ВСП ты АСП говорить
a bhuail i?
КОМПЛ ударила она
'Какого человека, ты говорил, она ударила'?

b. *Cò an duine a bha thu ag ràdh gun do bhuail i?

Теперь рассмотрим эффекты реконструкции, свидетельствующие в пользу того, что промежуточную посадочную площадку занимает именно копия, а не след. Они связаны с семантической интерпретацией предложения. Возьмем пример (17-a). В нем слово *himself* 'себя' может относиться и к Джону, и к Биллу, что показано с помощью индексов i и j[10]. При этом в утвердительном предложении, которое послужило основой для данного вопросительного, *himself* относится только к Биллу, что легко объяснить с помощью с-командования[11].

(17) a. [Which pictures of himself$_{i/j}$] does John$_i$
который изображения ПРЕДЛ себя ВСП Джон
think that Bill$_j$ bought?
думать что Билл купил
'Какие свои фотографии Джон думает, Билл купил?'
[Boeckx 2008]

b. John$_i$ thinks that Bill$_j$ bought pictures
Джон думает что Билл купил фотографии

[10]О возвратных и прочих местоимениях и их связях с существительными, к которым они относятся, будет рассказано в главе 14.

[11]В русском языке трудно продемонстрировать эффекты реконструкции с помощью возвратных местоимений в силу до конца не изученных причин. Но эти эффекты наблюдаются в других контекстах, например, в присутствии кванторов.

of himself$_{*i/j}$.
ПРЕДЛ себя
‘Джон думает, что Билл купил свои фотографии’.

За счет чего в (17-а) возникает дополнительная интерпретация? Дело в том, что в (17-а) копия вопросительной группы сохраняется во всех местах, через которые эта группа прошла по пути к спецификатору CP главной клаузы. Поэтому с-командование над ней осуществляется не только первоначальным управителем *Bill*, но и вновьприобретенным *John*:

(18) [Which pictures of himself$_{i/j}$] does John$_i$ think ~~[which pictures of himself]~~ that Bill$_j$ bought ~~[which pictures of himself]~~?

Условием непроницаемости фаз Клаус Абельс [Abels 2003] объясняет невозможность зависания комплементаторов. Комплементатор — вершина фазового узла CP. Чтобы убежать из области с-командования этой вершины, комлементу необходимо переместиться на границу фазы. А границей фазы для комплемента вершины C, которым является TP, выступает спецификатор той же самой вершины. Такое передвижение запрещено, а без него TP остается невидимой для зондов, находящихся выше CP.

(19) [Abels 2003]

a. Nobody thought that anything would happen.
никто думал что что-либо ВСП случиться
‘Никто не думал, что что-то случится’.

b. *[Anything would happen], nobody thought that _.
что-либо ВСП случиться никто думал что
‘*Что-то случится, никто не думал что’.

Поскольку перед нами теория в процессе создания, ведь теория фаз еще очень свежа, ее первоначальные установки подвергаются доработке и изменению. Одной из модификаций является все более популярная идея о межязыковой вариативности размера и характера фаз. Например, по мнению Абельса, не только vP и CP, но и предложные группы PP образуют фазы. Этим Абельс объясняет тот факт, что зависание предлогов в большинстве языков мира невозможно точно так же, как зависание ком-

плементаторов[12]. Однако, как мы уже знаем, в ряде германских языков это не так, а, значит, PP в них фазами не являются.

Фазой объявлена и группа детерминатора [Svenonius 2004a][13], но, является ли данное открытие верным для всех языков, — вопрос, на который еще предстоит ответить. Даже фазовый характер вершины C может соблюдаться не во всех языках. Рассмотрим несколько примеров из русского:

(20) a. ??Что ты думаешь, что Джон купил?
b. Что ты хочешь, чтобы Джон купил?
c. *Как ты думаешь, что Джон починил машину?
d. Как ты хочешь, чтобы Джон починил машину?

Откуда такая странная асимметрия между предложениями с комплементатором *что* и предложениями с комплементатором *чтобы*? Следуя идеям, выдвинутым в [Pesetsky and Torrego 2001] и [Chomsky 2005], О.Г. Хомицевич [Khomitsevich 2008] предлагает нам элегантное объяснение. Согласно ее теории, в русском языке вершина фазы CP отличается от таковой в английском. Не вдаваясь в подробности, скажем, что CP и TP образуют комплекс признаков, и фазой точнее называть сочетание CP-TP. В английском языке C — это вершина фазы с признаком wh, благодаря которому в спецификатор CP притягиваются вопросительные группы с соответствующим признаком. А, как мы уже писали, спецификатор CP — граница фазы. Следовательно, вопросительная группа сможет участвовать в строительных операциях за пределами своей фазы.

В русском языке, по мнению О.Г. Хомицевич, вершиной фазы служит T. Как и положено вершине фазы, она обладает признаком wh и притягивает вопросительные группы. Но границей-то фазы все равно остается спецификатор CP, а не спецификатор TP! Спецификатор TP застывает внутри фазы и становится невидимым для зондов в верхних фазах, поэтому ни *что*, ни *как* не могут вырваться наружу.

А почему это возможно в предложениях с комплементатором

[12]Приравнивая предлоги к комплементаторам Абельс следует за Джозефом Эмондсом [Emonds 1985]. Мы говорили об этом явлении в главе 8 (см. альтернативный анализ в [Hornstein and Weinberg 1981; Truswell 2008]).

[13]О группе детерминатора мы расскажем в главе 11.

чтобы? Потому что *бы* занимает вершину T, которая в данном случае соединяется с комплементатором в вершине C, и, следовательно, притягивает вопросительную группу в спецификатор CP, границу фазы, видимую, как и в английском языке, верхним зондам в синтаксической структуре.

Заметим, что это лишь одно из возможных объяснений данной загадки русского синтаксиса. И, обратите внимание, оно никаким образом не связано с понятием острова. Ключевыми моментами данного анализа являются определение фазы, нахождение границы фазы и аргументация в пользу межъязыковой вариативности размера и характера фаз.

Однако свойствами фаз можно объяснить далеко не все ограничения на передвижения, связанные с локальностью. Вспомним, что в русском языке в вопросительных предложениях эффект крысолова не обязателен, то есть вопросительное слово может не перетягивать за собой всю группу:

(21) a. Сколько фильмов ему понравилось?
b. Сколько ему понравилось фильмов?

А теперь посмотрим на предложения, в которых между вопросительным словом и зависящим от него существительным вклинивается препятствие в виде наречия (22-b) и (22-c):

(22) a. Сколько фильмов ему мало понравилось?
b. *Сколько ему мало понравилось фильмов?
c. ?Сколько он внимательно посмотрел фильмов?

Чем объясняется разница между (22-b) и (22-c)? Приблизительно тем же, чем и отличия между предложениями с отрицательным островом в (23-a) и (23-b):

(23) a. ?Сколько проблем ты не знаешь, как решить?
b. *Сколько денег ты не знаешь, как заработать?

За разъяснениями обратимся к статье [Rizzi 2004a]. Признаки, ставшие движущей силой всех синтаксических операций в минималистской программе, приобрели новое звучание и для анализа цепей, образованных в результате передвижения составляющих. В связи с этим Рицци пришлось модифицировать предложенный

им ранее принцип относительной минимальности (мы говорили о нем в разделе 8.3).

Вспомним, что раньше выделялись два типа спецификаторов, в которые попадали перемещающиеся элементы: аргументный (A) и неаргументный (A'). Однако, как видно по асимметричному поведению предложений с наречиями в (22-b) и (22-c) и примеров с отрицанием в (23-a) и (23-b), этого деления недостаточно, ведь в обеих парах предложений перед нами A'-цепи, содержащие похожие преграды (наречие в (22) и отрицательную частицу *не* в (23)). Поэтому в новой версии теории Рицци делит спецификаторы на четыре типа в зависимости от тех признаков, которые они несут:

- аргументные с признаками падежа, рода, числа, лица (традиционно, A-спецификаторы)
- квантификационные с признаками вопросительности, отрицания, меры, фокуса...
- спецификаторы-модификаторы с признаками оценки, модальности, отрицания, частотности, меры, образа действия...
- спецификаторы-топики с признаками топика, или темы[14]

Мы не будем подробно останавливаться на каждом из перечисленных типов, а обратим внимание на квантификационные спецификаторы и спецификаторы-модификаторы, поскольку они нам понадобятся для разгадки таинственного поведения предложений в (22) и (23).

Как видно из списка, вопросительные слова занимают спецификаторы, отмеченные квантификационным признаком. Следовательно, ни одна из преград с таким же признаком не сможет вклиниваться в цепь, образованную вопросительным передвижением. Наречие *мало* несет признак меры, значит, должно

[14]Понятия топика и фокуса, темы и ремы относятся к актуальному членению предложения, которому посвящена глава 16. В частности, там мы рассмотрим вопрос о том, насколько правомерно говорить о связанных с ними признаках.

занимать квантификационный спецификатор, а наречие *внимательно* несет признак образа действия, а следовательно, занимает позицию спецификатора-модификатора[15]. Отрицание — также квантификационная черта, поэтому отрицательные частицы не могут вклиниваться в квантификационные цепи, не нарушая грамматичности высказывания, как в примере (23-b). Однако в предложении (23-a) вопрос относится к существительному с признаками топика (говорящему и слушателю известно, о каких проблемах идет речь). Признак топика и признаки, свойственные отрицанию, относятся к разным типам, и потому (23-a) звучит заметно лучше, чем (23-b).

В заключение заметим, что вопрос о том, какие существуют грамматические признаки (например, правомерно ли вводить признаки топика и фокуса, или темы и ремы), остается открытым. Поэтому, а также по ряду других причин, эту теорию поддерживают не все генеративисты. Впрочем, это можно сказать про многие идеи, представленные в этом разделе, так как речь идет о совсем недавних разработках в бурно развивающейся области генеративной грамматики.

Итак, в этом разделе мы рассмотрели некоторые новшества в теории ограничений на передвижения, локальности и островов. Можно сказать, что минималистская программа, в особенности представление о фазах, дала второе дыхание данному направлению генеративной грамматики. И это заметно по количеству современных исследований в этой области.

10.6. Субкатегориальные признаки и ограничения на внешние соединения

В предыдущем разделе мы говорили об ограничениях, наложенных в минимализме на передвижения, или внутренние соединения. Нельзя просто так взять какой-нибудь элемент и присоединить куда-то его копию. Нужны особые условия: наличие определенного рода признаков, которые потребуют такой операции,

[15]Подробно о наречиях и позициях, которые они занимают в синтаксической структуре, речь пойдет в главе 11.

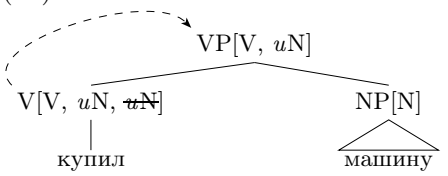
сделают ее неизбежной. Многие лингвисты считают, что это верно и для внешних соединений.

Что движет процессом построения синтаксического дерева? В теории управления и связывания, которая была преимущественно репрезентационной, то есть изучала уже готовые структуры, над этой проблемой особенно не задумывались. Перейдя к деривационной модели, анализирующей, как предложения постепенно складываются из отдельных слов, генеративисты задались вопросом, что, собственно, заставляет эти слова складываться.

Для примера возьмем уже упоминавшиеся выше слова *купил* и *машину*. Что заставляет их соединиться? Интуитивно, информация о том, что у этого глагола есть два аргумента, должна храниться в лексиконе. Как превратить ее в инструкции для синтаксиса? Можно маркировать этот глагол признаками, требующими присоединения именных групп. Такие признаки называют **субкатегориальными** (subcategorizational) или **селекционными** (selectional). Эти названия связаны с тем, что эти признаки задают внутреннюю структуру групп и определяют, какое слово что "выбирает".

Таким образом, у глагола *купить* есть один категориальный признак и два субкатегориальных: [V, *u*N, *u*N]. Субкатегориальные признаки неинтерпретируемы — они нужны только в синтаксисе. Категориальные признаки интерпретируемы, так как они важны и для семантики. Проверка субкатегориальных признаков происходит между сестрами. Когда глагол *купил* соединяется с именной группой *машину*, неинтерпретируемый признак глагола [*u*N] уничтожается, поскольку узел, оказавшийся его сестрой, обладает аналогичным интерпретируемым признаком [N].

(24)

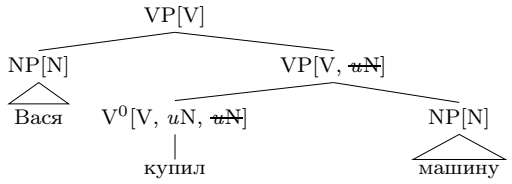


Оставшиеся в вершине V признаки "перетекли" на более высокий уровень, поэтому у образовавшегося в результате соедине-

ния *купил* и *машину* узла VP[16] есть признаки [V] и [*u*N]. Мы обозначили это “перетекание” пунктирной стрелкой, но обычно стрелка не изображается. Сами признаки тоже не изображаются, если речь не идет о каком-то отдельном признаке, интересующем нас в данный момент. Поскольку нас сейчас интересуют категориальные и субкатегориальные признаки, мы показали их на нашей схеме. А неважные для нас в данный момент признаки рода, числа и падежа у именной группы *машину* мы изображать не стали.

Чтобы произошла проверка оставшегося признака [*u*N], необходимо, чтобы глагольная группа соединилась еще с одной именной группой. Например, с группой *Вася*, у которой есть признак [N]. Мы опустили уровень *v* малого, чтобы не загромождать схему.

(25)



Получившаяся в результате схема выглядит перегруженной, но описывает простые и естественные вещи. Глаголу требуются два аргумента, две именные группы. Это отражено в двух признаках [*u*N], требующих присоединения групп с признаком [N]. Затем глагольную группу “выбирает” T, а T, в свою очередь, — C.

[16]Напомним, что, согласно теории простой структуры групп, этот узел надо обозначать по главному слову — просто V, и обозначением VP мы теперь пользуемся только ради удобства, чтобы отличать группы от вершин.

Глава 11

Новый взгляд на функциональные проекции

Деревья, которые мы рисовали в первой части этой книги, содержали несколько функциональных групп: CP, TP и *v*P, а также группу отрицания NegP и группу квантора QP. Однако, проанализировав более пристально данные разных языков, генеративисты пришли к выводу, что таких групп может быть намного больше. В этой главе мы расскажем о цепочке функциональных вершин вокруг TP и о новом взгляде на именные группы, а в следующих главах будут затронуты и другие части синтаксической структуры.

Но вначале сделаем маленькое терминологическое отступление. В современной генеративной грамматике группы часто называют **проекциями** (projections). Английское слово *projection* употребляется здесь в значении ‘распространение’. Например, именная группа считается проекцией (распространением) именной вершины. Поэтому далее, прочитав о функциональных или каких-то других проекциях, помните, что речь идет об уже привычных нам группах.

11.1. Цепочка проекций вокруг TP

11.1.1. Иерархия функциональных проекций, предложенная Гильельмо Чинкве

Давайте задумаемся о вспомогательных глаголах. В русском языке их мало, а в английском возможны предложения вроде (1):

(1) He may have been
он может ВСП-ПЕРФ ВСП-ДЛИТ
speeding before the car crash.
превышать.скорость.ПРИЧ перед АРТ машина авария
"Возможно, перед автомобильной аварией он превышал скорость".

Где все эти глаголы располагаются в синтаксическом дереве? Раньше мы помещали вспомогательный глагол в вершину T, но примеры вроде (1) показывают, что ее явно недостаточно. Глядя на (1), мы можем ввести в дерево проекцию ModP, которая будет отвечать за модальность, PerfP для перфективности и ProgP для прогрессива, или длительности. Вершина T останется для показателей времени. Однако предложение (2) говорит о том, что одной проекции для модальности будет мало.

(2) He must be able to come.
он должен быть мочь ИНФ придти
"Он должен смочь придти".

Кроме того, существуют языки, где вспомогательных глаголов больше, чем в английском. Сколько же проекций для них потребуется? Этим вопросом задаются многие генеративисты. В этой главе мы расскажем о подходе, предложенном Гильельмо Чинкве в книге "Наречия и функциональные вершины" [Cinque 1999], а затем вкратце представим его критику. Мы выбрали работу Чинкве потому, что даже ее противники — а их немало — считают ее важнейшей вехой в исследовании этой темы и часто строят свою аргументацию "от противного".

Изучив вспомогательные глаголы, а также связанные с модальностью, временем и видом наречия и глагольные суффиксы

в ряде типологически разнообразных языков, Чинкве составил предварительный список из тридцати видовых, временных и модальных вершин. И главное, он попытался доказать, что наречия, аффиксы и вспомогательные глаголы всегда появляются в предложении в определенном порядке, неизменном от языка к языку (в части случаев он оказывается зеркальным). Для описания этого порядка Чинкве предложил ввести универсальную иерархию функциональных проекций. Надо ли говорить, что это стало отличной новостью для всех лингвистов, стремящихся приподнять завесу над универсальной грамматикой.

Иерархия, предложенная Чинкве, представлена в (3). После каждого названия вершины (например, $Mood_{speech-act}$) дано одно из связанных с этой проекцией английских наречий. Перевод наречий на русский язык, взятый из [Слюсарь 2009], приводится в (4), после чего даются пояснения. В своей книге Чинкве подчеркивает, что (3) — это неокончательный вариант и для его уточнения и расширения требуются серьезные дополнительные исследования. Некоторые вершины, в существовании или месте которых Чинкве не был уверен, в этот вариант не вошли. Тем не менее, (3) отражает ключевые закономерности, верные для многих языков.

(3)

$\mathrm{Mood}_{\mathrm{speech-act}}$ *frankly* > $\mathrm{Mood}_{\mathrm{evaluative}}$ *fortunately* > $\mathrm{Mood}_{\mathrm{evidential}}$ *allegedly* > $\mathrm{Mod}_{\mathrm{epistemic}}$ *probably* > $\mathrm{T}_{\mathrm{past}}$ *once* > $\mathrm{T}_{\mathrm{future}}$ *then* > $\mathrm{Mod}_{\mathrm{irrealis}}$ *perhaps* > $\mathrm{Mod}_{\mathrm{necessity}}$ *necessarily* > $\mathrm{Mod}_{\mathrm{possibility}}$ *possibly* > $\mathrm{Asp}_{\mathrm{habitual}}$ *usually* > $\mathrm{Asp}_{\mathrm{repetitive}}$ *again* > $\mathrm{Asp}_{\mathrm{freq(I)}}$ *often* > $\mathrm{Mod}_{\mathrm{volitional}}$ *intentionally* > $\mathrm{Asp}_{\mathrm{celerative(I)}}$ *quickly* > $\mathrm{T}_{\mathrm{anterior}}$ *already* > $\mathrm{Asp}_{\mathrm{terminaitive}}$ *no longer* > $\mathrm{Asp}_{\mathrm{continuative}}$ *still* > $\mathrm{Asp}_{\mathrm{perfect(?)}}$ *always* > $\mathrm{Asp}_{\mathrm{retrospective}}$ *just/ recently/ lately* > $\mathrm{Asp}_{\mathrm{proximative}}$ *soon/ immediately* > $\mathrm{Asp}_{\mathrm{durative}}$ *briefly/ long/ for an hour* > $\mathrm{Asp}_{\mathrm{generic/progressive(?)}}$ *(characteristically/ inherently/ typically)* > $\mathrm{Asp}_{\mathrm{prospective}}$ *almost/ imminently* > $\mathrm{Asp}_{\mathrm{sg.completive(I)}}$ *completely* > $\mathrm{Asp}_{\mathrm{pl.completive}}$ *tutto* > Voice *well* > $\mathrm{Asp}_{\mathrm{celerative(II)}}$ *fast/ early* > $\mathrm{Asp}_{\mathrm{repetetive(II)}}$ *again* > $\mathrm{Asp}_{\mathrm{freq(II)}}$ *often* > $\mathrm{Asp}_{\mathrm{sg.completive(II)}}$ *completely*

(4)

frankly ‘честно говоря’
fortunately ‘к счастью’
allegedly ‘якобы’
probably ‘вероятно’
once ‘как-то раз’
then ‘затем’
perhaps ‘может быть’
necessarily ‘обязательно’
possibly ‘возможно’
usually ‘обычно’
again ‘снова, опять’
often ‘часто’
intentionally ‘намеренно’
quickly ‘быстро’
already ‘уже’
no longer ‘больше не’
still ‘(все) еще’
always ‘всегда’
just ‘только что’
recently ‘недавно’
lately ‘в последнее время’
soon ‘скоро’
immediately ‘немедленно’
briefly ‘коротко’
long ‘долго’
for an hour ‘(целый) час’
characteristically ‘для X было характерно’
inherently ‘X было свойственно’
typically ‘для X было типично’
almost ‘почти’
imminently ‘вот-вот’
completely ‘полностью’
tutto
well ‘хорошо’
fast ‘быстро’
early ‘рано’

За что именно отвечает каждая проекция, мы расскажем в следующем разделе, а пока обсудим общие вопросы — попробуем разобраться, что эта иерархия означает для структуры синтаксических деревьев. Для вспомогательных глаголов и аффиксов в ней предназначены вершины функциональных проекций. В связи с этим возникает такой вопрос. Каждой введенной Чинкве вершине соответствует отдельный аффикс или вспомогательный глагол хотя бы в одном языке. Однако нетрудно догадаться, что нигде нет показателей, соответствующих всем вершинам иерархии — в каждом языке большая часть вершин ничем не представлена. Что нам следует с ними делать?

Разные генеративисты отвечают на этот вопрос по-разному. С точки зрения Чинкве, представленная в (3) цепочка функциональных проекций присутствует в каждом предложении любого языка, а вспомогательные глаголы и аффиксы почти всегда отвечают за несколько вершин. Как именно это происходит, мы расскажем подробнее в главе 13. Там же мы вкратце обсудим, как

аффиксы “приклеиваются” к глаголам. Многие другие лингвисты считают, что для каждого языка имеет смысл вводить только те вершины, для которых в нем есть вспомогательные глаголы или аффиксы. Интуитивно такая точка зрения может показаться более здравой, однако, как мы увидим ниже, у Чинкве есть несколько важных аргументов. В любом случае, на практике в синтаксических деревьях принято изображать только те проекции, которые необходимы для анализа конкретных примеров.

Каждая вершина в иерархии может иметь два значения: нейтральное и маркированное. Нейтральное в большинстве случаев соответствует отсутствию информации. Например, маркированное значение $\mathrm{Asp}_{\mathrm{durative}}$, дуратива, указывает на то, что действие продолжается некоторое время. Нейтральное значение этой вершины подразумевает, что в предложении не содержится никакой информации по этому поводу.

Перейдем к наречиям. Если считать их адъюнктами *v*P и TP, остается непонятным, почему они появляются в предложении в строго определенном порядке. Чтобы объяснить это, Чинкве предположил, что они занимают спецификаторы перечисленных в (3) функциональных проекций.

Что из этого следует? Возьмем проекцию $\mathrm{Mood}_{\mathrm{evaluative}}$P, которая связана с тем, как говорящий оценивает описываемое событие (например, как удачное/неудачное). В некоторых языках — скажем, в зулусском — имеются соответствующие суффиксы, но в русском и английском их нет. В русском, как показывает (4), нет и связанных с этой проекцией наречий, а в английском они есть: кроме приведенного выше *fortunately* ‘к счастью’, это *unfortunately* ‘к несчастью’, *luckily* ‘удачным образом’ и т.д. Чинкве предсказывает, что в предложении может появиться только одно из этих наречий, ведь все они претендуют на один и тот же спецификатор. Кроме того, если оно появится вместе с наречиями из других групп, оно будет идти после *frankly* ‘честно говоря’ и подобных ему наречий и перед всеми остальными.

Заметим, что, хотя в английском и русском нет вспомогательных глаголов или суффиксов, соответствующих $\mathrm{Mood}_{\mathrm{evaluative}}$ и многим другим вершинам из (3), в них имеются группы наречий, связанные почти с каждой проекцией. И эти наречия подчиняются представленной в (3) иерархии (с определенными оговорками, которые мы рассмотрим ниже). Это один из важных аргументов

в пользу того, что она присутствует в любом языке, независимо от наличия суффиксов и вспомогательных глаголов. Кроме того, Чинкве считает эту иерархию врожденной. Это снимает вопрос о том, как человек ее усваивает, ведь предложения с несколькими наречиями попадаются нам довольно редко.

Важно подчеркнуть, что не все наречия входят в иерархию. Чинкве разделил их на "собственно наречия" (AdvPs proper), представленные в (3) и (4), и "адвербальные выражения обстоятельств действия" (circumstantial adverbials). Это наречия, обозначающие место, вроде *там, далеко* и др., а также некоторые наречия, связанные со временем, например, *вчера, завтра*. Чинкве объединил их с выражениями типа *прошлой ночью/ в пятницу/ в парке*. Такие группы обычно располагаются либо в начале предложения — в этом случае их принято называть *scene-setting expressions*, 'задающими сцену выражениями' — либо в конце, если они являются ремами, то есть именно в них содержится сообщаемая в предложении новая информация. Чинкве ограничивается ссылками на несколько работ, посвященных их синтаксическому анализу, а мы для простоты можем считать их адъюнктами.

Наречия, которые входят в иерархию, могут сдвинуться со своего места и оказаться перед теми наречиями, за которыми они обычно следуют, или наоборот. Однако это происходит только при наличии независимых причин. Например, если наречие входит в вопросительную группу, оно может переехать в спецификатор CP. В результате в (5-a) наречие *медленно* оказывается перед *обычно*. Как показывают (5-b)–(5-c), в простом утвердительном предложении эти два наречия не могут появиться в таком порядке.

(5) a. Насколько медленно ты обычно пишешь?
b. Петя Иванов обычно медленно пишет контрольные работы.
c. *Петя Иванов медленно обычно пишет контрольные работы.

Также возможны передвижения, связанные с актуальным членением — с тем, какая информация в предложении является данной, новой и т.д. Мы расскажем о них более подробно в главе 16.

Если наречие является ремой, то есть новой и наиболее важной частью высказывания, оно может оказаться в начале предложения (иногда после темы) или в самом его конце. Отличить такие случаи можно и по семантике, и по интонационным особенностям: на рему всегда падает основное ударение предложения.

(6) a. Он медленно ест суп нарочно.
b. Петя Иванов нарочно медленно ест суп.
c. *Петя Иванов медленно нарочно ест суп.

(7) a. Хорошо же ты обычно ее моешь, если я перемыл, и вода такая грязная!
b. Петя Иванов обычно хорошо моет руки.
c. *Петя Иванов хорошо обычно моет руки.

В некоторых языках вспомогательные глаголы и наречия не идут вперемешку, как в английском (8-a), а группируются вместе, как в норвежском (8-b) [Nilsen 2003]. Это называется образованием кластеров (clustering). Согласно Чинкве, в (8-a) мы видим элементы в том порядке, в котором они входят в деривацию: сперва занимающее спецификатор функциональной проекции наречие, затем находящийся в ее вершине вспомогательный глагол, и т.д. Вопрос о том, как именно получаются кластеры, активно обсуждается в современном генеративном синтаксисе (см., например, [Koopman and Szabolcsi 2000; Nilsen 2003]). Так как их появление обычно объясняют целым рядом сложнейших синтаксических передвижений, мы не будем вдаваться в детали и заметим только, что внутри кластеров наблюдается все тот же неизменный порядок.

(8) a. . . . that it could not anylonger have
что это ВСП-МОЧЬ не больше ВСП-ИМЕТЬ
always been completely
всегда ВСП-БЫТЬ полностью
fixed
привести.в.порядок.ПРИЧ
“. . . что это не могло больше всегда быть полностью приведено в порядок”.

b. ... at det ikke lenger alltid helt
что это не больше всегда полностью
kunne ha blitt
ВСП-МОЧЬ ВСП-ИМЕТЬ ВСП-СТАТЬ
ordnet.
привести.в.порядок.ПРИЧ

В разделе 5.4 мы говорили о том, как можно использовать наречия, чтобы определить, что во французском основной глагол в утвердительных предложениях передвигается в T, а в английском нет. Мы исходили из того, что наречия в обоих языках присоединяются к vP. Теперь у нас есть куда более детальные сведения о порядке следования наречий, и мы знаем, что он не меняется от языка к языку. Это делает их отличными точками отсчета для того, чтобы анализировать те слова, которые в разных языках занимают разные позиции. Многочисленные примеры будут разобраны в следующей главе, где мы будем говорить о расположении подлежащих и финитных форм глагола.

В заключение следует отметить, что основа иерархии в (3) была обнаружена до Чинкве (см., например, [Foley and van Valin 1984; Bybee 1985]). Однако в этих работах речь идет о последовательности "вид – время – наклонение". Чинкве вывел намного более детальную иерархию, включил в рассмотрение наречия, объяснил, когда возможны прямые и зеркальные порядки, и сделал много других интересных наблюдений.

11.1.2. Более подробное описание функциональных вершин

Рассмотрим подробнее вершины, включенные Гильельмо Чинкве в иерархию функциональных проекций. Напомним, что каждая из них представлена отдельным аффиксом или вспомогательным глаголом хотя бы в одном языке мира.

Вершина $Mood_{speech.act}$ отражает то, как говорящий относится к речевому акту в целом (например, честно ли говорит). Вершина $Mood_{evaluative}$ — как говорящий оценивает описываемое (например, как удачное/неудачное). Вершина $Mood_{evidential}$ содержит информацию о том, видел ли говорящий описываемое собы-

тие сам или говорит с чужих слов. В русском языке классическое наречие, связанное с этой проекцией, — *якобы*.

Вершины *Mod* связаны с различными типами модальности. $Mod_{epistemic}$ — эпистемическая модальность, ориентированная на говорящего: например, является ли событие с его субъективной точки зрения вероятным или нет. $Mod_{irrealis}$, $Mod_{necessity}$, $Mod_{possibility}$ — алетические модальности, отражающие объективную истинность или ложность сообщаемого. $Mod_{necessity}$ показывает, что описываемое событие точно состоялось или состоится, с этой вершиной связаны такие наречия, как *обязательно, непременно*. $Mod_{possibility}$ — принципиальная возможность (событие могло произойти, а могло и не произойти), $Mod_{irrealis}$ — принципиальная невозможность (событие не имело места: *Если бы мы вовремя вышли, мы бы не опоздали*).

Наконец, существуют корневые модальности, ориентированные на субъекта предложения: желание, долженствование, способность, дозволенность. Чинкве, сомневаясь в их позиции относительно других вершин, включил в иерархию только одну из них, связанную с желанием: $Mod_{volitional}$, волитив. Попробуем разобраться, чем они отличаются от от эпистемической и алетических модальностей на примере глагола *мочь*, который используется в русском для выражения разных модальностей. Предложение *Петя может прийти* имеет два значения: “может быть, Петя придет” и “Петя способен прийти (а, например, Вася не способен, так как у него сломана нога)”. Во втором случае мы имеем дело с корневой модальностью.

Чинкве не уверен в том, что наречие *perhaps* ‘возможно (с оттенком сомнения)’ должно быть связано с $Mod_{irrealis}$. Вероятно, в иерархию следует ввести дубитатив — вершину, выражающую сомнение. Соответствующие аффиксы есть, например, в языке оджибве. Тогда *perhaps* будет находиться в спецификаторе этой вершины. А к $Mod_{irrealis}$ можно отнести наречия вроде *unlikely* и *hardly* (‘вряд ли’, ‘едва ли’). Еще одно сомнительное решение связано с *well* (‘хорошо’). Это наречие показывает то место в иерархии, где находятся т.н. “легкие” наречия образа действия. За неимением лучшего Чинкве помещает *well* в спецификатор залоговой вершины *Voice*, однако, вероятнее всего, этот шаг придется пересмотреть.

Описывая временные вершины *T*, Чинкве опирается на си-

стему философа Ганса Райхенбаха [Reichenbach 1947] в модификации, разработанной Стеном Викнером [Vikner 1985]. Мы рассмотрим ее здесь подробно, так как она пригодится нам и позже, в главе 15. Райхенбах предложил рассматривать грамматическое время как взаимодействие трех точек на временной оси: времени события, о котором идет речь в предложении (Event Time, E), момента речи, то есть того момента, когда данное предложение произносится (Speech Time, S), и точки отсчета (Reference Time, R). Эти точки могут совпадать или предшествовать друг другу.

Посмотрим на простом примере, как работает эта система. Например, ситуацию (9-a) можно представить как (9-b):

(9) a. Yesterday Peter came late.
вчера Питер пришел поздно
b. E, R _ S

В (9-b) запятая обозначает совпадение двух точек, а нижняя черта — предшествование. Момент речи — это всегда настоящий момент, поэтому прошедшее событие будет ему предшествовать. Откуда мы знаем, что ему предшествует и точка отсчета? Мы видим это по наречию *yesterday* ‘вчера’.

Викнер предложил ввести в эту систему еще одну точку отсчета — ниже мы покажем, зачем она нужна. Получившаяся система представлена ниже на английских примерах (удачным образом, английский может похвастать большим разнообразием видо-временных форм). Мы постарались сделать примеры естественными, поэтому они не единообразны.

- R1, S; R1, R2; E, R2 — настоящее время:

  (10) John writes poems this month.
  Джон пишет стихи этот месяц
  ‘В этом месяце Джон пишет стихи’.

- R1_S; R1, R2; E, R2 — прошедшее время:

  (11) John wrote poems yesterday.
  Джон писал стихи вчера
  ‘Вчера Джон писал стихи’.

- R1, S; R1, R2; E_R2 — предшествующее время[1]:

(12) John has written three poems by
Джон ВСП писать.ПРИЧ три стихи ПРЕДЛ
now
сейчас
‘К настоящему моменту Джон написал три стихотворения’.

- R1, S; R1_R2; E, R2 — будущее время:

(13) John will write poems tomorrow
Джон ВСП писать стихи завтра
‘Завтра Джон будет писать стихи’.

- R1_S; R1, R2; E_R2 — время, предшествующее прошедшему, или предпрошедшее:

(14) John had written three poems by the
Джон ВСП писать.ПРИЧ три стихи ПРЕДЛ АРТ
time Mary came
время Мэри пришла
‘К тому моменту, как пришла Мэри, Джон написал три стихотворения’.

- R1, S; R1_R2; E_R2 — время, предшествующее будущему:

(15) John will have written three poems by
Джон ВСП ВСП писать.ПРИЧ три стихи ПРЕДЛ

[1]Разница между прошедшим и предшествующим временем заключается в точке отсчета: в первом случае она находится в прошлом, а во втором — в настоящем, в то время как событие в обоих случаях происходит в прошлом. Чтобы подчеркнуть это, мы вставили в примеры обстоятельства времени, однако соответствующая информация заложена и в самих временных формах. В русском языке нет особой формы для предшествующего времени, но, как можно убедиться, изучая приведенные в тексте примеры, соответствующие смысловые нюансы нам вполне доступны.

the time Mary comes
АРТ время Мэри приходит
'К тому моменту, как придет Мэри, Джон напишет три стихотворения'.

- R1_S; R1_R2; E, R2 — будущее время в прошлом[2]:

(16) John promised that he would write poems
Джон обещал что он ВСП писать стихи
'Джон обещал, что будет писать стихи'.

- R1_S; R1_R2; E_R2 — время, предшествующее будущему в прошлом:

(17) John promised in December that he would have
Джон обещал в декабрь что он ВСП ВСП
written three poems by the first
писать.ПРИЧ три стихи ПРЕДЛ АРТ первый
day of the term.
день ПРЕДЛ АРТ семестр
'В декабре Джон обещал, что напишет три стихотворения к первому дню семестра'.

Заметим, что только в последнем случае обе точки отсчета, R1 и R2, не совпадают ни друг с другом, ни с точками S и E. Разберем поподробнее пример (17). Декабрь соответствует точке R1, она находится в прошлом. Начало семестра — это точка R2, она следует за R1, однако при этом непонятно, как она соотносится с моментом речи S, то есть находится ли она в прошлом или в будущем. То же самое можно сказать и про точку E, которая соответствует тому моменту, когда Джон напишет стихи: мы знаем,

[2]В русском нет особой формы и для такого времени. Интересно заметить, что без дополнительных указаний, исходя только из значения этого времени, неизвестно, как маркированное им событие соотносится с настоящим временем, с моментом речи. Может быть, тот момент, когда Джон выполнил обещание, уже прошел, а может быть, еще не наступил.

что она находится до R2, но о том, относится ли она к прошлому или к будущему, ничего не сказано.

У читателей, знакомых с английской системой глагольных форм, может возникнуть вопрос, почему в списке нет форм Present Continuous, Past Continuous, то есть настоящего продолженного, прошедшего продолженного и т.д. Где примеры вроде *John is writing poems* 'Джон находится в процессе написания стихов'? Дело в том, что различия между простым настоящим, Present Indefinite, и настоящим продолженным, Present Continuous, не временные, а видовые. В иерархии Чинкве за разные их нюансы отвечают вершины $Asp_{durative}$ и $Asp_{continuative}$.

При этом, за счет того что грамматическое время и вид тесно связаны, зачастую трудно провести четкую границу между явлениями, относящимися к одному и к другому. Некоторые различия, которые можно передать в системе Райхенбаха, относятся скорее к видовым, чем к временным. Недаром для перевода примеров нам пришлось использовать русские глаголы обоих видов. А формы английского перфекта, которые фигурировали в примерах, связаны в иерархии Чинкве не только с временными вершинами, но и с $Asp_{perfect}$. Надо заметить, что многие проблемы, связанные с видом, будут рассмотрены более подробно или с другой точки зрения в главе 15.

Теперь разберемся, как эта система отражается в иерархии Чинкве. Раньше у нас была одна вершина T с признаками [pres] (настоящее), [past] (прошедшее) и т.д. У Чинкве ни одна из временных вершин не выражает какое-то конкретное время, несмотря на названия вроде T_{past}. Все они выражают отношения между точками S, E, R1 и R2:

- T_{past} — R1 и S
- T_{future} — R1 и R2
- $T_{anterior}$ — E и R2

Вспомним, что вершины у Чинкве могут иметь всего два значения: нейтральное и маркированное. В данном случае нейтральное значение вершины соответствует одновременности двух точек, а маркированное — предшествованию. Когда у всех вершин

установлены нейтральные значения, получается настоящее время. Если маркированное значение только у T_{past}, выходит прошедшее и т.д.

Вершины Asp, связанные с видом, мы здесь рассматривать не будем, ограничившись несколькими примерами и комментариями. Заинтересованные читатели могут узнать о них больше в книге Чинкве. Для примера возьмем следующее важное видовое различие: является ли действие разовым или повторяется. У Чинкве с этим различием связано сразу несколько вершин: $Asp_{repetitive}$, Asp_{freq} и $Asp_{habitual}$. Маркированное значение первой вершины выражает повторяющееся действие, второй — действие, повторяющихся часто, третьей — действие, повторяющееся регулярно и ставшее привычным.

Для чего нужны вершины с цифрами I и II, в частности, $Asp_{freq(I)}$ и $Asp_{freq(II)}$, $Asp_{repetitive(I)}$ и $Asp_{repetitive(II)}$? Чинкве "дублирует" эти вершины для того, чтобы описать случаи типа (18-a)–(18-b).

(18) a. Маша часто долго ремонтировала телевизор.
b. Маша долго часто ремонтировала телевизор.

Казалось бы, эти примеры противоречат предложенной Чинкве иерархии: наречие *часто* может идти как после *долго*, так и перед ним. Чинкве предполагает, что это происходит за счет того, что некоторые наречия могут входить в синтаксическое дерево в двух разных местах. Например, *часто* — в позиции спецификатора $Asp_{freq(I)}$ и $Asp_{freq(II)}$.

В качестве аргумента в пользу такого анализа Чинкве указывает на то, что у предложений типа (18-a) и (18-b) разный смысл. Первое означает, что Маша часто тратила много времени на ремонт телевизора, а второе — что она на протяжении долгого времени часто его ремонтировала. О проблемах, связанных с этими вершинами, пишет и сам Чинкве, и другие авторы. Главная из них — для таких вершин ни в одном языке нет разных аффиксов или вспомогательных глаголов.

Самая необычная из видовых вершин — это, наверное, целеративе, $Asp_{celerative}$. Она обозначает скорость выполнения действия, и соответствующие ей аффиксы есть, например, в языке фула. Что означают $Asp_{sg.completive}$ и $Asp_{pl.completive}$? В некото-

рых языках различаются два вида комплетива — аспектуальной категории, связанной с достижением предела, упрощенно говоря, выражающей, что что-то было сделано полностью. Возьмем пример *есть пирожные*. Вершина $Asp_{sg.completive}$ используется, если действие применено ко всем пирожным, то есть каждое пирожное покусано, полностью затронуто все множество. Вершина $Asp_{pl.completive}$ означает, что каждое пирожное было съедено, полностью затронуты все элементы множества.

11.1.3. Критика теории Чинкве

Предложенный Чинкве подход к наречиям, вспомогательным глаголам и глагольным аффиксам до сих пор является предметом бурного обсуждения (см., например, [Bobaljik 1999; Rackowsky and Travis 2000; Ernst 2002; Nilsen 2003; Kiss 2009] и др.). Во-первых, важно понять, верны ли те эмпирические обобщения, на которые он опирается. Действительно ли все эти элементы следуют в разных языках в предсказанном Чинкве порядке и все исключения удовлетворительно объясняются независимыми факторами?

Из появившихся с момента выхода книги работ можно сделать такой предварительный вывод: многие описанные Чинкве закономерности действуют в самых разных языках, однако есть целый ряд случаев, проблематичных для его теории. К сожалению, противники Чинкве зачастую недостаточно внимательно проверяют, могут ли такие случаи получить независимое объяснение. Поэтому можно сказать точно, что теории потребуется доработка, но непонятно, насколько глубокая.

Во-вторых, спор идет о том, правилен ли предложенный Чинкве синтаксический анализ обнаруженных им закономерностей и в каких-то конкретных случаях, и в целом. Например, многие ученые считают, что хотя бы часть закономерностей в порядке следования наречий можно задать при помощи семантических ограничений, не плодя дополнительных вершин. Некоторые связанные с теорией Чинкве проблемы были затронуты и в этом разделе: скажем, отсутствие в каких бы то ни было языках отдельных морфем для вершин с номерами I и II.

Кроме того, теория Чинкве — далеко не единственная, где вводится много новых функциональных проекций. В следующем

разделе мы познакомимся с проекциями, которые предлагается ввести вокруг N, в главе 16 поговорим о том, на какие вершины некоторые авторы разбивают C, и т.д. В целом такой подход называется картографическим, так как в результате получается подробная карта функциональных проекций в разных частях синтаксического дерева.

У картографического подхода много сторонников, но немало и убежденных противников. Спор между ними сейчас в самом разгаре, и его исход имеет для предложенной Чинкве теории принципиальное значение. Наиболее полное представление о достижениях картографического подхода можно получить по шеститомнику "Картография синтаксических структур" [Cinque 2002; Rizzi 2004b; Belletti 2004; Cinque 2006; Cinque and Rizzi 2010; Benincà and Munaro 2011]. Сборник "Альтернативы картографии" [Craenenbroeck 2009] содержит статьи, критикующие его с разных позиций.

В любом случае, даже противники Чинкве признают огромное значение его работы и ценят ее за то, что она положила начало крайне интересной и плодотворной дискуссии, в результате которой было описано немало новых языковых данных.

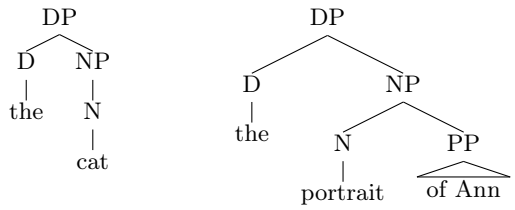
11.2. Проекции над именными группами

По мере разработки генеративной теории не осталась без изменений и структура именных групп. Еще в конце 1980-х годов Стивен Эбни [Abney 1987] предположил, что артикли не занимают спецификатор NP, а являются вершинами самостоятельной **группы детерминатора** DP (determiner phrase), и именные группы присоединяются к ним как комплементы. По-русски DP иногда также называют группой определителя. В разделе 11.2.1 мы познакомимся с ними более подробно, а в разделе 11.2.2 немного расскажем о других элементах, связанных с именными группами.

11.2.1. Группа детерминатора DP

Вот примеры двух DP: с самым простым (*the cat* 'кот') и с более сложным комплементом (*the portrait of Ann* 'портрет Анны'):

(19)



В пользу такого анализа есть несколько аргументов, но мы рассмотрим только один, очень простой и наглядный. Если D — это вершина, то в каких-то языках она должна идти после своего комплемента. Если же артикли находятся в спецификаторах именных групп, как мы думали раньше, они всегда будут предшествовать существительным. Пример (20) из индейского языка лакота, где все вершины располагаются справа от комплементов, подтверждает первое предположение:

(20) John wowapi k'u̯he oyu̯ke ki ohlate iyeye.
Джон письмо то кровать АРТ под нашел
'Джон нашел то письмо под кроватью'.

Кроме того, во многих языках артикль является не самостоятельным словом, а суффиксом существительного. Такой сценарий также можно ожидать только в том случае, если D — это вершина. В разделе 11.1 мы уже видели, что различные временные, видовые и модальные вершины также могут быть представлены и суффиксами, и отдельными словами. Есть и языки, где представлены оба типа артиклей: в норвежском, датском и шведском неопределенные артикли — это отдельные слова, а определенные в большинстве случаев — суффиксы. Вот пример из норвежского:

(21) en hest – hesten
НЕОПР.АРТ лошадь лошадь.ОПР.АРТ

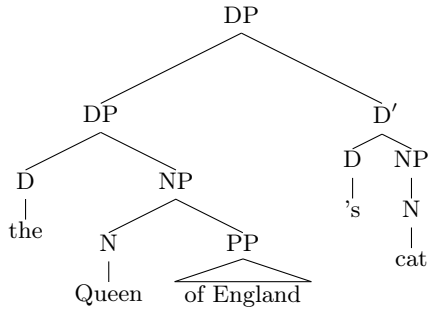
Изначально считалось, что в английском вершину D могут занимать следующие слова: *a* (неопределенный артикль в единственном числе)/ ∅[3] (неопределенный артикль во множественном чис-

[3]Знак ∅ мы употребили для обозначения нулевого детерминатора. Нулевой он только в отношении звучания, а в отношении значения в основном

ле)/ *the* (определенный артикль)/ *this* ‘этот’/ *these* ‘эти’/ *that* ‘тот’/ *my* ‘мой’/ *our* ‘наш’ и т.д. Все эти слова находятся в отношении дополнительной дистрибуции, то есть не встречаются рядом. Однако впоследствии выяснилось, что в других языках указательные и притяжательные местоимения могут употребляться вместе с артиклями, поэтому структура DP усложнилась. Мы не будем вдаваться в эти подробности и представим лишь некоторые идеи в разделе 11.2.2.

Детерминаторы — простые функциональные слова, поэтому для них вполне естественно находиться в вершине функциональной проекции. Однако вместо *her cat* ‘ее кот’ можно сказать *the Queen of England’s cat* ‘кот королевы Англии’. Если это тоже DP, то куда попадает вся первая ее часть, обозначающая владельца кота? Владелец попадает в спецификатор DP, а в позиции вершины оказывается показатель принадлежности *’s*. Функциональная вершина вполне подходит для функционального показателя.

(22)



Как известно, не во всех языках есть артикли, поэтому некоторые лингвисты задались вопросом, везде ли над именными группами надстраивается группа DP. В центре этой дискуссии, которая продолжается до сих пор, оказались безартиклевые славянские языки, включая русский. Многие лингвисты считают DP универсальной. Однако Жейко Бошкович [Bošković 2005, 2009] выдвинул гипотезу, что в этих языках мы имеем дело с NP, а не с DP. Ему возражает Ася Перельцвайг [Pereltsvaig 2006, 2007], которая считает, что, в зависимости от размера групп, их следует анализировать по-разному: какие-то как NP, какие-то как

соответствует неопределенному артиклю *a* во множественном числе.

DP, какие-то как QP (группы квантора).

Один из основных аргументов Бошковича связан с конструкциями типа (23), которые, по его наблюдениям, возможны только в языках без артиклей. Например, из всех славянских языков артикли есть только в болгарском и македонском, и это единственные языки, где такие предложения неграмматичны. Они были широко распространены в безартиклевой латыни, но исчезли в приобретших артикли современных романских языках и т.д.

(23) a. *Expensive he saw cars.
b. Дорогие он видел машины.

Бошкович объясняет различия в (23) разной структурой именных групп в языках с артиклями, с одной стороны, и без артиклей, с другой[4]. В первых прилагательное занимает позицию функциональной вершины в составе DP, а во вторых прилагательное — синтаксическая группа, модифицирующая NP в позиции адъюнкта. Ограничение на передвижение вершин не позволяет прилагательному перепрыгивать через другие вершины в составе DP, в то время как передвижению целой группы из позиции адъюнкта ничего не мешает.

Перельцвайг [Pereltsvaig 2007] аргументированно опровергает данный постулат. Она показывает, что и в русском языке прилагательные ведут себя как функциональные вершины в составе более крупной группы, DP. Во-первых, когда само прилагательное модифицировано наречием, передвигается не обязательно вся группа прилагательного:

(24) Ведь **трудная** же **очень** тема.

Во-вторых, прилагательные не могут перепрыгивать через указательные местоимения, которые принято относить к разряду детерминаторов, D:

(25) *Французский мы посмотрели этот фильм.

[4]Заметим, что примеры типа (23-b) встречаются не во всех безартиклевых языках, но Бошкович связывает это с независимыми факторами.

Кроме того, Перельцвайг возражает против еще одного аргумента Бошковича, согласно которому притяжательные слова в русском языке (*Танин*, *дядин*) — обычные прилагательные, а не детерминаторы, как английские существительные в притяжательном падеже (*John's* 'Джонов'). Как показано в ее статье [Pereltsvaig 2007], притяжательные слова в русском языке обладают тета-ролью[5] и блокируют вынесение прилагательных из группы DP также, как указательные местоимения (25).

(26) a. соседкино/*соседское постоянное выражение недовольства
b. Меховые в этом шкафу были только *девочкины/девчачьи шапки.

Это действительно интересная дискуссия, которая вносит серьезный вклад в развитие наших представлений об универсальной грамматике.

Рисуя синтаксические деревья в следующих главах, мы будем исходить из гипотезы об универсальности DP. При этом мы не будем отказываться от привычного и удобного термина *именная группа* — в конце концов, мы продолжаем употреблять слово *предложение*, даже придя к выводу, что перед нами TP или CP

11.2.2. Различные элементы внутри DP

Очевидно, что DP состоят не только из существительных и артиклей: в их состав могут входить числительные, прилагательные и т.д. Чтобы понять, какие позиции они занимают, надо знать, в каких последовательностях они могут появляться в разных языках. Одно из ключевых наблюдений, касающихся этих элементов, было сделано еще в 1960-е годы величайшим типологом Джозефом Гринбергом.

Гринберг был первым лингвистом, который систематически подошел к проблеме выявления межъязыковых закономерностей.

[5] В примере (26-a) используется отглагольное существительное *выражение*, обозначающее процесс. Такие существительные "наследуют" тета-решетку исходного глагола. Притяжательное слово выступает здесь в роли агенса, тогда как соответствующее прилагательное тета-роли не имеет и потому неграмматично.

Изучив грамматики около 30 типологически разнообразных языков, он сформулировал 45 обобщений, которые назвал универсалиями. Это стало колоссальным вкладом в лингвистику, так как многие ученые, принадлежащие к самым разным направлениям, отталкивались от них затем в своей работе.

Универсалия, которой был присвоен двадцатый номер, касается порядка следования существительных (N), указательных местоимений (Dem), числительных (Num) и прилагательных (A). Гринберг установил, что, если все эти элементы или некоторые из них предшествуют существительному, они появляются в порядке Dem Num A. Если они следуют за существительным, их порядок будет таким же или зеркальным: A Num Dem.

Приведем пару примеров. В русском и английском прилагательные, числительные и указательные местоимения идут перед существительным, то есть мы ожидаем порядок слов Dem Num A N. Именно его мы и находим: например, по-русски можно сказать *эта пятая интересная книга*. В итальянском и французском почти все прилагательные следуют за существительными, а числительные и указательные местоимения предшествуют им. В этом случае ожидается порядок слов Dem Num N A, который можно проиллюстрировать французским примером: *ce cinquième livre intéressant*, дословно 'эта пятая книга интересная'. Как и в случае с наречиями, о которых мы говорили выше, важно помнить, что речь идет о базовом порядке слов, который в ряде языков может меняться под действием актуального членения.

С 1960-х годов в этой области было проведено немало исследований, охвативших множество новых языков. Из второй части Двадцатой универсалии был найден ряд исключений, а первая осталась неопровергнутой. И, если типология ограничивается описанием этих фактов, для генеративиста важно их объяснить. Над этой проблемой работает несколько ученых, в том числе уже знакомый нам по разделу 11.1 Гильельмо Чинкве, который подошел к ней со свойственным ему размахом и тщанием. Ниже мы представим некоторые материалы из его статьи [Cinque 2005].

Прежде всего ознакомимся с фактами. Если бы порядок расположения существительных, указательных местоимений, числительных и прилагательных не был ограничен ничем, у нас было бы 24 возможные комбинации. Систематизируя данные десят-

ков работ, Чинкве показывает, что в реальности мы имеем дело с такой картиной (знаком * помечены порядки слов, не засвидетельствованные ни в одном языке):

- Dem Num A N: очень много языков
- Dem Num N A: много языков
- Dem N Num A: очень мало языков
- N Dem Num A: мало языков
- Num Dem A N: *
- Num Dem N A: *
- Num N Dem A: *
- N Num Dem A: *
- A Dem Num N: *
- A Dem N Num: *
- A N Dem Num: очень мало языков
- N A Dem Num: мало языков
- Dem A Num N: *
- Dem A N Num: очень мало языков
- Dem N A Num: много языков
- N Dem A Num: очень мало языков
- Num A Dem N: *
- Num A N Dem: очень мало языков
- Num N A Dem: мало языков
- N Num A Dem: мало языков

- A Num Dem N: *
- A Num N Dem: *
- A N Num Dem: очень мало языков
- N A Num Dem: очень много языков

Чинкве снабжает каждый пункт этого списка пояснениями, где приводит примеры языков с соответствующим порядком слов, дает ссылки на посвященные им работы, разбирает сложные случаи и т.д. Этот список — яркая иллюстрация того, с какими сложными данными приходится иметь дело лингвисту, когда теория начинает претендовать на серьезный языковой охват. Глядя на него, легче понять, почему генеративная грамматика начала оттачивать свой арсенал на материале небольшой группы языков и только затем стала применять его к большим выборкам.

Чинкве полагает, что существительные, прилагательные, числительные и указательные местоимения всегда входят в деривацию в одном и том же порядке (N, A, Num, Dem). Существительные занимают вершину NP, остальные элементы — спецификаторы предназначенных для них функциональных проекций и затем вся эта структура встраивается в DP. Чинкве дает этим проекциям абстрактные обозначения, но мы можем назвать их NumP, DemP и, предварительно, AP (как мы увидим в конце раздела, Чинкве считает, что существует несколько проекций, связанных с прилагательными)[6].

Большинство генеративистов согласно с этими утверждениями, за одним исключением: прилагательные многие считают адъюнктами NP. Мы коротко вернемся к этой теме ниже. Таким образом удается объяснить, почему, если прилагательные, числительные и указательные местоимения появляются перед существительными, они всегда идут в одном фиксированном порядке.

Основной предмет спора — как возникают возможные вариации порядка слов. В разделе 5.5. мы упоминали о разработанном

[6]Кроме того, Чинкве использует несколько согласовательных проекций. О том, зачем они нужны и как работает вся система, можно прочитать в статье.

Ричардом Кейном [Kayne 1994] антисимметрическом подходе к синтаксической структуре, согласно которому правила линеаризации везде одни и те же, а вершины справа в таких языках, как немецкий и даже японский, возникают из-за многочисленных дополнительных передвижений. Будучи убежденным сторонником этой теории, Чинкве выводит все представленные выше порядки слов при помощи различных передвижений. Более того, он задается целью показать, что только такой подход позволяет предсказать, какие порядки слов будут грамматичными, а какие нет, и даже какие будут более частотными, а какие более редкими. Так как его аргументация достаточно сложна, мы отсылаем читателя к его статье, а также к одной из статей, где предлагается альтернативный подход, опирающийся и на передвижения, и на вариацию в правилах линеаризации [Abels and Neeleman 2009].

Теперь скажем несколько слов о позициях прилагательных. Для начала рассмотрим примеры (27-a)-(27-b)[7]:

(27) a. invisible visible stars
невидимые видимые звезды
b. #visible invisible stars
видимые невидимые звезды

Почему (27-a) звучит хорошо, а (27-b) — нет? В английском языке, как и в русском, прилагательные, обозначающие временные свойства, идут перед теми, которые обозначают постоянные. Поэтому DP в (27-a) описывает видимые с земли звезды, которые в силу каких-то обстоятельств не видно в данный момент, а у DP в (27-b) нет осмысленной интерпретации. Обозначим первый тип прилагательных как A_1, а второй как A_2. В разных языках засвидетельствованы такие порядки слов:

- D A_1 A_2 N
- D N A_1 A_2
- D N A_2 A_1

[7] В примере (27-b) мы использовали значок решетки #, чтобы показать, что, несмотря на грамматичность словосочетания, его семантическая интерпретация искажена или невозможна.

Эта картина очень похожа на ситуацию с двадцатой универсалией: перед существительным возможен только один порядок слов, а после него — либо он же, либо зеркальный. Для генеративиста-картографа это значит, что нужны две связанные с прилагательными проекции. Однако это далеко не предел: например, в [Scott 2005] выводится целая иерархия прилагательных, представленная в (28). Скотт считает, что каждому типу прилагательных соответствует своя функциональная проекция, спецификатор которой они могут занимать, но большинство лингвистов не поддерживает такое усложнение функциональной структуры.

(28) размер > длина > скорость > ширина > вес > температура > возраст > цвет > материал

Со структурой DP связаны и многие другие проблемы, так что обсуждавшиеся в этом разделе данные были отобраны не столько для того, чтобы дать о ней полное представление, сколько для того, чтобы показать, насколько она сложна. Более подробно о DP можно прочесть в следующих работах: [Zamparelli 2000; Svenonius 2008; Cinque 2002; Alexiadou et al. 2007].

Итак, в этой главе мы поговорили о проекциях, связанных с наклонением, временем и видом, которые появились в ряде работ вокруг TP, а также упомянули о новом взгляде на именные группы. О том, на какие проекции предлагают разделить CP, пойдет речь в главе 16, посвященной актуальному членению, а о проекциях внутри *v*P — в главе 15, посвященной глагольному виду.

Глава 12

EPP и передвижения в область вершины T

12.1. Различные значения термина EPP

Термин EPP, или Extended Projection Principle, переводится как “расширенный принцип проекции”, но в этой книге мы будем пользоваться английской аббревиатурой. Чтобы разобраться в различных употреблениях этого термина, познакомимся с его историей. Изначально EPP гласил: в предложениях должны быть подлежащие. Этот принцип был введен, чтобы описать следующую особенность английского языка. В тех клаузах, где подлежащее либо отсутствует, как в примере (1), либо не поднимается в спецификатор TP, как в примере (2-a), появляется эксплетив *it* или *there*. Мы уже говорили об этих явлениях в разделах 1.8 и 6.3..

(1) It freezes.
ЭКСПЛ морозит
‘Морозит’.

(2) a. And there appeared a great wonder in
и ЭКСПЛ явилось АРТ великое знамение в
heaven.
небо

'И явилось на небе великое знамение'.

b. And a great wonder appeared in heaven.
и АРТ великое знамение явилось в небо

В разделе 7.3 мы говорили о том, что конструкции типа (2-a) возможны только с неаккузативными глаголами, у которых единственный аргумент — внутренний. Так что *a great wonder* находится в этом предложении в комплементе VP.

Затем, как мы писали в разделе 10.4.2., термин EPP стал использоваться для обозначения свойства признаков, провоцирующего передвижения. Скажем, если вопросительный признак на C обладает этим свойством, то согласующаяся с C вопросительная группа передвинется в спецификатор CP, а если нет, то останется в своей исходной позиции.

С какими же признаками связано передвижение подлежащих в спецификатор TP, которое мы наблюдаем в (2-b) и в большинстве других английских предложений? Этот вопрос пока не получил окончательного решения. Поэтому во многих работах используется термин **EPP в области вершины T** (EPP in the Tense domain, EPP in T). Это позволяет говорить о каком-то свойстве вершины T, вызывающем передвижения, при этом не называя его.

Изучение EPP в области T сыграло и, вероятно, еще будет играть большую роль в исследовании глубинных причин передвижений. Именно поэтому мы решили посвятить ему отдельную главу. Кроме того, на этом примере интересно посмотреть, что генеративный подход дает для изучения межъязыковой вариации и, в частности, как он позволяет обнаружить новые закономерности в русском языке.

12.2. Межъязыковая вариация

Попытавшись распространить принцип EPP в его изначальной формулировке, выведенной на материале английского, на другие языки, генеративисты столкнулись с проблемами. Например, английскому примеру (1) соответствует итальянский (3), в котором нет эксплетива. Не будет его и в итальянском аналоге (2-a) — в этом предложении будет просто порядок слов VS.

(3) Piove.
идет (о дожде)

Некоторые исследователи предложили ввести для итальянского и подобных ему языков нулевые эксплетивы ([Rizzi 1982; Chomsky 1995; Holmberg 2005] и др.). Однако существует и альтернативный подход, разработанный преимущественно Артемис Алексиаду и Элени Анагностопулу [Alexiadou and Anagnostopoulou 1998], а затем развитый в ряде других работ, например, в [Manzini and Savoia 2002; Platzack 2004]. Алексиаду и Анагнастопулу обратили внимание на расположение не только подлежащих, но и финитных форм глагола. Посмотрим, где они находятся в английском примере (4-a) и в греческом (4-b), анализируя их позиции относительно наречий.

(4) a. If somebody usually completely read the
если кто-то обычно полностью читал ART
book...
книга
'Если кто-то обычно полностью читал книгу'.
b. An dhiavaze sinithos telios kapios to vivlio...
если читал обычно полностью кто-то ART книга
'Если кто-то обычно полностью читал книгу'.

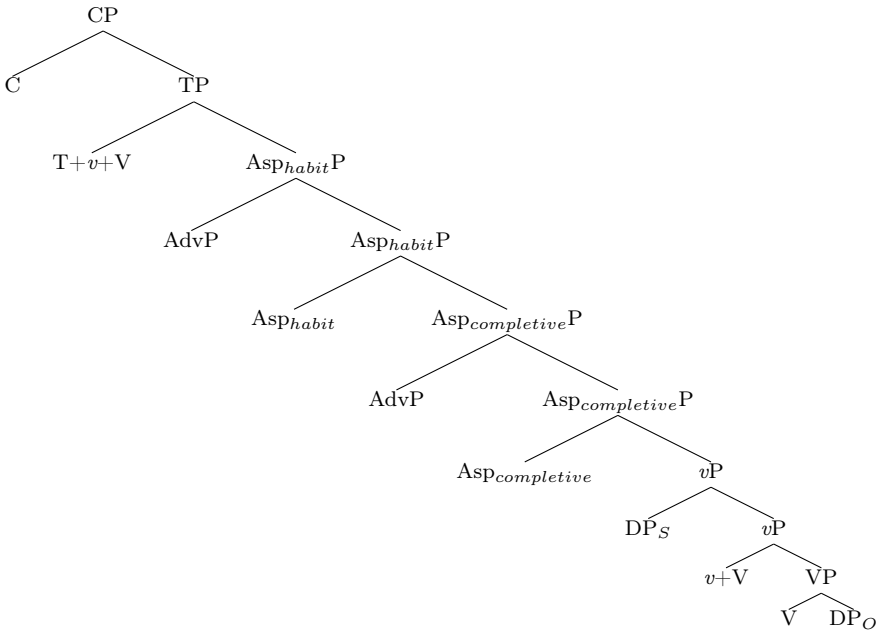
В греческом (4-b) порядок слов — V Adv S O. Все генеративисты, вне зависимости от их взглядов на синтаксические позиции наречий, согласятся с тем, что наречия со значением "обычно" и "полностью" находятся выше vP, но ниже TP. Если подлежащее следует за ними, значит, оно осталось в своей исходной позиции, то есть в спецификаторе vP, так как это внешний аргумент. Такой порядок слов используется, когда вся информация в предложении новая. Если же подлежащее является темой, оно перемещается в начало предложения[1]. При этом финитный глагол в (4-b) перемещается в T. Если основной глагол в нефинитной

[1]Понятия темы и ремы относятся к области актуального членения предложения, или его информационной структуры. Генеративным подходам к актуальному членению посвящена глава 16. Пока же можно сказать, несколько упрощая, что тема — это то, о чем предложение, а рема — то, что мы хотим сообщить об этой теме. В большинстве случаев рема является

форме (является инфинитивом или причастием), в T перемещается вспомогательный.

Структура (4-b) показана на схеме (5). В главе 11 мы говорили о том, что в современной генеративной грамматике нет общепринятого мнения, как следует анализировать наречия. В (5) мы поместили их в спецификаторы функциональных проекций, как предлагает Гильельмо Чинкве [Cinque 1999].

(5)

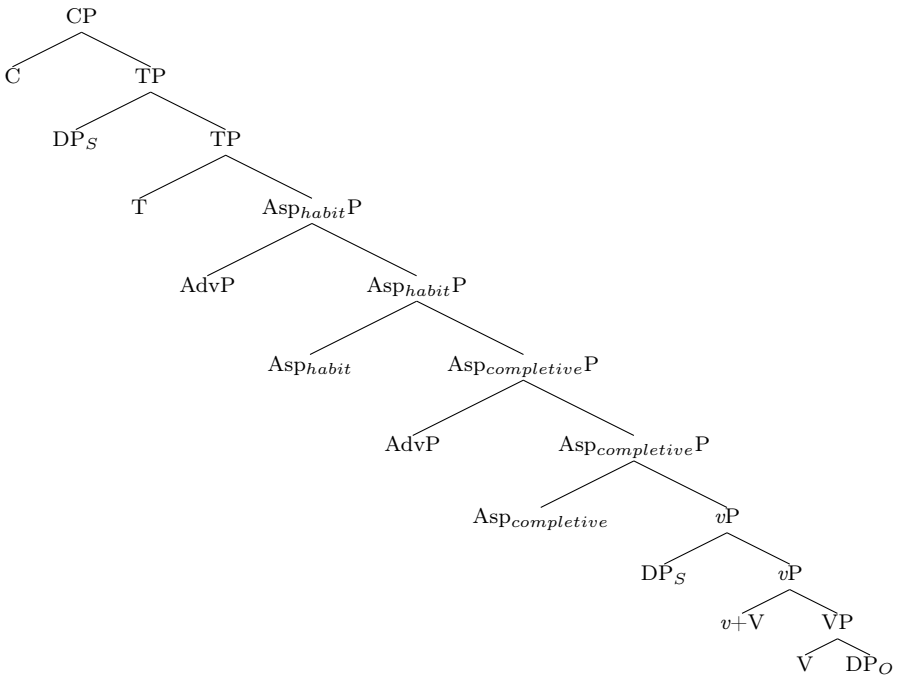


В английском языке такой порядок слов невозможен. Расположение наречий говорит о том, что подлежащее-внешний аргумент всегда перемещается в спецификатор TP. Подлежащее-внутренний аргумент иногда остается в позиции комплемента VP, как в примере (2-a), но тогда спецификатор TP должен быть занят эксплетивом. Основной глагол в большинстве предложений остается в

новой информацией, а тема — уже упоминавшейся ранее.

v — в (4-а) он следует за наречиями, включая *completely* ‘полностью’, находящееся в самом низу иерархии наречий, о которой мы говорили главе 11. Таким образом, структура (4-а) выглядит следующим образом:

(6)



Чтобы удостовериться в том, что вспомогательные глаголы в английском также не поднимаются в T, рассмотрим пример (7). Вспомогательные глаголы в нем идут вперемешку с наречиями. Следовательно, они находятся там, где изначально входят в деривацию, в расположенных ниже T функциональных вершинах, отвечающих за перфект, прогрессив и др. Исключения составляют особые конструкции вроде вопросов или бессоюзных условных предложений, подобных (8).

(7) ... that it could not anylonger have always
что это ВСП-МОЧЬ не больше ВСП-ИМЕТЬ всегда
been completely fixed
ВСП-БЫТЬ полностью привести-в-порядок
'... что это не могло больше всегда быть полностью приведено в порядок'.

(8) Had I known, I would have helped.
ВСП-ИМЕТЬ я знать я ВСП-УСЛ ВСП-ИМЕТЬ помочь
'Если бы я знал (знал бы я), я бы помог'.

Основываясь на этих наблюдениях, Алексиаду и Анагнастопулу предположили, что в одних языках требования, связанные с EPP в области T[2], удовлетворяются за счет передвижения подлежащего или появления эксплетива, а в других — за счет передвижения финитного глагола. В первую группу в рассмотренной этими авторами выборке попали различные германские языки, а во вторую — греческий, испанский, итальянский, кельтские и арабский. О том, куда в этой типологии относится русский язык, речь пойдет в разделе 12.4.

Следует заметить, что во всех германских языках, кроме английского, финитный глагол также передвигается в T, если предложение не является придаточным. Однако это связано с независимой закономерностью, известной как V2, о которой мы говорили в разделе 5.5: пройдя через T, глагол устремляется еще выше, в C. Говоря об обязательном заполнении спецификатора CP в этих языках, генеративисты иногда пользуются термином *EPP в области C*, так как в этом случае также не вполне понятно, что именно вызывает передвижения.

Особенно загадочен тот факт, что в спецификаторе CP может находиться практически любая группа: подлежащие, дополнения, обстоятельства... В норвежском примере (9-a) его зани-

[2]Следует заметить, что в модели Алексиаду и Анагнастопулу используются согласовательные проекции AgrP, которых не было в раннем генеративизме и от которых решено было снова отказаться в более поздних работах. Чтобы переформулировать все сделанные ими выводы в терминах современных моделей, необходимо проделать определенную работу, однако мы здесь от этого абстрагируемся.

мает *v*P, из которой выдвинулись подлежащее и дополнение. Для таких составляющих используется термин *remnant* ‘остаток’: например, *remnant vP*, а их передвижение называют *remnant movement*. Как показывает исландский пример (9-b), спецификатор CP может занимать и эксплетив.

(9) a. [lagt på bordet] har jeg dem ikke.
положил на стол.АРТ ВСП я их не
‘На стол я их не клал’.

b. Það hefur sennilega einhver aleg lokið
ЭКСПЛ ВСП возможно кто-то полностью кончил
verkefninu
задание
‘Возможно, кто-то полностью кончил задание’.

Нетрудно понять, почему передвижения, связанные с EPP в области T и с EPP в области C, оказываются более сложными для анализа, чем многие другие. Другие передвижения, скажем, вынос в начало вопросительных групп, не чередуются с использованием эксплетивов. Кроме того, обычно межъязыковая вариация подразумевает выбор между передвижениями и их отсутствием, а не между передвижением вершин или групп. Есть и множество более мелких проблем. Например, до сих пор неясно, почему в английском использование эксплетивов возможно только в предложениях с подлежащими — внутренними аргументами.

Наконец, в разных языках есть исключения из приведенного выше обобщения Алексиаду и Анагностопулу. Самое известное из них — так называемая локативная инверсия в английском языке, как в примере (10-a). Обычно считается, что спецификатор TP в таких предложениях занят предложной группой. Однако при этом остается непонятным, почему из этих предложений нельзя сделать вопросы и придаточные — это скорее указывает на то, что предложная группа занимает спецификатор CP и другие операции в области CP становятся невозможны.

(10) a. Down the hill was rolling the ball.
вниз АРТ холм ВСП катиться АРТ мяч
‘Вниз по холму катился мяч’.

b. *Was down the hill rolling the ball?
ВСП вниз АРТ холм катиться АРТ мяч

c. *He said that down the hill was rolling the ball.
он сказал что вниз АРТ холм ВСП катиться АРТ мяч

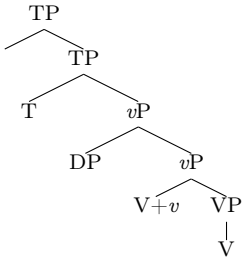
12.3. Модель Дэвида Песецкого и Эстер Торрего

Согласно обобщению, сделанному Алексиаду и Анагностопулу [Alexiadou and Anagnostopoulou 1998], во всех исследованных языках либо подлежащее (то есть именная группа в именительном падеже), либо финитная форма глагола перемещаются в область T. Учитывая связь передвижений с согласованием, это значит, что у них должен быть какой-то общий признак. Традиционно считалось, что это ϕ-признаки, связанные с лицом, числом и родом.

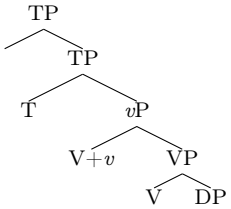
Дэвид Песецкий и Эстер Торрего [Pesetsky and Torrego 2004, 2007] предположили, что все три элемента — подлежащее, глагол и вершина T — также имеют временной признак. Подчеркнем, что временной признак связан не с каждой именной группой, а только с подлежащим в именительном падеже. Сперва мы объясним, как работает получившаяся в результате модель, а затем — почему на именной группе в именительном падеже может быть временной признак.

На дереве (11-a) изображена незаконченная деривация с подлежащим-внешним аргументом на том этапе, когда в синтаксическую структуру входит вершина T. Дерево (11-b) иллюстрирует деривацию с подлежащим-внутренним аргументом. О том, присутствует ли в предложениях, где нет внешнего аргумента, проекция vP, ведутся споры. Например, Ноам Хомский считает, что она есть, но является дефектной. Пример глагола, у которого есть только внешний аргумент, — *танцевать*, а только внутренний — *исчезать*.

(11) a.



b.



Напомним, что Песецкий и Торрего разработали собственный подход к признакам и согласованию — мы познакомились с ним в разделе 10.4.2 [Pesetsky and Torrego 2007]. Когда глагол входит в деривацию на этапе предикатно-аргументной структуры, временной признак на нем неинтерпретируем, но имеет значение, так как форма приходит из лексикона с соответствующими аффиксами[3]. Временной признак на вершине T, напротив, изначально интерпретируем, но не имеет значения. Как и ожидается, временной признак на именной группе в именительном падеже не имеет ни значения, ни интерпретации.

Первым зондом, то есть элементом с неинтерпретируемым и/или не имеющим значения признаком, который должен найти элемент с таким же интерпретируемым и/или имеющим значение признаком в своей сфере поиска, в (11-a) оказывается подлежащее, а в (11-b) глагол. Подлежащее в (11-b) ничем не с-командует, поэтому у него нет сферы поиска, а глагол в (11-a) с-командует только своей нижней копией[4]. Итак, в (11-a) подлежащее обнаруживает находящийся ниже глагол, а в (11-b) глагол находит подлежащее.

В результате согласования временной признак на подлежащем получает значение, глаголу же оно пока ничего не дает. Кроме того, теперь оба признака связаны — согласно Песецкому и Торрего, это две реализации одного и того же признака, что

[3]Вопрос о том, как получаются формы слов, будет рассмотрен в главе 13. Песецкий и Торрего полагают, что формы не конструируются внутри синтаксического дерева, а попадают туда из лексикона.

[4]Если бы у глагола в (11-a) было дополнение, он бы стал первым зондом, но не обнаружил бы ни одного элемента с нужным ему временным признаком — ведь единственной именной группой, которая им обладает, является подлежащее.

логично: ведь в предложении всего одно время. Соответственно, когда их обнаружит зонд с интерпретируемым признаком, они оба одновременно получат интерпретацию.

Затем в предложении появляется вершина T, которая также выступает в роли зонда и находит глагол и подлежащее. В результате согласования все временные признаки объединяются и получают интерпретацию и значение. Одновременно происходит согласование между подлежащим, глаголом и T по ϕ-признакам, то есть по признакам лица, числа и рода, просто мы не будем рассматривать его так же подробно.

Временной признак на T обладает свойством EPP, а потому провоцирует копирование одного из элементов, с которыми согласуется: либо именной группы в именительном падеже в спецификатор TP, либо глагола в позицию вершины T. Как мы отмечали выше, те языки, где обязательным является заполнение спецификатора TP, в определенных случаях позволяют поставить туда эксплетив.

Теперь объясним, почему Песецкий и Торрего предположили, что именные группы в именительном падеже имеют временной признак. Неразрывная связь между именительным падежом и финитностью (временем) была замечена генеративистами уже давно. Наиболее ярко она проявляется в том, что именные группы в именительном падеже нельзя использовать в нефинитных предложениях. Различные примеры, иллюстрирующие этот факт, обсуждались в разделе 6.3.

Кроме того, посмотрим на английские вопросы. После занимающего спецификатор CP вопросительного слова в них всегда идет финитный вспомогательный глагол, передвинувшийся из T в C. Единственное исключение составляют вопросы к подлежащему — в них глагол остается в позиции v. Примеры даны в (12).

(12) a. Whom did the tiger slowly eat?
кого ВСП-ПРОШ АРТ тигр медленно есть
‘Кого медленно съел тигр?’

b. Who slowly ate the rabbit?
кто медленно есть.ПРОШ АРТ кролик
‘Кто медленно съел кролика?’

Как объяснить тот факт, что в вопросах к подлежащему глагол не передвигается в C? Песецкий и Торрего связывают это с тем, что, кроме вопросительного признака, на английском C есть временной признак, также обладающий свойством EPP. Вопросительный признак провоцирует копирование вопросительной группы в спецификатор CP. Если эта группа — подлежащее, она также обладает временным признаком и временной признак на C не потребует дополнительных передвижений. Во всех остальных случаях, когда вопросительная группа не является подлежащим и, следовательно, не имеет временного признака, ее передвижения в спецификатор CP недостаточно, и в вершину C поднимается обладающая временным признаком вершина T, в которой находится финитный вспомогательный глагол.

12.4. Русский язык и EPP в области T

12.4.1. Типологическая аномалия

В начале этой главы мы говорили о том, что изучение EPP в области T приближает нас к пониманию глубинных причин передвижений. И действительно, странное на первый взгляд передвижение именной группы в именительном падеже или глагола в левую часть предложения оказывается связано с намного более общей закономерностью, действующей в самых разных языках. Языков, где и подлежащее, и финитный глагол могут оставаться на месте, следуя за наречиями, и при этом в предложении не появляется эксплетив, пока не обнаружено.

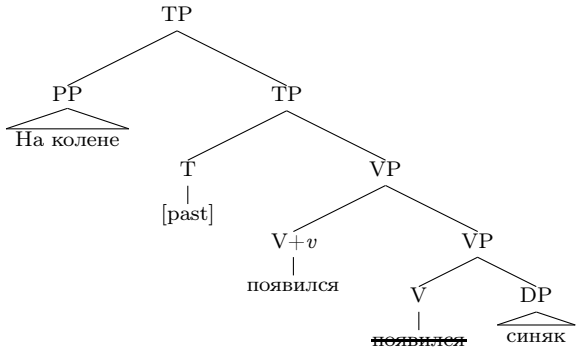
Впрочем, некоторые лингвисты считают, что таким языком является русский [Babyonyshev 1996; Bailyn 2003a,b, 2004; Lavine 1998; Lavine and Freidin 2002]. Они полагают, что условие EPP в области T действует в русском языке, но может быть удовлетворено за счет передвижения в спецификатор TP самых разных групп, а не только именной группы в именительном падеже. Мария Бабенышева, Джеймс Левайн и Роберт Фрейдин разбирают только предложения с внутренними аргументами в именительном падеже или предложения, вообще не содержащие именных групп в именительном падеже:

(13) a. На колене появился синяк.

b. Васе нравятся дети.
c. Уши заложило.
d. Солдата ранило пулей.

В (13-a)–(13-b) подлежащие идут не перед глаголом, а после него. Из этого можно сделать вывод, что они остаются в своей исходной позиции в комплементе VP. Что же тогда удовлетворяет EPP в области T? Бабенышева, Левайн и Фрейдин предположили, что в (13-a)–(13-b) это делают совсем не именные группы в именительном падеже, а предложная группа *на колене* и именная группа в дательном падеже *Васе*, а в примерах (13-c)–(13-d), где вообще нет подлежащего, — именные группы-дополнения в винительном падеже *уши* и *солдата*. Если это так, то русский язык действительно сильно выбивается из общей картины, позволяя помещать в спецификатор TP (каноническое место для подлежащего) самые разные неноминативные группы[5]. (14) иллюстрирует предложенный анализ на примере предложения (13-a):

(14)



Джон Бейлин — один из самых известных генеративных лингвистов, занимающихся русским синтаксисом, — распространяет этот анализ на часто встречающийся в русском языке порядок

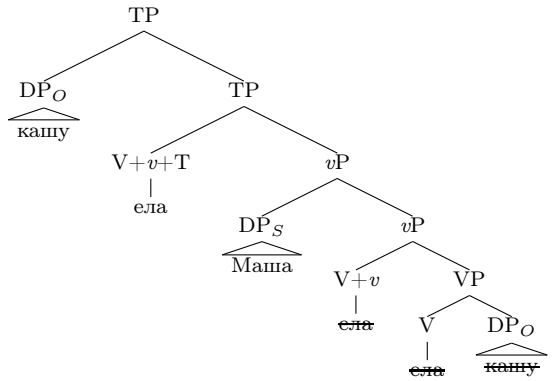
[5]Кроме традиционных русских терминов, для называния падежей нередко используются термины латинского происхождения: номинатив, генитив и т.д. Таким образом, под неноминативными группами подразумеваются именные группы, не маркированные именительным падежом (этот термин используется довольно редко, однако мы решили обратиться к нему для краткости).

слов OVS:

(15) Кашу ела Маша.

Как показано на рисунке (16), Бейлин полагает, что в спецификатор TP в таких случаях перемещается дополнение — в нашем примере это именная группа *кашу*. Аргумент *Маша* остается в своей исходной позиции в спецификаторе *v*P. Что касается глагола, то, чтобы оказаться выше своего подлежащего *Маша*, он в таких конструкциях должен переместиться в вершину T — подобно французскому глаголу, который, как мы писали в разделе 5.4, всегда стремится переместиться из V в T.

(16)



Какие аргументы можно привести в пользу моделей Бабенышевой, Бейлина, Левайна и Фрейдина и против них? В этом разделе мы подробно разберем этот вопрос и заодно посмотрим, как в генеративной грамматике строятся достаточно сложные доказательства, а также как она применяется к русскому языку и что это дает. Чтобы оценить правильность этих моделей, попробуем найти ответы на следующие вопросы:

1. Встречается ли в русском языке передвижение глагола в вершину T и в каких случаях?

2. Где в разных конструкциях находятся подлежащие? Действительно ли они остаются в своей исходной позиции в таких примерах, как (13-a)–(13-b) и (15)?

3. Проявляют ли неноминативые группы, якобы занимающие позицию спецификатора TP, свойства подлежащего? Под такими свойствами подразумевается особое поведение при связывании местоимений, которое обычно присуще только именным группам в именительном падеже. Подробней об этом рассказано в разделе 12.4.3. Например, в некоторых исключительных случаях подобные свойства проявляют выдвинутые в начало предложения неноминативные именные группы в исландском [Zaenen et al. 1985]. Этот факт считается основным аргументом в пользу того, что эти составляющие занимают спецификатор TP. Если сходную картину удастся обнаружить в русском языке, это будет важным свидетельством в пользу приведенных выше теорий, а если нет — наоборот.

Ответы на все эти вопросы подробно рассматриваются в [Слюсарь 2009; Slioussar 2011]. Здесь же мы ограничимся кратким обзором.

12.4.2. Позиции финитного глагола и подлежащего

Начнем с позиций, которые в русском языке может занимать финитный глагол. Перемещается ли он в каких-то конструкциях в вершину T? Из корпусных работ российских лингвистов (например, [Сиротинина 2003]) и более подробного исследования этой проблемы, представленного в [Слюсарь 2009; Slioussar 2011], можно сделать вывод, что наречия, даже находящиеся в самом низу наречной иерархии, в норме предшествуют основному финитному глаголу. Это верно и для тех конструкций, где подлежащее находится после глагола:

(17) a. Злодеи хорошо знали повадки животных.
b. Это вьющееся растение хорошо знали древние римляне.

Как и ожидается, эту закономерность нарушают наречия-ремы. Ремы в русском языке обычно располагаются в конце предложения, как в примере (18-a), но иногда могут быть вынесены в начало, как в (18-b):

(18) a. Нефтегазовые олигархи живут очень хорошо!
b. Хорошо время пролетело — и весело, и незаметно!

Кроме того, есть конструкции с особым порядком слов, в которых глагол перемещается из V в C. Это, например, вопросы с *ли*, как в (19-a), и условные придаточные предложения без союза, подобные (19-b). Глагол в таких предложениях оказывается и перед наречиями, и перед подлежащим:

(19) a. Не уверен, знали ли они хорошо этот язык.
b. Слушали бы дети внимательно своих родителей...

Если в норме основной финитный глагол идет после наречий, включая самые низкие, можно заключить, что он не выдвигается выше *v*, как и в более тщательно исследованном английском. Теперь посмотрим на вспомогательные глаголы. В русском такой глагол всего один: *быть*. Его поведение также похоже на поведение английских вспомогательных глаголов, которое иллюстрировал пример (7). В обоих языках они появляются посреди наречной цепочки, то есть остаются в своей исходной позиции:

(20) Синтетика впоследствии всегда будет быстро темнеть.

Заметим, что в таком случае в примерах типа (17-b) мы сталкиваемся с синтаксическим парадоксом! Ведь если глагол находится в *v*, то, даже если подлежащее *древние римляне* осталось в своей исходной позиции, в спецификаторе *v*P, оно должно оказаться перед глаголом. Чтобы понять, как же получается такой порядок слов, посмотрим более внимательно на позиции подлежащих в русском языке.

Разбирая примеры (4-a)–(4-b) в разделе 12.2, мы установили, что подлежащие ведут себя по-разному в греческом и в английском языке. В греческом любой аргумент в именительном падеже поднимется в спецификатор TP, только если является темой, а иначе остается в своей исходной позиции. В английском остаться в исходной позиции могут только подлежащие-внутренние аргументы, а внешние обязательно передвигаются в спецификатор TP.

Как обстоят дела в русском языке? Он снова оказывается похож на английский, а не на греческий. Это видно и по пе-

реводу примеров (4-a)–(4-b): русский порядок слов совпадает с английским, а не с греческим. Подлежащие-внутренние аргументы остаются в комплементе VP, если не являются темами. Посмотрим на взятый из корпуса пример (21-b), контекст которого сохранен в (21-a).

(21) a. Контекст: Яйцеклетка, которая выходит из лопнувшего фолликула, попадает в расширенную часть яйцепровода и сохраняет способность к оплодотворению в среднем в течение 5-6 часов.
b. Процесс оплодотворения происходит в передней трети яйцепровода, где образуется новая клетка (зигота) в результате слияния спермия с яйцеклетками.

И в главном, и в придаточном предложении в (21-b) подлежащие — внутренние аргументы. Подлежащее главного предложения упоминалось ранее, это тема. Мы видим, что оно поднимается в спецификатор TP, и предложение имеет порядок слов SV. Подлежащее придаточного предложения, напротив, новая информация, оно входит в рему. Соответственно, оставшись в своей исходной позиции, в комплементе VP, оно появляется за глаголом, а за ним следует предложная группа-адъюнкт.

Если подлежащее — внешний аргумент, оно поднимается в спецификатор TP даже в тех случаях, когда входит в рему. Так, в примере (22) подлежащее *какой-нибудь очень серьезный турист-иностранец* не только является новой информацией, но и содержит неспецифичное местоимение[6], что считается несовместимым с ролью темы. Тем не менее, оно оказывается выше наречия *обязательно*, что говорит о его перемещении в спецификатор TP.

(22) Какой-нибудь очень серьезный турист-иностранец обязательно подает в местный суд жалобу...

[6]Неформально разницу между специфичным местоимением *какой-то* и неспецифичным *какой-нибудь* можно объяснить так. Говоря *Ваня ищет какую-то книгу*, мы подразумеваем, что это вполне определенная книга, просто Ваня знает, какая именно, а мы — нет. *Ваня ищет какую-нибудь книгу* означает, что ему подойдет любая: например, она нужна ему, чтобы придавить бумаги на столе.

Внешние аргументы не попадают в начало предложения только тогда, когда являются собственно ремой (или выделенной информацией внутри ремы), а не просто ее частью. Какую позицию они занимают? Корпусное исследование показало, что в абсолютном большинстве таких случаев они появляются в самом конце предложения: за ними не идут другие составляющие, как в греческом (4-b) с оставшимся в своей исходной позиции подлежащим-внешним аргументом или в русском (21-b) с внутренним.

Теперь вернемся к примеру (17-b), который повторен ниже. Как получить такой порядок слов?

(23) Это вьющееся растение хорошо знали древние римляне.

Необходимо сперва куда-то выдвинуть подлежащее из позиции между глаголом и наречием. У нас есть для него подходящее место — спецификатор TP. В таком случае в русском языке все подлежащие-внешние аргументы поднимаются в эту позицию, то есть русский снова оказывается похож на английский.

Как же подлежащее оказывается в результате крайним справа? Как мы отметили выше, в таких конструкциях оно является собственно ремой или выделенной информацией внутри ремы. Такие составляющие появляются в русском языке в конце предложения за счет того, что все прочие элементы выдвигаются влево — в отличие от английского, русский допускает многочисленные изменения порядка слов, связанные с актуальным членением (мы расскажем о них подробнее в главе 16).

Более подробный разбор этой проблемы, а также различные аргументы в пользу предложенного анализа можно найти в [Слюсарь 2009; Slioussar 2011]. Сделанные нами выводы противоречат такому взгляду на предложения OVS, согласно которому подлежащее-внешний аргумент остается в своей исходной позиции, в спецификаторе *v*P, а глагол передвигается в T. Однако они не опровергают теории, касающиеся предложений с подлежащими-внутренними аргументами или вообще без именных групп в именительном падеже. К ним мы обратимся в следующем разделе.

12.4.3. Позиции других групп и эксплетивы

В предыдущем разделе мы установили, что подлежащие-внутренние аргументы могут оставаться в своей исходной позиции в комплементе VP. За счет чего тогда удовлетворяется условие EPP в области T в предложениях вроде (13-a)–(13-b), повторенных ниже? Мария Бабенышева, Джон Бейлин, Джеймс Левайн и Роберт Фрейдин считают, что и в этих случаях, и в повторенных ниже (13-c)–(13-d), где вообще нет аргумента в именительном падеже, эту функцию выполняют неноминативные группы в начале предложения.

(24) a. На колене появился синяк.
b. Васе нравятся дети.
c. Уши заложило.
d. Солдата ранило пулей.

Как мы уже отмечали выше, в некоторых исключительных случаях неноминативные именные группы могут занимать спецификатор TP в исландском. Аргументом в пользу этого утверждения считается то, что в этих конструкциях они проявляют ряд особых свойств при связывании местоимений, которыми обычно обладают только подлежащие в именительном падеже. Поясним вкратце, о чем идет речь, на примерах из русского языка. Местоимение *свой* в (25-a) может отсылать только к подлежащему, а местоимение *его* в (25-b) — только к косвенному дополнению.

(25) a. Когда они поднялись на смотровую площадку, Петя$_i$ показал Васе$_j$ свой$_{i/*j}$ дом.
b. Когда они поднялись на смотровую площадку, Петя$_i$ показал Васе$_j$ его$_{*i/j}$ дом.

Анализируя примеры такого рода в разных языках, лингвисты пришли к выводу, что возвратные местоимения, подобные *свой*, в норме могут отсылать только к подлежащему, иначе говоря, что только подлежащее может связывать их[7]. Получают ли такую возможность выдвинутые в начало предложения неноминативные группы в русском языке? Посмотрим на (26). Одни носители

[7] О связывании пойдет речь в главе 14.

русского языка считают, что так сказать нельзя, однако другим кажется, что этот пример не так уж плох. В таких случаях принято использовать помету *?*:

(26) ? Васе$_i$ нравятся свои$_i$ дети.

Споры вокруг такого рода предложений — насколько они хороши или плохи — значительно затруднили проверку представленных выше моделей EPP в области T. Попробуем разобраться. Прежде всего, настораживает тот факт, что грамматичным, причем безо всяких вопросов, оказывается (27) с *его*. А ведь обычно между местоимениями *его* и *свой* наблюдается "распределение обязанностей", как в (25-a) и (25-b).

(27) Васе$_i$ нравятся его$_i$ дети.

При более внимательном рассмотрении можно заметить, что *свой* в русском языке не всегда используется как местоимение, которое должно быть связано, то есть должно отсылать к какому-то другому члену предложения: *Своя рубашка к телу ближе*, *Свои люди — сочтемся*. В этом случае *свой* значит 'собственный, близкий' и т.п. Возможно, некоторые люди понимают так и выражение *свои дети* в (26)? Попробуем рассмотреть предложения, где такая интерпретация заведомо невозможна, где *свой* нельзя заменить на *близкий* или *собственный*. Как показывают примеры (28) и (29), в таких случаях варианты с местоимением *свой* оказываются неграмматичными:

(28) a. *Лодку$_i$ поцарапало своим$_i$ якорем.
b. Лодку$_i$ поцарапало ее$_i$ якорем.

(29) a. *В квартире$_i$ появился свой$_i$ хозяин.
b. В квартире$_i$ появился ее$_i$ хозяин.

Эти, а также другие данные, указывающие на то, что выдвинутые в начало предложения неноминативные группы не проявляют признаков подлежащего в русском языке, подробно разбираются в [Слюсарь 2009; Slioussar 2011][8]. Из этого можно сделать вывод, что в предложениях вроде (13-a)–(13-d) они занимают не

[8]Можно рассмотреть еще один пример:

спецификатор TP, а более высокую позицию, спецификатор CP. За счет чего тогда в этих случаях удовлетворяется условие EPP в области T? Прежде всего, заметим, что в русском есть такие конструкции, как (30). В этих примерах в левой части предложения нет ничего, что даже чисто теоретически могло бы удовлетворить EPP в области T.

(30) a. Темнеет.
b. Появились первые цветы.
c. Заложило уши.

Мы уже говорили о том, что в отношении EPP в области T русский язык оказался во многом похож на английский. В английском тоже встречаются предложения, где внутренние аргументы в именительном падеже остаются в своей исходной позиции, и конструкции, где их нет совсем. Что там занимает спецификатор TP?

(31) a. It freezes.
ЭКСПЛ морозит
'Морозит'.
b. There appeared three men.
ЭКСПЛ появились три человека
'Появились три человека'.

(i) Мише$_i$ не потратить столько денег на себя$_i$.

На первый взгляд, в этом примере именная группа в дательном падеже проявляет свойства подлежащего, так как связывает местоимение *себя*. Однако если попытаться изменить время в такого рода предложениях, станет ясно, что они состоят их двух клауз, и в первой из них в роли финитного глагола выступает *быть*, который в форме настоящего времени не произносится:

(ii) Мише$_i$ было/будет не потратить столько денег на себя$_i$.

Глагол *быть* в данном случае функционирует как модальный (со значением невозможности). Изящный разбор этих и других конструкций, в которых группа в дательном падеже предположительно проявляет некоторые признаки подлежащего, приводит Николай Флейшер [Fleischer 2006]. Рассматривая множество существующих подходов к этой проблеме, он показывает, что группа в дательном падеже является в этих конструкциях не подлежащим, а одним из дополнений модального предиката.

c. In the garden there appeared three men.
в АРТ саду ЭКСПЛ появились три человека
'В саду появились три человека'.

Как показывают примеры в (31), в английском в таких случаях используются эксплетивы *it* и *there* — пустышки, заполняющие спецификатор TP. Можно предположить, что в русском тоже есть эксплетивы, но нулевые. Так считают, например, Дэвид Перлмуттер и Джон Мур [Perlmutter and Moore 2002]. Что интересно, они пришли к таким выводам по совершенно независимым от EPP причинам. Рассмотрим предложения (32)–(33). Почему предложение (32-a) можно превратить в инфинитивную клаузу, а безличное предложение (33-a) — нет?

(32) a. ... чтобы мы уехали на вокзал.
b. ... чтобы нам уехать на вокзал.

(33) a. Чтобы морозило на Гавайях, надо, чтобы земля перевернулась.
b. *Чтобы морозить на Гавайях, надо, чтобы земля перевернулась.

Перлмуттер и Мур считают, что в (33-a) есть эксплетив в именительном падеже, во всем похожий на английский *it* в (31-a), только нулевой. При переходе от (32-a) к (32-b) местоимение в именительном падеже превращается в местоимение в дательном. Эксплетива в дательном падеже в русском нет, как и в английском. С точки зрения Перлмуттера и Мура, именно поэтому (33-b) оказывается неграмматичным.

В греческом подобных ограничений нет, из чего Перлмуттер и Мур делают вывод, что в греческом нет и нулевых эксплетивов. Показательно, что с точки зрения предложенной Артемис Алексиаду и Элени Анагностопулу [Alexiadou and Anagnostopoulou 1998] типологии EPP в области T в греческом они и не нужны. Там это условие удовлетворяется за счет обязательного передвижения финитного глагола в вершину T, которое не наблюдается ни в русском, ни в английском. Итак, две независимые линии исследования приводят нас к одним и тем же выводам по поводу того, в каких языках есть нулевые эксплетивы, а в каких — нет.

12.4.4. История языка и подведение итогов

Подведем итоги. Мы ответили на поставленные в разделе 12.4.1 вопросы. Глагол в русском языке в норме не поднимается выше *v*. Подлежащие-внешние аргументы обязательно перемещаются в спецификатор TP, а подлежащие-внутренние аргументы делают это, только если являются темами, а иначе остаются в своей исходной позиции, в комплементе VP.

Неноминативные именные группы в начале предложения не проявляют свойств подлежащего, из чего можно сделать вывод, что они находятся не в спецификаторе TP, а в спецификаторе CP. Значит, в спецификатор TP в русском языке могут подниматься только именные группы в именительном падеже. В предложениях, где они остались в своих исходных позициях или вовсе отсутствуют, для удовлетворения условия EPP в области T можно ввести нулевые эксплетивы, по аналогии с английскими ненулевыми. В пользу их существования в русском языке есть и независимые аргументы.

Все это говорит против теорий, согласно которым в русском языке условие EPP в области T в различных конструкциях может быть удовлетворено неноминативными группами. Русский не только не является в этом отношении типологической аномалией, но и неожиданно оказался похож на английский язык, хотя на первый взгляд в их синтаксисе нет ничего общего. Таким образом, в результате мы ответили на теоретический вопрос и выявили ряд интересных особенностей русского синтаксиса.

Между русским и греческим, двумя языками с так называемым свободным порядком слов, напротив, были обнаружены существенные различия. Часто можно услышать, что в таких языках порядок слов вообще не зависит от законов синтаксиса, все определяется актуальным членением предложения, то есть вопросами о том, что является темой, а что ремой, где новая информация, а где данная. Но в таком случае можно бы было ожидать, что языки со свободным порядком слов будут похожи друг на друга. Различия между греческим и русским показывают, что это не так. Мы можем убедиться, что изменения порядка слов, связанные с актуальным членением, накладываются на другие синтаксические операции, которые могут не совпадать в разных языках.

В заключение рассмотрим еще одну любопытную проблему. Алексиаду и Анагнастопулу отмечают, что ЕРР в области Т удовлетворяется за счет передвижения глагола в языках с богатой морфологией, а за счет передвижения подлежащего — в языках с бедной. На первый взгляд, русский язык совершенно выбивается из этой закономерности. Однако, при всем богатстве своей морфологии, в прошедшем времени русский глагол не изменяется по лицу, а именно это, судя по наблюдениям Алексиаду и Анагнастопулу, является ключевым.

Древнерусский язык в этом отношении отличался от современного русского. Привычные нам формы прошедшего времени, которые изменяются только по числу и роду — это бывшие причастия с суффиксом -*л*-, "потерявшие" свой вспомогательный глагол-связку, который изменялся по лицу и числу. Например, *Се сохранилъ тя есть Богъ* переводится на современный русский язык как 'Вот, сохранил тебя Бог'. Вместо древнерусской формы перфекта *сохранил есть* используется форма прошедшего времени *сохранил*. Аналогичные процессы происходили и в других языках, например, в фарси.

Возникает вопрос: как в русском языке действовал ЕРР в области Т до того, как было утеряно согласование по лицу в прошедшем времени? Не был ли древнерусский язык похож на греческий? Ответить на этот вопрос сложно. Подавляющее большинство достаточно ранних текстов написано на старославянском, а не на древнерусском. В дошедших же до нас древнерусских текстах (например, в новгородских грамотах) практически не встречается нужных конструкций, по которым можно бы было проверить эту гипотезу.

Мы можем сказать только, что в старославянских памятниках действительно достаточно много предложений вида V S XP, в частности, V S O. Например, предложение (34) взято из "Повести временных лет", язык которой считается близким к живому древнерусскому языку XI-XII вв. Много таких конструкций и в фольклорных текстах, где часто сохраняются устаревшие слова и обороты: в сказках, в былинах и т.д. В качестве примера приведем (35).

(34) По дъвою же лету умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и прия Рюрикъ власть всю одинъ.

(35) Положила бабка колобок на окошко остывать.

Подобные предложения сохранились и в современном русском языке, превратившись в особые конструкции. Они характерны для анекдотов и повествований “в эпическом ключе”. Иллюстрацией может послужить пример (36). Все это указывает на то, что на определенном этапе русский язык действительно мог быть похож на греческий в отношении EPP в области T.

(36) Купил мужик попугая.

Глава 13

Место морфологии в системе

13.1. Ключевые проблемы, стоящие перед морфологическими теориями

В главе 11 мы видели иерархию функциональных проекций: наречия, связанные с наклонением, временем и видом, а также соответствующие вспомогательные глаголы, если они есть, идут в предложении в строго определенном порядке, а аффиксы присоединяются к глаголу в зеркальном. В связи с этим возникает множество интересных вопросов, которых мы пока не касались. Два из них можно выделить как ключевые.

Первый вопрос заключается в том, где и как аффиксы присоединяются к глаголу. Собственно, этот вопрос мог возникнуть у нас и намного раньше, но на этом примере выглядит особенно выпукло. Обычно считается, что слова со всеми своими формами берутся из лексикона, а потом синтаксис составляет из них предложения. Однако аффиксы выражают те же значения, что и вспомогательные глаголы, подчиняются той же иерархии... Где в лексиконе могут храниться сведения об этой синтаксической иерархии, чтобы присоединять аффиксы в нужном порядке?

Более того, непонятной остается и куда более базовая проблема. В синтаксисе у нас есть операция соединения, чтобы складывать разные элементы друг с другом. Получается, что опера-

ция соединения нужна и в лексиконе, чтобы складывать вместе морфемы? Иначе говоря, выходит, что, если мы хотим собирать формы слов в лексиконе, нам потребуется там свой собственный синтаксис. Чтобы избежать подобного дублирования, были предложены модели, где слова собираются из морфем в синтаксисе точно так же, как предложения из слов. Сравним предложение из турецкого языка (1-a) с его английским аналогом (1-b). При этом мы заметим, что сказуемое и прямое дополнение в турецком предложении являются как бы зеркальным отражением английского (см. [Brody 1997]):

(1) a. John Türkiye-ye gid-ecek-miş.
Джон Турция-в ехать-БУД-ЭВИД
[Cinque 1999]
b. Reportedly, John will go to Turkey.
говорят Джон ВСП ехать в Турция
'Джон якобы собирается ехать в Турцию'.

Преимущества такого подхода ярче проявляются в тех языках, где граница слова намного более размыта, чем в привычных нам русском, английском и других европейских. Например, в североамериканском языке могавк (2-a) или в языке гренландских эскимосов (2-b) в глаголы встроены не только суффиксы, отражающие их грамматические категории и согласование, но и прямые дополнения:

(2) a. Owira'a waha'wahrake.
ребенок мясо-есть.ПРОШ
'Ребенок ел мясо'. [Бейкер 2008]:93]
b. Arnajaraq eqalut-tur-p-u-q.
Арнаярак.АБС лосось-есть-ИЗЪЯВ-[-ТР]-ЗЕД
'Арнаярак ел лосось'. [van Geenhoven 1998]

Во-вторых, ни в одном языке нет вспомогательных глаголов или аффиксов, соответствующих каждой вершине в иерархии функциональных проекций. В турецком предложении (1-a) мы видели морфему, выражающую косвенную эвиденциальность (грамматическая категория, с помощью которой действие глагола представлено через призму общественных знаний и домыслов — 'слу-

хами земля полнится').

Как обстоят дела с функциональной иерархией в русском языке? По большей части наречия в нем идут в порядке, описанным Чинкве [Cinque 1999] (см. главу 11). Даже если мы найдем для порядка следования наречий независимые объяснения, как предлагают некоторые оппоненты Чинкве, точно можно сказать, что носителям русского языка доступно, скажем, значение хабитуалиса (есть соответствующие наречия, есть глаголы типа *хаживать*) или эвиденциальности (есть частицы *де* и *мол*), так же, как и носителям турецкого, в котором эти категории систематически выражаются морфемами.

Получается, что, когда мы говорим, мы знаем, является ли ситуация повторяющейся и привычной, по мере необходимости и возможности подчеркиваем это, выбирая особый глагол или наречие, просто у нас нет соответствующей морфемы в виде вспомогательного глагола или аффикса. Все это наводит многих генеративистов на мысль, что иерархия функциональных проекций есть во всех языках. Как же совместить это с отсутствием морфем? Можно предположить, что, строя предложение, мы используем не конкретные грамматические морфемы, а грамматические признаки. Когда же структура уже готова, мы можем выбрать в лексиконе те морфемы, которые наиболее точно ей соответствуют.

Рассмотрим еще несколько примеров:

(3) a. Андрей бо**ит**ся волков.
b. А ты бо**ишь**ся волков?
c. Они бо**ят**ся всего на свете.

(4) a. Света купи**ла** помаду.
b. Иван купи**л** велосипедный шлем.
c. Мы купи**ли** пылесос!

Если в (4) мы воспринимаем звук /л/ как отдельный элемент, представляющий отдельный признак ([прошедшее]), то последующий звук выражает сразу два признака: [число] и [род]. Действительно, принято считать, что *-л-* — суффикс прошедшего времени, а ∅/ *-а/ -и* — окончания согласования по роду и числу. Ситуация в (3) еще сложнее, ведь, например, *-ишь* совершен-

но не раскладывается на отдельные элементы, но мы понимаем, какие признаки выражаются этим окончанием — [настоящее], [2 лицо], [ед. число]. Итак, мы видим, насколько сложны самые привычные для нас морфемы вроде *-л-*, *-а*, *-ишь*, с точки зрения синтактико-семантического интерфейса LF.

Кроме того, примеры (3) и (4) показывают, что в русском языке фонологическая реализация ϕ-признаков временной вершины зависит от значения самой вершины. В настоящем времени мы видим признаки [лицо] и [число], а в прошедшем — [число] и [род]. Это еще один аргумент в пользу того, что морфемы можно выбирать только тогда, когда уже готова вся структура. Также можно заметить, что признак времени интерпретируемый, а ϕ-признаки — нет. Таким образом, фонологическая форма морфем совершенно не связана с присутствием или отсутствием смысла у тех признаков, которым они соответствуют.

13.2. Два подхода к морфологии

Правила на интерфейсах и их последствия для озвучивания построений вычислительной системы — вопрос неоднозначный и, как следствие, не имеющий единственно правильного ответа.

Прежде, чем его затронуть, следует обратиться к наиболее авторитетным взглядам на морфологию в рамках последних разработок генеративизма.

Существует два основных подхода к взаимодействию лексикона и вычислительной системы: **нелексикалистский** и **лексикалистский**.

Нелексикалистский подход воплощает представленную выше идею, что существует единая вычислительная система, через которую проходят словарные единицы разных размеров. Она отвечает и за создание слов из морфем, и за создание из слов предложений. Согласно лексикалистскому подходу, комбинаторные процессы идут не только в синтаксисе, но и в лексиконе. Основной минус лексикалистского подхода в том, что он заведомо неэкономен: получается, что нам требуется две вычислительные системы (или два модуля одной системы), один из которых оперирует в лексиконе, а другой — в синтаксисе [Embick and Noyer 2008]. Во многом сходные процессы разносятся по принципиаль-

но разным частям грамматики. Алек Марантц [Marantz 1997] так пишет о лексикализме:

(5) Лексикализм: слова создаются в Лексиконе, с помощью процессов, отличных от синтаксических процессов, объединяющих морфемы/слова. Связи между какой-то частью фонологической системы и какой-то частью структуры/значения устанавливаются в Лексиконе, в то время, как связи между другими фонологическими аспектами и другими аспектами структуры/значения образуются в ходе синтаксической деривации (и после нее).

О лексикализме мы кратко напишем в конце этой главы. Основная же ее часть будет посвящена наиболее влиятельной теории в рамках нелексикалистского подхода — распределенной (дистрибутивной) морфологии.

13.3. Распределенная морфология

Повторим, что одним из наиболее влиятельных направлений нелексикалистского подхода является **распределенная морфология** (Distributed Morphology, DM), чьими авторами считаются Алек Марантц и Моррис Халле [Halle and Marantz 1993] (см. также [Harley and Noyer 1999; Embick 1998; Embick and Noyer 2008; Marantz 1997], и др.). Разные варианты нелексикалистского подхода отличаются друг от друга некоторыми деталями, но все они стоят на следующих постулатах:

1. Словарь каждого отдельного языка включает список корней, не имеющих категориальных признаков: корни получают их в синтаксической структуре

2. Существует универсальный инвентарь признаков, которые в каждом отдельном языке получают конкретное озвучивание в позиции функциональных вершин по фонологическим законам этого языка и становятся окончаниями, суффиксами, приставками, вспомогательными глаголами и другими грамматическими морфемами

3. Словарный материал недоопределен (многие морфемы могут выражать несколько разных признаков)

4. Грамматические морфемы вставляются в самом конце деривации — после того, как произойдут все синтаксические операции. Этот постулат называется **поздней вставкой** (Late Insertion)

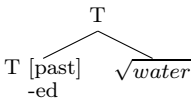
5. Фонологические законы, придающие форму функциональному материалу, взаимодействуют с уже озвученным контекстом (то есть с синтаксическим деревом, куда уже вставлены морфемы)

Распределенная морфология получила свое название за то, что морфологические процессы распределены между вычислительной системой, в которой предложения складываются не из слов и даже не из морфем, а из универсальных признаков, и перцептивно-фонетическим компонентом на интерфейсе PF, где получившиеся структуры озвучиваются при помощи конкретных морфем данного языка. Разные исследователи добавляют пункты к списку постулатов выше или видоизменяют уже существующие — так обычно работает любая наука, связанная с конкретными явлениями природы, потому что природа все время поставляет новые неизученные факты. Развитие идей распределенной морфологии привело к появлению таких радикальных направлений, как, например, неоконструкционализм [Borer 2005] и наносинтаксис ([Starke 2009], http://nanosyntax.auf.net). Дополнительный толчок к развитию РМ дала гипотеза Гильельмо Чинкве об универсальной иерархии функциональных вершин [Cinque 1999], [1], рассмотренная нами в главе 11, хотя сам Чинкве не является сторонником этого морфологического направления.

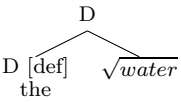
Вспомним пример, приведенный в главе о лексических категориях: в английском языке без контекста невозможно определить, к какой категории относится слово *water* — к глаголу или существительному. Согласно распределенной морфологии, мы сталкиваемся здесь с двумя возможными сценариями, показанными ниже на конкретных примерах:

[1] См. также работу [Julien 2002], где на примере 530 языков изучается эта гипотеза именно с точки зрения морфологии.

(6) a. Глагол



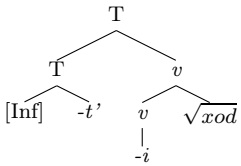
b. Существительное



Мы видим, что в контексте времени *water* получает категориальный статус глагола, а в контексте артикля — категориальный статус существительного. Есть и другой, более поздний подход (см., например, [Marantz 2006])]: категория, к которой принадлежит слово, определяется не функциональным контекстом, таким, как время или референция, а особой вершиной, комплементом которой оказывается корень. Иначе говоря, категориальный признак становится самостоятельной функциональной вершиной. Чтобы показать это, над корнем ставится маленькая буква, соответствующая категории. Тогда $\sqrt{water}$ вставленная под v будет глаголом, а под n — существительным.

В пользу второго подхода есть ряд аргументов. Разберем здесь один, связанный с присутствием тематических гласных в славянских языках (см. [Jabłońska 2007]). Возьмем, например, корень *ход*. Мы заметим, что существительное и глагол будут выглядеть по-разному (в отличие от английских слов типа *water*): на конце глагола мы увидим *-ить*. Если *-ть* — звуковое оформление инфинитивного признака [Inf], то что такое *-и*? А *-и* — и есть тематический гласный. По мнению Алека Марантца и Морриса Халле [Halle and Marantz 1993], тематические гласные не озвучивают никаких формальных или семантических признаков, они лишь определяют тип спряжения глагола. В [Jabłońska 2007] и [Romanova 2007] выражается несколько иное мнение: тематические гласные являются фонетической реализацией категориальных признаков:

(7)



И в английском, и в русском примерах над глаголом есть временная вершина, которая, как мы помним, несет интерпретируемые

признаки времени: в (6-а) — [past] (‘прошедшее’), а в (7) — [Inf] (‘инфинитив’). Признаки, согласно постулатам, которые мы сейчас разбираем, являются универсальными: во всех языках есть [Inf], [past], [pres] (‘настоящее’) и др. В английском языке их фонетическая форма будет такова:

(8) [Inf] *tə*: *to come*
[past] *d*/ *ɪd*/ *t*: *borrowed*/ *divided*/ *stopped*
[pres] *s*/ *iz*/ *z*/ ∅: *stops*/ *stresses*/ *borrows*

В русском мы увидим гораздо более длинный список морфем для признака [pres]:

(9) [Inf] *t’*: *думать*
[past] *l*: *думал, думала, думали*
[pres] *u*/ *ʃ*/ *t*/ *m*/ *te*/ *ut, at*: *думаю, думаешь, думает, думаем, думаете, думают*/ *хотят*

Примеры показывают, что признак инфинитива систематически озвучивается одним и тем же способом как в английском, так и в русском языке, хотя способ этот для каждого языка разный. Что касается признака прошедшего времени [past], в английском мы видим значительно больше вариантов его озвучивания, чем в русском, где наблюдается всего один. Ситуация с признаком настоящего времени [pres] сложна в обоих языках, причем в русском мы сталкиваемся с особенно многообразными фонетическими версиями этого признака.

13.3.1. Алломорфы

В английском языке наличие нескольких фонетических вариантов одного признака в прошедшем времени связано с алломорфией, о которой мы расскажем в этом разделе. Что же касается настоящего времени, то отчасти многообразие реализаций также связано с алломорфией, а отчасти — с тем, что суффикс *-s* в английском языке — это морфема-портманто. Морфема-портманто одновременно озвучивает пучок признаков (*feature bundle*); в данном случае это время и ϕ-признаки лица и числа. В русском языке признак настоящего времени в фонологическом

компоненте также соединяется с ϕ-признаками лица и числа, которые через операцию согласования попадают на глагол.

В английском языке согласование затрагивает исключительно третье лицо единственного числа и нетретье лицо единственного числа/ множественное число, в то время, как в русском — все лица и числа. В случае с нетретьим лицом единственного числа и множественным числом в английском принято считать, что согласование все же имеет место, и его фонологическим выражением является тишина, $\emptyset$.

Как же работает алломорфия? Это вопрос довольно сложный, и затрагивает он исключительно фонетический компонент. **Алломорфы** — это морфемы, которые выражают абсолютно одинаковые формальные признаки, но отличаются по звучанию. Это отличие зависит от фонетического или иногда более многопланового контекста. В [Halle and Marantz 1993] приводится пример правильных и неправильных английских глаголов. Эти классы называются также слабыми и сильными, и в дистрибутивной морфологии им соответствуют признаки [-strong] ('слабый') и [+strong] ('сильный'). В контексте признака [+strong] морфема, выражающая признак [past], будет иметь нулевое звучание, $\emptyset$ (*put, beat*). Если же глагол обладает признаком [-strong], фонетическая форма морфемы будет напрямую зависеть от фонетической формы последнего согласного основы, как мы уже видели в (8): после глухого согласного [past] озвучивается, как /t/, после звонкого — как /d/, а после смычного альвеолярного (/t, d/) — как /ɪd/. В русском языке хорошей иллюстрацией алломорфии может служить приставка *бес-*, озвучивающая семантический признак отсутствия: если корень начинается с глухого согласного, приставка оканчивается на /s/, если корень начинается со звонкого согласного или гласного, приставка оканчивается на /z/:

(10) *бесполезный*, *бездумный*, *безумный*

В каком же виде алломорфы хранятся в лексиконе? Представлены ли они там в виде списка, аналогичного тем, что приводились в (8) и (9)? Многие исследователи, включая сторонников распределенной морфологии и смежных с ней теорий, так и считают. На основе эмпирических данных они выводят иерархию

фонетических форм, выражающих одни и те же формальные и семантические признаки, и устанавливают правила, согласно которым происходит **вставка лексического материала** (lexical insertion) в синтаксическую структуру.

13.3.2. Синкретизм

Существует также немало случаев, которые выглядят почти противоположными алломорфии. Например, в английском языке /d/ может озвучивать совершенно разные признаки, такие, как [past] или [prtcpl] ('причастие'):

(11) a. John saved a kitten.
Джон спас ART котенка
'Джон спас котенка.'
b. The kitten was saved by John.
ART котенок был спасен BY Джон
'Котенок был спасен Джоном.'

В русском и во многих других языках эти признаки будут озвучены по-разному, что лишний раз доказывает особенность фонетического компонента и правил PF для каждого отдельно взятого языка. Но и для русского языка мы можем привести длинный список подобных случаев. Возьмем, например, нашу падежную систему. Определить падеж в следующей паре предложений довольно сложно:

(12) a. Я вижу Ивана.
b. Я приду без Ивана.

Несмотря на одинаковое звучание, мы можем определить падеж именных групп *Ивана*, обратив внимание на формальные признаки в обоих предложениях. Так как в (12-a) существительное является прямым дополнением глагола, мы знаем, что оно несет неинтерпретируемый признак структурного винительного падежа. В (12-b) существительное следует за предлогом с селективным признаком [GEN], то есть требующим комплемента в родительном падеже — мы можем удостовериться в этом, соединив *без* с неодушевленными существительными, у которых форма родительного падежа ни с чем не совпадает (*без кошелька, без*

денег). Следовательно, падеж *Ивана* будет родительным. Признаки разные, а фонетическая их реализация одинаковая.

В таких случаях говорят о недоопределенности лексических единиц. Считается, что морфемы существуют в лексиконе в таком, недоопределенном, виде, и потому могут использоваться для выражения разных признаков внутри одного языка.

Итак, мы видим, что морфологическая структура зачастую отражает несоответствия между формально-семантическими признаками и фонологической формой слова. В лексикалистских подходах, где синтаксис изначально оперирует с конкретными морфемами или даже с целыми словами, причины существования подобных несоответствий оказываются намного более загадочными, чем в распределенной морфологии. К таким несоответствиям относятся:

- Озвучивание неинтерпретируемых признаков: мы говорили, что в результате операции согласования неинтерпретируемые признаки стираются, а интерпретируемые остаются, чтобы подвергнуться обработке на интерфейсах. Однако в некоторых случаях неинтерпретируемые признаки все же видны на PF. Например, формальные ϕ-признаки лица, числа и рода стираются на вершине T в вычислительной системе и не имеют интерпретации в семантико-концептуальном компоненте, однако озвучиваются на интерфейсе PF.

- Нулевые морфемы: некоторые формальные признаки видны на интерфейсе LF и, следовательно, подвергаются интерпретации в семантико-концептуальном компоненте, но имеют нулевую фонетическую реализацию. В качестве примера можно привести уже упоминавшийся выше признак [past] в контексте глагольного признака [strong] ‘сильный’ в английском языке или признак [specific] (‘специфичный’) в русском в контексте аспектуального признака [perf] (‘совершенный вид’):

  (13) Маша выпила сок$_{[\text{specific}]}$.

- Недоопределенность лексических единиц: одна и та же еди-

ница соответствует разным наборам признаков. Например, в английском лексическая единица *sink* ‘топить/тонуть’ используется PF для озвучивания как варианта с признаком [caus] (каузативный, как в *топить*), так и варианта с признаком [inch] (инхоативный, как в *тонуть*) [Halle and Marantz 1993]

13.3.3. Нелексикалистские подходы: выводы

Подведем итоги нашему краткому рассмотрению нелексикалистских подходов к изучению морфологии. Их применение приводит к интересным результатам:

1. Отсутствие границы не только между морфологией и синтаксисом, но и между словообразовательной и словоизменительной морфологией. Выше мы разбирали примеры с приставкой *без-*. Можно заметить, что эта приставка озвучивает семантический признак отсутствия точно так же, как другие морфемы озвучивают такие грамматические признаки, как время, число, падеж и т.д. Только в первом случае получаются новые слова, а во втором новые словоформы. Как мы видели выше, озвучивание интерпретируемых и неинтерпретируемых признаков происходит по сходным законам на интерфейсе PF.

2. Размывание понятия слова [Embick and Noyer 2008] и даже морфемы ([Starke 2009], http://nanosyntax.auf.net), так как озвучивание формальных и семантических признаков может происходить в любых масштабах и в разных языках по-разному. Иногда много признаков озвучивается одной морфемой, а иногда морфема или даже целое слово соответствуют одному признаку. Скажем, в английском признак [def] (‘определенный’) реализуется отдельно стоящей морфемой /ðə/, что является исторической случайностью, потому что в родственных ему скандинавских языках этот признак может быть представлен как суффикс, например, /en/ в норвежском:

   (14) a. Английский: *the car* ‘[def] автомобиль’

b. Норвежский: *bilen* ‘автомобиль[def]’

3. Морфологические операции распределяются между синтаксисом и постсинтаксической вставкой лексического материала на PF, отсюда и термин ‘распределенная морфология’. Собственно синтаксические операции на перцептивно-фонетическом интерфейсе происходить не должны.

4. Морфология связывает вычислительную систему с перцептивно-фонетической через правила, действующие на интерфейсе PF.

13.4. Лексикализм как альтернатива PM

Несмотря на силу распределенной морфологии, которая заключается в достаточно успешной унификации анализа синтаксических операций на разных уровнях деривации, в пользу лексикалистского подхода также есть веские аргументы. Один из основных — это отличие процессов, идущих в лексиконе, от идущих в синтаксисе.

Так, процессы построения словоформ из морфем часто демонстрируют меньшую регулярность по сравнению с процессами построения групп и предложений из словоформ. В классической статье [Chomsky 1970] сравнивается образование герундивов и отглагольных существительных в английском языке: в то время как первые (*destroying* ‘уничтожение’, *proving* ‘доказывание’) регулярно образуются от любого английского предиката при помощи суффикса *-ing*, сохраняя лексическую семантику исходного глагола, образование вторых (*destruction* ‘уничтожение’, *proof* ‘доказательство’) менее продуктивно, морфологически нерегулярно и во многих случаях сопровождается дополнительными семантическими или синтаксическими особенностями. Таким образом, образование отглагольных существительных не может описываться регулярными правилами, принадлежащими синтаксическому компоненту. Сам Ноам Хомский не постулировал специальных лексических правил, ответственных за словообразование, он просто выступал за включение единиц типа

destruction и *proof* в состав лексикона. Кроме того, основные аргументы в пользу такого включения он видел скорее во (вполне регулярных) особенностях синтаксического поведения соответствующих единиц. Тем не менее, работа [Chomsky 1970], оказавшая огромное влияние на дальнейшее развитие проблематики морфолого-синтаксического интерфейса, многими рассматривается как отправная точка лексикализма.

Впоследствии внутри лексикалистского подхода выделились два направления. Сторонники **сильного лексикализма** (strong lexicalism) полностью выводят морфологические процессы за рамки синтаксиса. С их точки зрения, синтаксические правила могут иметь дело только с целыми словами и единственной точкой соприкосновения синтаксиса с морфологией/лексиконом является операция вставки (insertion). Лежащий в основе сильного лексикализма **принцип лексической цельности** (Lexical Integrity Principle) можно сформулировать следующим образом:

(15) Принцип лексической цельности:
Никакое синтаксическое правило не может оперировать элементами морфологической структуры. [Lapointe 1980, стр.8]

Сильный лексикализм предполагает строгое разграничение синтаксиса и морфологии, в частности, приписывает особый статус такой единице как слово. В этом слабость данного подхода, ибо существует масса свидетельств, ставящих под сомнение возможность выделить слово на основании единых общеязыковых критериев (см. [Marantz 1997; Haspelmath 2011] и цит. лит.).

Слабый лексикализм (weak lexicalism) допускает, что какая-то часть морфологии прозрачна для синтаксиса. В наиболее распространенной версии предполагается, что словообразование происходит в синтаксисе, в то время как словоизменение управляется синтаксическими правилами.

Читателей, которых интересует данное направление, мы отсылаем к следующим работам: [Ackerman and Webelhuth 1997; Blevins 2001; Stump 2001; Spencer 2001, 2004; Spencer and Sadler 2001] и др.

В этой главе мы рассказали только о небольшой части морфологических исследований, но, надеемся, смогли показать, что

синтаксис и морфология тесно связаны, хотя природа этой связи еще не ясна нам. На вопросы о том, где лежит граница между ними и насколько она иллюзорна, каждый генеративист отвечает для себя сам. Как часто бывает в случаях с двумя альтернативами, и нелексикалистские, и лексикалистские теории вносят свой вклад в развитие наших представлений о языке.

Глава 14

Теория связывания

Эта глава посвящена теории связывания. Она всегда была для генеративной грамматики одной из ключевых областей исследования — недаром она упомянута в названии одного из этапов развития генеративизма. Чтобы не утонуть в колоссальном объеме литературы, мы приняли решение познакомить читателя с рядом базовых понятий, представить так называемую классическую теорию связывания, сформулированную в начале 1980-х годов, а затем рассказать об одном из конкурирующих подходов, пришедших ей на смену, - о теории, разработанной Эриком Ройландом и Таней Райнхарт [Grodzinsky and Reinhart 1993; Reinhart 1983, 2000; Reinhart and Reuland 1993; Reuland 2001, 2010].

Таким образом, не делая главу чрезмерно длинной и трудной для понимания, мы сможем отследить на этом примере одну важнейшую тенденцию — как генеративная грамматика эволюционирует под действием двух факторов: (1) минималистского стремления избавить теорию от всего лишнего и (2) накопления типологических данных. К сожалению, это значит, что другие современные подходы останутся за кадром, при том, что некоторые из них имеют огромное значение не только для своей области, но и для генеративного синтаксиса в целом [Boeckx et al. 2008; Hicks 2009; Hornstein 2001; Kayne 2002; Safir 2004a,b; Zwart 2002]. Не будет затронут и целый ряд важных проблем, обсуждающихся в рамках теории связывания на протяжении многих

лет. Получить о них некоторое представление можно, например, в специализированном учебнике [Büring 2005].

14.1. Чем занимается теория связывания

Чтобы понять, чем занимается теория связывания, а также чем она не занимается, рассмотрим несколько примеров. Все они взяты из английского языка, так как изучение связывания в генеративной традиции началось именно с него. Чтобы показать, какая интерпретация местоимений подразумевается в том или ином предложении, используются индексы. Например, предложение в (1-b) неграмматично, если *her* ‘ее’ значит ‘Мэри’, но было бы правильным, если бы местоимение отсылало к какой-то другой особе женского пола.

(1) a. Mary$_i$ praised herself$_i$.
Мэри похвалила себя.ЖЕН
‘Мэри$_i$ похвалила себя$_i$ (саму)’.
b. *Mary$_i$ praised her$_i$.
Мэри похвалила ее
‘*Мэри$_i$ похвалила ее$_i$’ (в значении ‘Мэри похвалила себя’).

(2) a. Mary$_i$ expected John to praise her$_i$.
Мэри ожидала Джон ИНФ хвалить ее
‘Мэри$_i$ ожидала, что Джон похвалит ее$_i$.’
b. *Mary$_i$ expected John to praise herself$_i$.
Мэри ожидала Джон ИНФ хвалить себя.ЖЕН
‘*Мэри$_i$ ожидала, что Джон похвалит себя$_i$ (саму)’ (В значении ‘...что Джон похвалит ее саму’).

Почему *herself* ‘(саму) себя’ может отсылать к Мэри в (1-a), но не в (2-b)? Почему *her* ‘ее’, напротив, может означать ‘Мэри’ в (2-a), но не в (1-b)? Ответы на подобные вопросы и дает теория связывания. Сам термин *связывание* будет объяснен в следующем разделе.

При этом многие другие проблемы, имеющие отношение к интерпретации местоимений, остаются за рамками теории свя-

зывания. Скажем, в (3) *she* ‘она’ может быть и Мэри, и Энн. Интерпретация ‘Мэри’ кажется носителям языка более вероятной, однако предпочтения могут измениться, если мы поместим эти предложения в более широкий контекст или используем другой глагол, скажем, *saw* ‘увидела’.

(3) Mary looked at Ann. She was angry.
‘Мэри посмотрела на Энн. Она была рассержена.’

Тем, какая из нескольких грамматически допустимых интерпретаций местоимения окажется предпочтительной, занимаются теория центрирования и ряд других теорий, ориентированных на анализ дискурса [Walker et al. 1998; Mitkov 2002]. Цель теории связывания — очертить круг таких допустимых интерпретаций, объяснить, почему одни предложения являются грамматичными, а другие нет.

Введем несколько терминов. В (1)–(2) Мэри является по отношению к местоимениям *her* и *herself* **антецедентом** (antecedent), поскольку оба эти местоимения отсылают читателя/слушателя именно к Мэри. При этом *her* в (2-а) может отсылать не только к ней, но и к какой-то другой особе женского пола, упоминавшейся в тексте ранее или даже просто присутствующей в визуальном контексте. Говорить ‘она’, ‘ее’, указывая пальцем или кивая головой в сторону стоящей рядом дамы, могут помешать правила хорошего тона, но никак не правила грамматики[1]. В генеративной традиции элементы типа *her*, а также русские личные местоимения вроде *я, он, мне, наших* и т.п., называются **прономиналами**.

Антецедент *herself* должен находиться в том же предложении, что и само местоимение. Для подобных элементов используется термин **анафо́р** (anaphor)[2]. В русском языке к анафорам относятся такие местоимения, как *себя, свой, друг друга.* Прономиналам и анафорам противопоставлены неместоименные именные группы, например, *Вася, директор, директор большо-*

[1]В таких случаях местоимение не имеет лингвистического антецедента и употребляется дейктически (слово *дейксис* по-древнегречески означает ‘указание’).

[2]Такой неологизм был введен потому, что английское слово *anaphora* или русское *анафора* имеет намного более широкое значение.

го предприятия... В этом контексте их принято называть **референциальными выражениями** (referential expressions или R-expressions).

При этом некоторые исследователи-негенеративисты (например, [Tomasello 2003]) считают, что теория связывания не нужна: правила употребления местоимений зависят только от таких вещей, как коммуникативные интенции, прагматические принципы и т.д. Например, *herself* используется вместо *her*, когда нам нужно снять неоднозначность. Однако остается непонятным, почему нам необходимо избавиться от нее в (1-a), но не в (2-a) — в этом случае вариант с *herself* невозможен, хотя *her* может отсылать не только к Мэри. Таких примеров множество, и объяснить их пока может только теория связывания.

14.2. Связывание и кореференция

В предыдущем разделе мы установили, что теория связывания занимается правилами интерпретации различных местоимений. Точнее, она описывает, какие интерпретации допустимы, а какие нет, но не какие из нескольких возможных интерпретаций окажутся предпочтительными. Чтобы познакомиться с ней поближе, разберемся, какие в принципе есть способы установления связи между местоимениями и их антецедентами. Начнем с примеров (4):

(4) a. Мальчик ушел.
b. Правильно ли он сделал?

Он в (4-b) может отсылать к любому упоминавшемуся ранее лицу мужского пола. Когда это предложение следует за (4-a), местоимение, вероятнее всего, указывает на того же человека, который является референтом именной группы *мальчик*. Это называется **кореференцией** (coreference), то есть “совместной референцией”: имеется в виду, что *мальчик* и *он* имеют одного референта во внешнем мире. Теперь рассмотрим (5):

(5) a. Мальчик$_i$ жалел, что он$_i$ ушел.
b. Каждый мальчик$_i$ жалел, что он$_i$ ушел.
c. Никто$_i$ не жалел, что он$_i$ ушел.

Заметим, что местоимение *он* в этих предложениях может быть опущено, но все равно интерпретируется. Из (5) явствует, что он может отсылать не только к таким именным группам, как *мальчик*, но и к таким, как *каждый мальчик* или *никто*. Кореференция с именными группами типа *каждый мальчик* или *никто* невозможна. Местоимение не может указывать на тот же референт, что и они, так как у них нет референта, они не указывают на какого-то человека или группу людей во внешнем мире.

Предложения (5-b)–(5-c) интерпретируются при помощи **связывания** (binding). Эта операция осуществляется на интерфейсе между синтаксисом и семантикой. Для ее описания нам потребуются некоторые инструменты из арсенала формальной семантики: способ записи с λ-операторами и переменными, обозначаемыми конечными буквами латинского алфавита. Так как углубленное его изучение заняло бы у нас слишком много времени, познакомимся с ним в упрощенном виде. Рассмотрим сперва несколько простых примеров:

(6) a. Каждый мальчик ушел.
b. Каждый мальчик (λx (x ушел)).

Не вдаваясь в технические детали, можно сказать, что (6-b) значит следующее: *каждый мальчик* является таким x, про которого можно сказать, что x *ушел*. Выражения типа *(λx (x ушел))* называют λ-предикатами. Они обозначают свойства: например, ‘быть таким x, который ушел’. Выражение *каждый мальчик* является аргументом λ-предиката. Принято говорить, что λ-оператор связывает переменную x. Таким образом, понятие связывания относится не только к интерпретации местоимений — есть еще один тип связывания, устанавливающий зависимости между операторами и переменными.

Интерпретация выражений типа *каждый мальчик* обычно контекстно ограничена, то есть имеется в виду не множество всех мальчиков на свете, а множество всех мальчиков, о которых до этого шла речь. Предположим, что перед тем, как прозвучало (6-a), речь шла о Ване, Диме и Пете. Значит, чтобы проверить истинность (6-a), надо поставить на место x Ваню, Диму и Петю. Ваня ушел? Да. Дима ушел? Да. Петя ушел? Да. Значит, (6-a) истинно. Теперь посмотрим на предложение (7-a).

(7) a. Никто не ушел.
b. Никто (λx (x ушел)).

Ясно, что мы не можем найти какого-то *никто* и проверить, не ушел ли он. Однако способ записи с λ-операторами и переменными работает. Интерпретация *никто* обычно контекстно ограничена, как и интерпретация групп типа *каждый мальчик*. Имеется в виду 'ни один член того множества, о котором до этого шла речь'. Если мы говорили о Ване, Диме и Пете, надо подставить каждого их них на место x и проверить, ушли они или нет. Если нет, (7-a) истинно.

Теперь разберемся, что происходит в (5-b)–(5-c). С одной стороны, очевидно, что, например, в (5-b) *он* как-то привязывается к выражению *каждый мальчик*. Однако сказать, что *он* — это каждый мальчик, невозможно. Если мы говорим о Пете, Ване и Диме, *Каждый мальчик жалел, что каждый мальчик ушел* означает: Петя жалел, что ушли Ваня, Дима и он сам и т.д. Между тем, у (5-b) другая интерпретация: Петя жалел, что Петя ушел, Ваня жалел, что Ваня ушел, Дима жалел, что Дима ушел. Без записи с λ-операторами и переменными такую интерпретацию не получить, а с использованием такой записи описать ее элементарно. Надо просто заменить *он* на переменную x:

(8) a. Каждый мальчик (λx (x жалел, что x ушел)).
b. Никто (λx (x жалел, что x ушел)).

Итак, на интерфейсе между синтаксисом и семантикой местоимения могут быть превращены в переменные, интерпретация которых будет зависеть от других выражений. В этом случае и принято говорить о связывании местоимений, которое иногда называют А-связыванием, чтобы отличать от установления зависимостей между операторами и переменными[3].

[3]Точное определение такое:

(i) α А-связывает β тогда и только тогда, когда α является сестрой λ-предиката, оператор которого связывает β.

Выражение *каждый мальчик* в (5-b) — сестра λ-предиката (имеется в виду структурное понятие сестринства, т.е. то, что это выражение соединяется с λ-предикатом). λ-оператор этого предиката связывает переменную x, в

Если же не заменять местоимения на переменные на синтактико-семантическом интерфейсе, их надо будет интерпретировать при помощи кореференции. В (5-b) для этого пришлось бы найти в предшествующем контексте какого-то человека мужского пола, об уходе которого жалели все мальчики. Таким образом, в (5-b) возможны и связывание, и кореференция. Эти две операции дают нам разные интерпретации, и то, какая именно интересует нас в каждом конкретном случае, можно показать при помощи индексов. То же самое можно сказать и про (5-c).

А как обстоят дела в (5-a)? Считается, что (5-a) также может быть интерпретировано и при помощи связывания, и при помощи кореференции. Связывание дает интерпретацию, где *он* — это *мальчик*. Ее также можно получить при помощи кореференции. Кроме того, кореференция позволяет отнести местоимение *он* к какому-то другому упомянутому ранее лицу мужского пола.

Итак, связывание и кореференция зачастую дают на выходе идентичный результат. Как проверить, что эти две одинаковые интерпретации действительно существуют? Добавим к предложению *только*, и между ними появятся различия:

(9) Только мальчик жалел, что он ушел.

Можно убедиться, что у этого предложения три интерпретации. (9) может означать ‘только мальчик жалел, что он ушел, а другие люди не жалели, что ушли’ и ‘только мальчик жалел, что он ушел, а другие люди не жалели, что он ушел’. Кроме того, он может отсылать не к мальчику, а к другому лицу мужского пола. Первую интерпретацию нам дает связывание, она показана в (10), а вторую и третью — кореференция.

(10) Только мальчик (λx (x жалел, что x ушел)).

(10) означает, что только мальчик является таким x, что x жалеет об уходе этого x (а другие, соответственно, таким свойством не обладают). Этим и объясняется, почему в случае кореференции мальчик противопоставляется тем, кто не жалеет об уходе какого-то конкретного человека — его самого или кого-то друго-

которую превратилось местоимение *он*. Таким образом, можно сказать, что *каждый мальчик* связывает местоимение *он*.

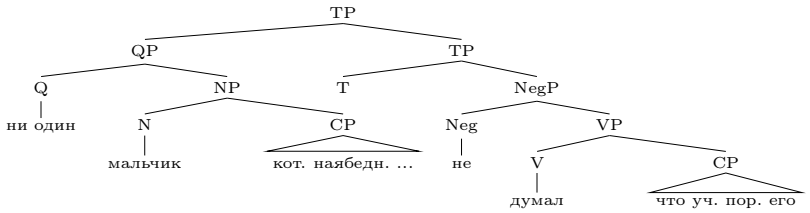
го, а в случае связывания — тем, кто не жалеет о собственном уходе.

В предыдущих главах мы говорили о том, что многие грамматические явления возможны только при с-командовании. Это верно и для связывания. По мере развития генеративной грамматики представления о связывании очень сильно изменились, но это обобщение выдержало испытание временем и присутствует во всех моделях. Как мы видели в разделах 7.2 и 10.3, в тех конструкциях, синтаксическая структура которых вызывает сомнения, связывание используется как тест на с-командование. Это одна из причин, по которым оно играет в генеративной грамматике такую важную роль.

Например, (11-a) неграмматично, если подразумевается, что *его* — это *каждого одноклассника*. Как показывает упрощенное дерево в (11-b), группа *каждого одноклассника* находится внутри придаточного, в глубине левой ветви, и не с-командует местоимением. При этом *его* может отсылать к именной группе *ни один мальчик* — хотя она и дальше от него, чем группа *каждого одноклассника*, она им с-командует. Как мы говорили выше, кореференция с такими выражениями, как *каждый одноклассник* и *ни один мальчик*, невозможна, так как они не имеют референта во внешнем мире.

(11) a. Ни один мальчик, который наябедничал на каждого одноклассника, не думал, что учительница поругает его.

b.



Кореференция не является внутриграмматической операцией, поэтому она, как и ожидается, не ограничена с-командованием. Если в (11-a) заменить *каждого одноклассника* на *Васю*, сразу станет возможно получить интерпретацию, где *его* — это *Васю*.

(12) Ни один мальчик, который наябедничал на Васю, не думал, что учительница поругает его.

На первый взгляд, (13) противоречит правилу, согласно которому для связывания необходимо с-командование. Однако Эрик Ройланд, который разбирает такие примеры в своей книге, показывает, что это лишь видимое исключение [Reuland 2010].

(13) Every girl$_i$'s father loves her$_i$.
каждой девочки отец любит ее
'Отец каждой девочки любит ее'.

Очевидно, что с-командование возможно только в рамках одного предложения. Именно поэтому неграмматичны примеры (14-b) и (15-b). В силу отсутствия с-командования *каждый мальчик* и *никто* не могут связать местоимения, а кореференция с такими выражениями невозможна.

(14) a. Каждый мальчик$_i$ ушел.
b. *Правильно ли он$_i$ сделал?

(15) a. Никто$_i$ не ушел.
b. *Правильно ли он$_i$ сделал?

В предыдущем разделе мы разделили местоимения на прономиналы и анафоры. Можно заметить, что все примеры, иллюстрирующие кореференцию и связывание в этом разделе, содержали прономиналы. Анафоры могут быть интерпретированы только при помощи связывания. Это понятно и на интуитивном уровне: нельзя использовать местоимения типа *себя* или *himself*, просто отсылая к какому-то упомянутому ранее человеку. Антецедент таких местоимений должен находиться в том же предложении, что и они сами.

Итак, в этом разделе мы познакомились с двумя способами установления зависимости между местоимениями и их антецедентами: кореференцией и связыванием. В разделе 14.1 мы говорили о том, что местоимения могут также употребляться дейктически. В этом случае они не имеют лингвистических антецедентов: например, можно просто указать на кого-то и сказать *он*.

Связывание происходит “внутри грамматики”, на интерфейсе между синтаксисом и семантикой и потому ограничено с-командованием. Кореференция же относится к тому этапу, когда содержащаяся в предложении информация интегрируется в текущую дискурсную модель[4]. Поэтому с-командование на нее не влияет, но она невозможна с антецедентами типа *каждый мальчик* или *никто*, которые не указывают на какого-то референта во внешнем мире и в дискурсной модели. Очевидно, что есть и другого рода дискурсные ограничения на кореференцию: например, невозможно употребить местоимение *он* по отношению к человеку, который был упомянут слишком давно. Как мы писали выше, изучением ограничений такого рода, а также правил выбора из нескольких возможных интерпретаций занимается целый ряд теорий, ориентированных на анализ дискурса. Цель теории связывания на всех этапах ее развития — объяснить, почему на интерпретацию местоимений накладываются дополнительные грамматические ограничения, с которыми мы начали знакомиться на примерах (1)–(2).

14.3. Подход к связыванию в теории управления и связывания

Как явствует из названия теории управления и связывания, модель связывания была одним из ключевых ее компонентов. Она была сформулирована Ноамом Хомским в [Chomsky 1981]. Сравнивая эту модель с более поздними генеративными подходами, ее обычно называют классической. Вспомним примеры (1)–(2), которые повторяются ниже:

(16) a. Mary$_i$ praised herself$_i$.
Мэри похвалила себя.ЖЕН
‘Мэри$_i$ похвалила себя$_i$ (саму)’.

b. *Mary$_i$ praised her$_i$.
Мэри похвалила ее
‘*Мэри$_i$ похвалила ее$_i$’ (в значении ‘Мэри похвалила

[4]В дискурсной модели представлена вся информация, которой в текущий момент оперируют говорящий (или пишущий) и его адресат.

себя').

(17) a. Mary$_i$ expected John to praise her$_i$.
Мэри ожидала Джон инф хвалить ее.
'Мэри$_i$ ожидала, что Джон похвалит ее$_i$.'
b. *Mary$_i$ expected John to praise herself$_i$.
Мэри ожидала Джон инф хвалить себя.жен
'*Мэри$_i$ ожидала, что Джон похвалит себя$_i$ (саму)'
(В значении '...что Джон похвалит ее саму').

Во всех этих предложениях именная группа *Mary* с-командует *her* и *herself*. Значит, чтобы объяснить неграмматичность (16-b) и (17-b), нужны дополнительные ограничения. В классической теории связывания их роль выполняли три принципа:

- Принцип A. Анафор должен быть связан в своем локальном домене.
- Принцип B. Прономинал должен быть свободен в своем локальном домене.
- Принцип C. Референциальное выражение всегда свободно. Свободен значит не связан.

Несколько упрощая, под локальным доменом понимается минимальная клауза (в том числе придаточные предложения, инфинитивные клаузы и т.д.). Принципы A и B объясняют примеры (16)–(17) следующим образом. В (16-a) анафор *herself* находится в одной клаузе со своим антецедентом *Mary*, как и должно быть, а в неграмматичном (17-b) тот же антецедент *Mary* находится вне инфинитивной клаузы *John to praise herself*, слишком далеко от анафора *herself*.

Такой антецедент подходит для прономинала *her* в (17-a). При этом в (16-b) антецедент *Mary* расположен слишком близко к прономиналу *her*, что делает невозможным предложение в той интерпретации, когда *her* и *Mary* — одно лицо. Аналогично и в русском примере *Маша увидела ее* мы не можем считать, что *ее* — это *Машу*. В этом случае надо сказать *Маша увидела себя*: анафор *себя* находится в одной клаузе со своим антецедентом *Маша*, все в порядке.

Заметим, что принципы A и B ничего не говорят о том, почему в (16-b) *her* не может отсылать к *Мэри* при помощи кореференции. Классическая теория связывания не занималась ограничениями на кореференцию, хотя очевидно, что в этом случае проблема возникает на уровне грамматики, а не на уровне дискурса, что для кореференции очень странно и потому особенно интересно. Принцип C отвечает за неграмматичность предложений типа (18).

(18) *She$_i$ praised Mary$_i$.
она похвалила Мэри
'*Она$_i$ похвалила Мэри$_i$'
в значении 'Мэри похвалила себя'.

Принципы A, B и C были выведены на материале английского языка. Последующий анализ других языков показал, что за ними определенно стоят какие-то универсальные закономерности. Во многих языках есть элементы, подобные английскому анафору *herself* '(саму) себя', которые требуют локальных антецедентов, и похожие на английский прономинал *her* 'ее', допускающие только более далекие антецеденты. То есть начинать изучение универсальной грамматики с подробного анализа одного языка не бессмысленно — правила универсальной грамматики проявляются в каждом языке.

Однако дальнейшие исследования на материале других языков неизбежно внесут в картину свои коррективы. Так, в случае с принципами A, B и C очень быстро обнаружились разнообразные факты, которые они не могли объяснить. В следующем разделе мы перечислим лишь некоторые из них, опираясь на книгу Эрика Ройланда [Reuland 2010].

14.4. Проблемы классической теории связывания

Во-первых, принципы A, B и C рассчитаны на то, что местоимения распадаются на две группы: прономиналы и анафоры. Между тем, в голландском, а также в китайском, могавке, грузинском, якутском и во многих других языках есть два типа анафоров: сложные и простые. Простые анафоры всегда лишены каких-то признаков, свойственных обычным именным группам и прономиналам: чаще числа и рода, но иногда также лица. Вернее, надо говорить о недоопределенности по этим признакам.

Например, голландское местоимение *zich* совместимо с антецедентами третьего лица любого рода и числа. В этом смысле оно похоже на русское местоимение *себя*, которое также лишено числа и рода: и *мальчик*, и *девочка*, и *дети* всегда *видят себя*. Различие между *zich* и *себя* состоит в том, что *себя* не определено не только по числу и роду, но и по лицу. Русский язык пока мало изучен с точки зрения теории связывания, но вероятно, что *себя* является не простым, а сложным анафором, также в отличие от голландского *zich*.

Сложные анафоры — это комбинации простых анафоров или прономиналов с другими морфемами, например, с элементами типа *self*, фокальными частицами, аналогичными русскому *же*, или с названиями частей тела. Получается, что в английском есть только сложные анафоры: *himself* / *herself* / *itself*. Голландское *zichzelf* получается из сочетания простого анафора и аналога *self*. В скандинавских языках есть сложные анафоры обоих этих типов, то есть там местоимения распадаются даже не на три, а на четыре группы.

Как показывает (19-a), в баскском вместо *himself* используется словосочетание ‘его голова’, то есть комбинация притяжательного прономинала и части тела. В (19-b) это словосочетание употреблено в своем прямом значении. В иврите ту же роль выполняли бы ‘его кости’. Подобные примеры можно найти также в фула, в мальгашском языке и т.д.

(19) a. Aitak bere burua hil du.
отец его голову убил ВСП

‘Отец убил себя’,
буквально: ‘Отец его голову убил’.

b. Bere buruan txapela ipini du.
его голову шапка надел ВСП
‘Он надел на голову шапку’,
буквально: ‘Он на его голову шапку надел’.

Простые анафоры также называют SE-анафорами, так как в индоевропейских языках многие из них — родственники латинского возвратного местоимения *se*. Его древнерусский аналог *ся* превратился в современном русском в постфикс, “склеившись” с глаголом. Тем не менее, как именно появилось местоимение *себя* и является ли оно морфологически сложным, пока непонятно. Сложные анафоры называют SELF-анафорами, хотя, как мы видели, далеко не все они образуются при помощи морфем, аналогичных английскому *self*.

Второй проблемой для принципов A, B и C стал тот факт, что употребление анафоров и прономиналов часто зависит от типа предиката, что никак не предусматривается этими принципами. Например, (20-a) грамматично и с анафором, и без него, а употребить (20-b) без анафора невозможно.

(20) a. John washed (himself).
Джон мыл себя
‘Джон мылся’.

b. John hated *(himself).
Джон ненавидел себя
‘Джон ненавидел себя’.

В голландском аналоге (20-a) употребляется простой SE-анафор, а в аналоге (20-b) — сложный SELF-анафор. Можно заметить, что русские переводы этих предложений также различаются: глагол *мылся* существует, а *ненавиделся* — нет, необходимо использовать предположительно сложный анафор *себя*. Сходную картину мы видим и в других языках, например, в иврите: глагол ‘мыть’ можно преобразовать в возвратный при помощи морфологических средств, а глагол ‘ненавидеть’ нельзя.

(21)

a. Jan waste zich.
Ян мыл SE
‘Ян мылся’.

b. Jan haatte zichzelf.
Ян ненавидел SE+SELF
‘Ян ненавидел себя’.

Третью проблему мы проиллюстрируем на материале родственных английскому германских языков. Местоимения первого и второго лица в немецких предложениях (22) оказываются связанными в своем локальном домене, что противоречит принципу B классической теории связывания. В английском в аналогичных примерах используются анафоры (*myself, yourself*). Более того, как показывает (23), во фризском — одном из германских языков, на котором говорят в Голландии — таким образом может быть связано и местоимение третьего лица. Очевидным образом, все это несовместимо с принципом B.

(22) a. Ich$_i$ wasche mich$_i$.
я мою меня
‘Я моюсь’.

b. Du$_i$ wascht dich$_i$.
ты моешь тебя
‘Ты моешься’.

(23) Jan$_i$ waske him$_i$.
Ян моет его
‘Ян моется’.

Четвертая проблема касается принципа A и была обнаружена при более внимательном анализе английских данных. Принцип A объясняет неграмматичность (24-a) тем, что анафор находится слишком далеко от своего антецедента. Тем не менее, (24-b) и (24-c) оказываются правильными.

(24) a. *John$_i$ expected the queen to invite
Джон ожидал АРТ королева ИНФ пригласить
himself$_i$ for a coffee.
себя.МУЖ на АРТ кофе
*‘Джон$_i$ ожидал, что королева пригласит себя$_i$ (самого) выпить кофе’ (в значении ‘. . . пригласит его. . . ’).

b. John$_i$ expected the queen to invite
Джон ожидал АРТ королева ИНФ пригласить

Mary and himself$_i$ for a coffee.
Мэри и себя.МУЖ на АРТ кофе
'Джон$_i$ ожидал, что королева пригласит Мэри и его$_i$ (самого) выпить кофе'.

c. John$_i$ expected the queen to invite
Джон ожидал АРТ королева ИНФ пригласить
nobody but himself$_i$ for a coffee.
никого кроме себя.МУЖ на АРТ кофе
'Джон$_i$ ожидал, что королева не пригласит никого кроме него$_i$ (самого) выпить кофе'.

Эти и некоторые другие данные, противоречащие принципам A и B, привели к радикальному пересмотру теории связывания в 1990-х и 2000-х годах. Изучение данных, объяснявшихся в классической теории связывания принципом C, выделилось в отдельную область исследования. Здесь мы ограничимся иллюстрацией того, что нарушающие принцип C примеры также существуют. В (25) *he* 'он' и *that idiot* 'этот идиот' могут оба отсылать к Джону.

(25) John is so stupid! He$_i$ hired a secretary that
Джон есть так глупый он нанял АРТ секретарь что
hates that idiot$_i$.
ненавидит этот идиот
'Джон такой глупый! Он$_i$ нанял секретаршу, которая ненавидит [этого идиота]$_i$'.

14.5. Новые подходы к связыванию

При работе над новыми моделями генеративисты стремились учесть не только проблемы классической теории связывания, многие из которых были перечислены в разделе 14.3, но и основные принципы минимализма. Они ставили себе целью убрать из теории все лишнее и попытаться ответить на вопрос *почему?*, то есть поближе подобраться к глубинным причинам существующих ограничений. В этом разделе мы представим один из конкурирующих подходов, разработанный в ряде статей и книг Эрика Ройланда и Тани Райнхарт [Grodzinsky and Reinhart 1993; Reinhart 1983, 2000; Reinhart and Reuland 1993; Reuland 2001,

2010].

Как мы уже отметили в начале этой главы, существуют и другие современные работы, посвященные связыванию, и среди них есть очень влиятельные [Boeckx et al. 2008; Hicks 2009; Hornstein 2001; Kayne 2002; Safir 2004a,b; Zwart 2002] и др. К сожалению, их полноценное сравнение превзошло бы выбранный нами для этой книги уровень сложности. Поэтому мы решили представить достаточно подробно хотя бы одну теорию, чтобы на ее примере можно было отследить некоторые ключевые тенденции в развитии генеративной грамматики.

14.5.1. Простые анафоры

Начнем с простых анафоров (или SE-анафоров), о которых классическая теория связывания не говорила ничего, так как их нет в английском языке. Ниже повторяется голландский пример (21-a):

(26) Jan waste zich.
Ян мыл SE
'Ян мылся'.

Анафор *zich*, как и русский постфикс *-ся*, традиционно считают рефлексивным, то есть указывающим на то, что действие направлено на себя самого. Ройланд и Райнхарт показали, что это неверно: на самом деле оба элемента маркируют только то, что глагол потерял один аргумент. Например, (27) вовсе не означает, что дверь сама себя открыла.

(27) De deur opende zich.
ART дверь открыл SE
'Дверь открылась'.

Я упаковался не значит, что я сам себя упаковал. *Дом строится* не значит, что он сам себя строит и т.д. Иначе говоря, видя в лексиконе пару глаголов с *-ся* и без него или с *zich* и без него, мы можем сказать только, что у первых на один аргумент меньше. Это может быть связано с рефлексивизацией, как в (26), когда две тета-роли объединяются в одну: агенс и пациенс совпадают.

Это может быть связано и с тем, что одна из тета-ролей подавляется: в *дверь открылась* и *дом строится* не упоминается, кто (или что) их открывает и строит.

Если в русском, а также, например, в иврите такие процессы маркируются в глагольной морфологии, то в голландском и в английском на глаголе маркировка нулевая. Зато в голландском в предложение вставляется *zich* — нечто вроде квазиаргумента, нужного только для того, чтобы формально заполнить существующую позицию и получить винительный падеж, который глагол должен чему-нибудь приписать. В английском нет и этого — переходные *wash* 'мыть' и *open* 'открыть' внешне полностью совпадают с непереходными. И все равно их не спутаешь — они по-разному ведут себя в синтаксисе: одним требуется внутренний аргумент в винительном падеже, а другим — нет.

У некоторых глаголов с *-ся* или с *zich* несколько значений. Например, *мыться* — это не только рефлексив, но и пассив (*В этом доме часто моются окна*). У других глаголов значение какое-то одно. Если это единственное значение не рефлексивное, для того, чтобы описать направленное на самого себя действие, используется глагол с двумя аргументами, один из которых — сложный анафор: *себя* в русском, *zichzelf* в голландском. Например, глагол *ругаться* не рефлексивный, и, чтобы описать направленное на себя действие, надо использовать *ругать себя*.

Так же приходится поступать в тех случаях, когда к глаголу вообще нельзя добавить *-ся* или *zich*. Здесь особенно интересно то, что список таких глаголов в разных языках во многом совпадает. Например, к ним относятся голландский *haten*, пример с которым был приведен в (21-b), и русский *ненавидеть*. У этих глаголов всегда два аргумента, но одним из них, естественно, может быть сложный анафор. Таким образом, сказать **Маша ненавидится* нельзя, только *Маша ненавидит себя*.

В английском усечение одного из аргументов никак не маркируется, но, как видно из примеров (20-a)–(20-b), глагол *hate* 'ненавидеть' также требует сложного анафора, в отличие от *wash* 'мыть/мыться'.

14.5.2. Прономиналы

В разделе 14.2 мы показали, что прономиналы могут быть интерпретированы при помощи двух различных механизмов: связывания и кореференции. Почему же ни один из них не работает в предложении (28), аналогичном примеру (1-b)/(16-b)?

(28) *Lucie$_i$ respects her$_i$.
Люси уважает ее
'*Люси$_i$ уважает ее$_i$' (в значении 'Люси уважает себя').

Подобная картина с прономиналами в третьем лице наблюдается не только в английском. Типологические исследования сотен языков со всего мира показывают, что не соответствующие ей примеры крайне редки. Мы вернемся к ним позже, а пока разберемся со стандартными случаями. Почему в (28) невозможно связывание? В классической теории связывания за это отвечал принцип B. Чтобы понять альтернативное объяснение, предложенное Эриком Ройландом и Таней Райнхарт, обратимся к записи с λ-оператором:

(29) *Lucie (λx (x respects x)).

Можно заметить, что *Lucie* и *her* превратились в (29) в два x. Согласно Тане Райнхарт и Эрику Ройланду, в этом и кроется проблема: вычислительная система больше не может различить эти две переменные. Чтобы избежать этой проблемы, надо как-то маркировать одну из них, например, "наклеив" на нее морфему типа *self* или фокальную частицу. Кроме того, во второй раз можно использовать нечто, почти, но не полностью идентичное подлежащему. Разные языки выбирают для этих целей разные важные части тела: голову, туловище, кости. Так и получаются сложные анафоры.

Третий вариант — "прятать" дополнение внутрь предложной группы, если оно совпадает с подлежащим. Так, в языке занде, на котором говорят в нескольких государствах на севере Центральной Африки, "убил на него" означает "убил себя". Наконец, мы можем сделать рефлексивным глагол, то есть просто избавиться от аргумента-дополнения. Об этом шла речь в предыдущем подразделе.

Обрисованная выше проблема с различением переменных объясняет, почему в (28) невозможно связывание. Но почему нельзя получить ту же самую интерпретацию при помощи кореференции? Классическая теория связывания не давала ответа на этот вопрос. В теории Тани Райнхарт и Эрика Ройланда это связано с ключевыми для минимализма соображениями экономии. Райнхарт и Ройланд ранжируют операции по сложности, и связывание, осуществляющееся на интерфейсе между синтаксисом и семантикой, оказывается более экономным, чем кореференция, требующая выйти за рамки языка и обратиться к дискурсной информации. Получается, что, если какая-то интерпретация не может быть получена более "дешевым" методом, мы не можем пойти в обход и получить ее при помощи более "дорогого".

Заметим, что такое объяснение одной из ключевых закономерностей в области связывания можно назвать функциональным по духу: запрет на использование прономиналов и образование анафоров выводится из необходимости различать две переменные. При этом это объяснение отвечает строгим формальным критериям и, в отличие от большинства традиционных функциональных объяснений, которые описывают какое-то одно изолированное явление, вписывается в цельную систему представлений о языке. Таким образом, на определенном этапе своего развития генеративная грамматика оказывается способна формулировать функциональные объяснения там, где это уместно, привнося в них при этом специфические для формальной теории достоинства.

Языки, где предложения типа (28) грамматичны, крайне редки. Как видно из примера (23), одним из них является фризский. Эрик Ройланд подробно разбирает этот и некоторые другие случаи в своей книге [Reuland 2010], чтобы показать, что и это — только кажущиеся исключения и запрет на использование идентичных переменных, вероятно, является универсальным. Так как его доказательства достаточно сложны, мы не будем приводить их здесь, равно как и объяснение того факта, почему конструкции с прономиналами первого и второго лица, аналогичные повторенным ниже (22-a)–(22-b), возможны во многих языках.

(30) a. Ich wasche mich.
я мою меня
'Я моюсь'.

b. Du wascht dich.
ты моешь тебя
'Ты моешься'.

14.5.3. Сложные анафоры

Как явствует из двух предыдущих подразделов, сложные анафоры употребляются при описании направленного на самого себя действия, если не был усечен один из аргументов глагола. В качестве примеров можно привести русское *Ваня ненавидел себя*, английское *John hated himself*, голландское *Jan haatte zichzelf*.

Простые анафоры используются с глаголами, один из аргументов которых был усечен — в некоторых языках его место должен занять такой псевдоаргумент, чтобы глагол мог приписать какой-то именной группе структурный винительный падеж. Среди рассмотренных нами языков таким оказался голландский: *Jan waste zich*. В русском рефлексивизация маркируется только на глаголе (*Ваня мылся*), а в английском и вовсе не маркируется (*John washed*). Как мы могли убедиться выше, такие глаголы далеко не всегда рефлексивны. Можно вспомнить русские *ругаться, упаковаться, строиться*.

Наконец, прономиналы встречаются в самых разных конструкциях. Мы упомянули всего два грамматических ограничения на их употребление. Во-первых, для интерпретации путем связывания необходимо с-командование (это верно и для анафоров). Во-вторых, при описании направленного на себя действия в качестве второго аргумента должны использоваться сложные анафоры, а не прономиналы.

Все эти наблюдения были обобщены Эриком Ройландом и Таней Райнхарт в двух условиях рефлексивности, призванных заменить принципы A и B классической теории связывания:

- Условие A. Рефлексивный предикат рефлексивно маркирован.
- Условие B. Рефлексивно маркированный предикат рефлексивен.

Разберемся, что означают эти условия и как они объясняют ключевые правила употребления местоимений, отраженные

в примерах (1)–(2), еще раз повторенных ниже:

(31)

a. Mary$_i$ praised herself$_i$.
Мэри похвалила себя.ЖЕН
‘Мэри$_i$ похвалила себя$_i$ (саму)’.

b. *Mary$_i$ praised her$_i$.
Мэри похвалила ее
‘*Мэри$_i$ похвалила ее$_i$’
(в значении ‘Мэри похвалила себя’).

(32)

a. Mary$_i$ expected John to praise her$_i$.
Мэри ожидала Джон ИНФ хвалить ее.
‘Мэри$_i$ ожидала, что Джон похвалит ее$_i$.’

b. *Mary$_i$ expected John to praise herself$_i$.
Мэри ожидала Джон ИНФ хвалить себя.ЖЕН
‘*Мэри$_i$ ожидала, что Джон похвалит себя$_i$ (саму)’
(в значении ‘...что Джон похвалит ее саму’).

Условие А гласит, что глагол или другой предикат, обозначающий направленное на себя действие, должен быть каким-то образом рефлексивно маркирован: либо путем усечения одного из аргументов, либо при помощи использования сложного анафора, каким и является *herself* в (31-a). Пример (31-b) противоречит этому условию. Подразумевается, что Мэри хвалит саму себя, однако глагол ничем не маркирован как рефлексивный. Пример (32-b), напротив, нарушает условие B. Сложный анафор *herself* маркирует глагол *to praise* ‘хвалить’ как рефлексивный, хотя тот таковым не является: подразумевается, что Мэри должен хвалить Джон, а не она сама. Наконец, в (32-a) предикат *to praise* не маркирован как рефлексивный и действительно таковым не является.

В некоторых языках сложные анафоры используются не только для маркировки рефлексивности. Однако это возможно лишь в тех конструкциях, где они не являются аргументами какого-то предиката — иначе этот предикат неизбежно будет маркирован

как рефлексивный. Именно этим объясняется уже отмеченный в разделе 14.3 контраст между (33-a) и (33-b)–(33-c), который не могла объяснить классическая теория связывания.

(33) a. *John$_i$ expected the queen to invite
Джон ожидал АРТ королева ИНФ пригласить
himself$_i$ for a coffee.
себя.МУЖ на АРТ кофе
*‘Джон$_i$ ожидал, что королева пригласит себя$_i$ (самого) выпить кофе’ (в значении ‘...пригласит его...’).

b. John$_i$ expected the queen to invite
Джон ожидал АРТ королева ИНФ пригласить
Mary and himself$_i$ for a coffee.
Мэри и себя.МУЖ на АРТ кофе
‘Джон$_i$ ожидал, что королева пригласит Мэри и его$_i$ (самого) выпить кофе’.

c. John$_i$ expected the queen to invite
Джон ожидал АРТ королева ИНФ пригласить
nobody but himself$_i$ for a coffee.
никого кроме себя.МУЖ на АРТ кофе
‘Джон$_i$ ожидал, что королева не пригласит никого кроме него$_i$ (самого) выпить кофе’.

В (33-a)–(33-c) *himself* не является аргументом *to invite* ‘пригласить’ непосредственно — анафор входит в состав более больших групп *Mary and himself* ‘Мэри и себя’ и *nobody but himself* ‘никого кроме себя’. Поэтому он не маркирует этот предикат как рефлексивный. В результате (33-b)–(33-c), в отличие от (33-a), не противоречат условию B и являются грамматичными. Как видно из переводов этих примеров, русское *себя* так использоваться не может.

Подведем итоги. В этой главе мы говорили об интерпретации местоимений. Мы могли убедиться, что на нее накладываются не только дискурсные, но и грамматические ограничения. Эти ограничения были открыты в рамках генеративной грамматики, и именно генеративистам принадлежат почти все дальнейшие заслуги в их изучении.

Мы познакомились с классической теорией связывания. Нес-

мотря на обнаруженные впоследствии разнообразные проблемы, она все же смогла уловить несколько ключевых закономерностей в этой области, хотя была создана почти исключительно на материале английского языка. Это лишнее свидетельство в пользу того, что правила универсальной грамматики проявляются в любом языке.

Затем мы рассмотрели один из современных подходов к связыванию, разработанный Эриком Ройландом и Таней Райнхарт. На его примере можно получить представление о том, как генеративные модели эволюционируют по мере накопления и осмысления типологических данных. Принципы A, B и C классической теории связывания, по сути своей достаточно условные, заменились в нем на куда более интуитивно понятные условия рефлексивности, а также на функциональные по духу запрет на использование идентичных переменных и принцип экономии. Таким образом, на современном этапе своего развития генеративной грамматике временами удается сочетать достоинства формальных и функциональных объяснений там, где это представляется уместным.

Глава 15

Вид русского глагола в генеративном освещении

15.1. Три мифа о глагольном виде

Изучение глагольного вида вот уже на протяжении более сотни лет считается одним из основных направлений славистики. Дело в том, что традиционно вид глагола в русском и других славянских языках считается очень сложной категорией. Великий русский лингвист А.М. Пешковский писал в своей книге “Русский синтаксис в научном освещении”, первое издание которой вышло в 1914 году [Пешковский 1934, стр. 94]:

> ...Категория эта — одна из труднейших в языке вообще, а в частности славянские *совершенный* и *несовершенный* виды до сих пор в науке не получили *общепризнанного* объяснения...

Как ни странно, эти слова, которым скоро исполнится сто лет, все еще имеют силу. Не существует даже общепринятого определения вида, или, как его еще называют, аспекта. Бернард Комри [Comrie 1976] обобщает многочисленные попытки в следующей сжатой формулировке:

> Различные аспекты — это разные способы восприятия внутренней структуры времени той или иной ситуации.

В следующих разделах мы попытаемся разобраться, что стоит за этими словами. Раздел 15.2 посвящен разным типам аспекта. Затем мы покажем, какие проблемы есть в русской аспектологии, как можно более точно описать их при помощи формальных теорий и как некоторые из них могут быть решены средствами генеративного синтаксиса и семантики. В заключение мы обозначим несколько крупных проблем, которые еще ждут своих исследователей.

Однако прежде всего нам хотелось бы развеять три мифа о глагольном виде. Во-первых, для многих славянский вид — нечто уникальное, а потому его исследователь может смело замкнуться в своей скорлупе: ни данные других языков, ни предложенные на их основе теории ничем ему не помогут. Славянский вид в чем-то и правда необычен, однако в разделе 15.1.1 мы покажем, что нечто подобное есть и во многих других языках[1].

Во-вторых, существует мнение, что вид неразрывно связан с приставками. Оно более распространено среди нерусскоговорящих лингвистов, но мы все же решили продемонстрировать его ошибочность в разделе 15.1.2, так как будем много говорить о приставках в дальнейшем.

В-третьих, многие считают, что вид — чисто семантическое явление, так что синтаксисту в этой области делать нечего. В разделе 15.1.3 и далее мы продемонстрируем, что существует несколько вполне успешных синтактико-семантических подходов к виду, которые могут решить конкретные лингвистические проблемы.

15.1.1. Миф 1. Славянский вид — уникальное явление

Принято считать, что глагольный вид в славянских языках — это то, что превращает их в некий аналог “загадочной славянской ду-

[1] Об этом можно также прочесть в книге В.А. Плунгяна “Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира” [Плунгян 2011].

ши”, нечто недоступное для понимания и отсутствующее в языках с более простой морфологией. Почему наш вид считается уникальным? Потому что все глаголы, которые мы употребляем в речи, относятся либо к совершенному, либо к несовершенному виду[2]. Если же мы возьмем такие языки, как известный многим английский или, скажем, финский, мы не увидим там ничего подобного.

Совершенного и несовершенного вида глагола в нашем понимании в этих языках, и правда, нет. Но утверждать, что в них нет ничего подобного, не совсем правильно. Посмотрим на группу примеров, предложенную Бернардом Комри [Comrie 1976] (с нашим подчеркиванием глаголов).

(1) a. Английский:
John <u>was</u> <u>reading</u> when I <u>entered</u>.
Джон ВСП читать.ДЛИТ когда я вошел

b. Русский:
Иван <u>читал</u>, когда я <u>вошел</u>.

c. Французский:
Jean <u>lisait</u> quand <u>j’entrai</u>.
Жан читал.ИМПЕРФ.3ЕД когда я-вошел.ПРЕТ.1ЕД

d. Испанский:
Juan <u>leía</u> cuando <u>entré</u>.
Хуан читал.ИМПЕРФ.3ед когда вошел.ПРЕТ.1ЕД

e. Итальянский:
Gianni <u>leggeva</u> quando <u>entrai</u>.
Джанни читал.ИМПЕРФ.3ЕД когда вошел.ПРЕТ.1ЕД

Предложения в (1) совпадают по смыслу несмотря на то, что они взяты из трех разных языковых групп: германской (англий-

[2]Существует ряд глаголов, в основном заимствованных, заканчивающихся на *-ировать* (*копировать, анализировать* и т.д.), которые принято относить к двувидовым, поскольку они звучат одинаково в совершенном и в несовершенном виде. Однако их синтаксическая дистрибуция всегда позволяет определить, какой именно вид выражает глагол. Кроме того, язык избавляется от такой неясности с помощью приставок: *скопировать, проанализировать, отредактировать* и т.д.

ский пример), славянской (русский пример) и романской (французский, испанский и итальянский примеры). Фоновое событие (чтение), выраженное в русском языке глаголом несовершенного вида и воспринимающееся нами как неоконченное действие в процессе, передается:

- в английском с помощью настоящего продолженного (Present Progressive или Continuous)
- в романских языках с помощью так называемого имперфективного прошедшего

Действие, которое в русском языке выражено глаголом совершенного вида и воспринимается нами как целостное, законченное, единичное, передается:

- в английском языке с помощью простого прошедшего времени
- в романских языках с помощью претерита (аналогичного английскому простому прошедшему времени)

Аналог русского несовершенного вида в романских языках называется похожими словами: *imperfait* (фр.), *imperfecto* (исп.), *imperfetto* (ит.). Эта форма выражает не только грамматический аспект, но и время, однако многие современные исследователи считают первую функцию более важной [Comrie 1976; Giorgi and Pianesi 1997; Bertinetto 2001] и в любом случае для данного сравнения нам нужны ее аспектуальные характеристики. В английском предложении мы наблюдали особую форму, называемую Progressive (хотя в английском также есть термин *imperfective*, аналогичный русскому и романским). Progressive (продолженный, длительный) так же, как русский несовершенный вид и романский имперфект, является формой грамматического аспекта[3].

[3]Надо заметить, что значение продолженности (прогрессива) — одно из двух основных значений несовершенного вида в русском языке. Вторым важным значением является кратность действия, роднящая русский несовершенный вид и нейтральный (Simple или Indefinite) аспект в английском языке. Разные интерпретации несовершенного вида будут рассмотрены в разделе 15.3.1..

Насколько соответствует русскому совершенному виду претерит в романских языках и простое прошедшее в английском? В таком простом случае, как (1), вполне соответствует. Более тонкие отличия будут рассмотрены в следующем разделе. Здесь же мы заметим, что, кроме простого прошедшего времени, значение русского совершенного вида в других языках иногда выражается формой перфекта (например, Present Perfect в английском). В переводе с латыни этот термин означает ‘совершенный’.

Внимательному читателю может показаться подозрительным, что примеры (1-a) – (1-e) взяты только из индоевропейской семьи языков. Может быть, грамматический аспект присутствует в них в силу их исторического родства и отсутствует в языках других языковых семей? В начале раздела был упомянут финский, относящийся к уральской семье языков. Давайте посмотрим, как в нем обстоит дело с грамматическим видом.

(2) Jussi luki lehteä kun tulin sisään.
Юсси читал.3ед газета.парт когда пришел.1ед внутрь
‘Юсси читал газету, когда я вошел’.

В финском примере оба глагола имеют одну временную форму — форму прошедшего времени. Откуда мы знаем, что Юсси находился в процессе чтения газеты, а не закончил ее читать к приходу гостя? Ответ может показаться удивительным: благодаря падежу именного комплемента глагола. Когда падеж партитивный[4], перед нами аналог несовершенного вида. Если бы падеж был винительным, мы бы имели дело с финской версией перфективности.

Надеемся, что, несмотря на небольшое количество примеров, нам удалось показать, что грамматический вид — или аспект — не является прерогативой славянских и даже индоевропейских языков. Это явление универсальное.

[4] *Партитивный* означает ‘частичный’, относящийся не к целому, а к части, поэтому наиболее естественным контекстом для существительных в этом падеже будет группа квантора или меры (*много N*, *килограмм N* и т.д.). В русском языке ближайшим соответствием финскому партитивному падежу будет так называемый партитивный родительный. У некоторых существительных даже есть особая морфологическая форма этого падежа: *чаю, сахару.*

15.1.2. Миф 2. Вид тесно связан с приставками

Существует мнение, особенно распространенное среди нерусскоговорящих лингвистов, что совершенный вид глагола образуется с помощью приставки. Однако это не всегда так. Существуют и бесприставочные глаголы совершенного вида. По большей части, это так называемые семельфактивы с суффиксом *-ну-*:

(3) *прыгнуть, стукнуть, чихнуть, мигнуть* и т.д.

Другая группа бесприставочных глаголов совершенного вида — это глаголы на *-ить*:

(4) *бросить, контузить, купить, лишить, простить* и т.д.

Есть и глаголы с различными особенностями в спряжении:

(5) *дать, деть, пасть*

И, наконец, глаголы, у которых приставка за многие века совместного употребления срослась с корнем и теперь неотделима от него:

(6) *взять, застрять, обидеть, ответить, встретить* и т.д.

Конечно, большинство бесприставочных глаголов относится к несовершенному виду. Значит ли это, что вышеперечисленные группы — исключения из правила, и на самом деле приставочный глагол = глагол совершенного вида, бесприставочный глагол = глагол несовершенного вида, а приставка работает как "переключатель" вида? Давайте ознакомимся с фактами. Во-первых, приставки присоединяются к глаголам любого вида:

(7) a. *прыгнуть – пере-прыгнуть*
b. *набрать – пере-набрать*

Во-вторых, приставки регулярно встречаются и у глаголов несовершенного вида:

(8) *перепрыгивать*

Это происходит потому, что от большинства приставочных глаголов совершенного вида можно образовать глагол несовершенного вида (вторичный имперфектив) при помощи таких суффиксов, как *-ва-*, *-ива-* и др.

Более того, мы видим приставки и у некоторых глаголов несовершенного вида, не имеющих видовой пары:

(9) *предстоять, зависеть, надлежать*

Таким образом, мы можем сделать вывод, что приставка — это не просто "переключатель" вида, хотя во многих случаях простое ее присоединение действительно превращает глагол несовершенного вида в глагол совершенного вида.

15.1.3. Миф 3. Вид — тема не для синтаксиста

Многие считают, что глагольный вид — явление чисто семантическое и потому его нельзя описать с помощью синтаксической теории. В неправомерности этого утверждения можно было убедиться уже в главе 11, где мы говорили о предложенной Гильельмо Чинкве иерархии видо-временных и модальных проекций [Cinque 1999]. Конечно, с этой иерархией связан целый ряд проблем, однако трудно спорить, что это важный шаг к пониманию расположения различных вспомогательных глаголов, аффиксов и наречий, в том числе связанных с видом.

Есть и другие синтаксические подходы к аспекту, в которых разрабатывается целый ряд проблем, никак не затронутых Чинкве. При этом основой для многих синтаксических описаний времени и аспекта послужила уже знакомая нам теория Ганса Райхенбаха [Reichenbach 1947], хотя разные авторы воплощают его идеи по-разному. Так, Чинкве опирается на модификацию этой теории, предложенную Стеном Викнером [Vikner 1985].

Напомним, что Райхенбах предложил рассматривать грамматическое время как взаимодействие трех точек на временной оси: времени события (Event Time, E), точки отсчета (Reference Time, R) и момента речи (Speech Time, S). Уже в главе 11 мы отметили, что таким образом можно описать не только временные, но и некоторые аспектуальные характеристики событий. Например, как представить английский Present Perfect, настоящее со-

вершенное, в примере (10)?

(10) Peter has lived in Moscow until now.
Питер всп-иметь жить.прич в Москва до сейчас
‘Питер прожил в Москве до настоящего времени’.

На этот вопрос есть несколько ответов. Большая часть лингвистов предпочитает такой: E_R, S. Иначе говоря, точка отсчета и момент речи совпадают, а время события им обоим предшествует. Почему E предшествует S, понятно: Питер пожил в Москве и, будет ли он там жить дальше, не известно. А откуда мы знаем, что R совпадает с S? Об этом свидетельствует обстоятельство *until now* ‘до настоящего времени’.

Сравним (10) с простым прошедшим временем в (11). В данном случае точка отсчета совпадает с E и находится в прошлом, перед S: E, R_S. Это видно по предложной группе *in 2000* ‘в 2000-м году’.

(11) Peter lived in Moscow in 2000.
Питер жил в Москва в 2000
‘Питер жил в Москве в 2000 году’.

Исходя из анализа таких и многих других примеров, итальянские лингвисты Алессандра Джорджи и Фабио Пьянези [Giorgi and Pianesi 1997] предлагают следующий подход к грамматическому времени и аспекту:

- в подавляющем большинстве сценариев R находится между E и S, являясь как бы их посредником;
- отношения между R и S отражают грамматическое время всего предложения;
- отношения между E и R отражают характер протекания действия, то есть грамматический аспект.

Отношения между точкой отсчета R и моментом времени S авторы объединяют в группу T1. Вторая группа отношений — между временем события E и точкой отсчета R — называется T2 (их также можно бы было назвать T и Asp, соответственно). Вот какие конкретные их воплощения перечисляют Джорджи и Пьянези:

	T1:	S_R	будущее	T2:	E_R	перфект
(12)		R_S	прошедшее		R_E	проспективный
		(S,R)	настоящее		(E,R)	нейтральный

В (11) E предшествует S, что соответствует прошедшему времени, а с точкой R время события совпадает, что обычно служит признаком нейтрального (или простого) аспекта. В (10) точка отсчета совпадает с моментом речи, и какое же значение имеет грамматическое время в предложении? Естественно, настоящее. При этом время события предшествует точке отсчета, а это всегда свойственно перфекту.

Рассмотрим еще один пример английского перфекта — перфект прошедшего времени, Past Perfect. Эта форма интересна тем, что все три временные точки отстоят друг от друга. Мэри уже давно отправила заявление (E), но мы оцениваем это действие относительно более недавнего момента — момента, когда ей предложили повышение (R). Момент речи, традиционно, совпадает с настоящим (S):

(13) a. Mary <u>had</u> already <u>applied</u> for a
Мэри ВСП уже подала.заявление для АРТ
new job, when her boss offered her
новый работа когда ее начальник предложил ей
a promotion.
АРТ продвижение
‘Мэри уже подала заявление на новую работу, когда ее начальник предложил повысить ее в должности’.

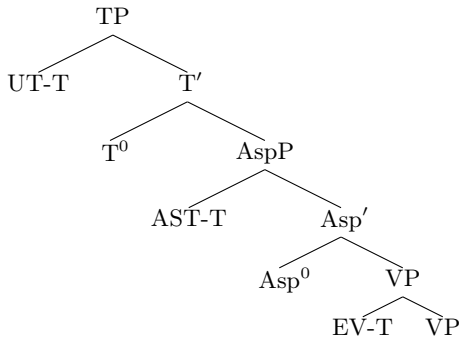
b. E_ R_ S

Итак, мы видим, что временные точки находятся в некоторой зависимости друг от друга и располагаются иерархически по отношению друг к другу. Это служит прекрасным основанием для выдвижения синтаксической теории времени и вида. Кроме Джорджи и Пьянези, подобные теории в разное время предлагали Карен Загона [Zagona 1995], Хамида Демирдаш и Мириам Урибе-Эчебаррия [Demirdache and Uribe-Etxebarria 2000], Тим Стоуэлл [Stowell 1996], Вольфганг Кляйн [Klein 1995] и другие ученые.

Как было замечено Вольфгангом Кляйном, аспект и время

являются двухместными предикатами, и их аргументы — точки на временной оси. Эту идею развивают Хамида Демирдаш и Мириам Урибе-Эчебаррия. Вслед за Кляйном они называют момент речи UT-T (Utterance Time ‘время высказывания’), время события — EV-T (Event Time), а точку осчета — AST-T (Assertion Time ‘время ассерции’). Зная, какие точки соотносятся друг с другом с помощью грамматического времени (T) и грамматического аспекта (Asp), можно выстроить синтаксическую структуру с двумя двухместными предикатами и их особыми временными аргументами [Demirdache and Uribe-Etxebarriaria 2004]:

(14)



Итак, мы видим, что во многих современных работах аспект рассматривается с синтаксической точки зрения. Структура, предложенная в (14), применима ко многим языкам, в том числе и к русскому, как будет показано ниже.

15.2. Грамматический и лексический аспект

Выше мы все время говорили о грамматическом аспекте. Этот термин обусловлен тем, что только такой тип аспекта маркируется при помощи грамматических (морфосинтаксических) средств. Поэтому именно на нем изначально было сосредоточено внимание синтаксистов. Однако есть и другой тип аспекта — **лексический аспект** (lexical aspect). Как мы убедимся ниже, современные формальные теории добрались и до него и в любом случае он тесно связан с грамматическим аспектом. Поэтому мы познакомимся с ним в этом разделе. Однако сперва введем несколько

терминов.

Грамматический аспект также называют *аспектом точки зрения*: он отражает, как говорящий представляет событие (как закончившееся, продолжающееся и т.п.). У этих двух синонимов есть и третий — *внешний аспект*. Внешним он называется по аналогии с *внешней структурой* слова, то есть структурой морфологической.

В отличие от грамматического аспекта, лексический отражает неизменные свойства того или иного глагола, зафиксированные в лексиконе, которые связаны с внутренней структурой описываемого им события: есть ли у этого события начало и конец, стадии и пр. У лексического аспекта тоже есть несколько названий, параллельных синонимичным названиям грамматического аспекта. В русскоязычных источниках, особенно классических, написанных давно, лексический аспект принято называть *способом глагольного действия* или немецким словом *акционсарт (Aktionsart)*[5]. Кроме того, термин *лексический аспект* иногда заменяют *внутренним аспектом*, по аналогии с *внутренней структурой* слова, то есть структурой семантической. Как мы увидим позже, термины *внутренний* и *внешний* также прекрасно отражают синтаксическую суть соответствующих аспектуальных понятий. А сейчас познакомимся с лексическим аспектом поближе.

Зено Вендлер [Vendler 1967] подразделяет все глаголы на предикаты со значением "совершения" (accomplishments) (*построить дом, написать письмо*), "достижения" (achievements) (*победить, найти ключ*), "деятельности" (activities) (*работать, читать*) и "состояния" (states) (*ненавидеть, сидеть*). Совершения и достижения считаются **терминативными** событиями (по-английски, *telic*), а деятельности и состояния — **нетерминатив-**

[5]Способом глагольного действия в традиционных работах (см., например, [Isačenko 1960]) также называют семантическое содержание приставочных глаголов совершенного вида, не имеющих видовой пары: ограничительный (*поспать*), начинательный (*засуетиться*) и т.д. Такие глаголы образованы путем присоединения внешних приставок, которые будут представлены в разделе 15.3.2.. Так как термин *способ глагольного действия* воспринимается неоднозначно, явление, которое мы описываем в данном разделе, предпочтительнее называть *лексическим аспектом* или, следуя за С.Г. Татевосовым (см., например, [Tatevosov 2003; Татевосов 2010]), *акциональностью*.

ными (*atelic*)[6].

Чем отличаются совершения и достижения (все прочие различия в этой типологии более понятны интуитивно)? Несколько упрощая, можно сказать, что совершения состоят из подготовительной фазы и результата действия. Например, совершение *построил дом* отражает многоступенчатую ситуацию: сначала человек заложил фундамент, потом возвел стены, соорудил крышу, и т.д., и в результате всех этих усилий перед ним предстало законченное произведение — дом. Достижения же подготовительной фазы не имеют: они выражают практически одномоментное действие, пересечение некой абстрактной черты: *победил, нашел*. И если глагол-соверешение в своем актуально-длительном воплощении звучит естественно и описывает подготовительную фазу, предшествующую результату, то глагол-достижение в актуально-длительной интерпретации либо не употребляется, либо напоминает съемку замедленной камерой:

(15) a. А. - Чем сейчас занимается Федор? В. - Он строит дом.
b. А. - Что сейчас делает Василий? В. - #Он побеждает в Формуле 1/ находит золото.

В дополнение к типологии Вендлера Карлота Смит [Smith 1997] выделяет класс семельфактивов, характеризуемых как “динамичные, нетерминативные, моментальные” одиночные события:

(16) *чихнуть, стукнуть*

Моментальные события, повторенные в быстрой последовательности много раз, превращаются в деятельность, как отдельные кадры кинопленки — в связанный фильм. Это отличает их от достижений, которые тоже протекают очень быстро, но не переходят в другой класс, даже когда обозначают множественные события:

[6]Здесь мы употребляем перевод слов *telic* и *atelic*, предложенный в [Падучева 1996]. Е.В. Падучева не согласна с более распространенным вариантом перевода этих английских понятий как ‘предельные’ и ‘непредельные’ в силу неполного совпадения традиционного значения этих русских терминов со значением *telic* и *atelic*.

(17) a. *чихать, стучать*
b. *побеждать, находить*

Как эта система соотносится с видовым делением в русском языке? На этот вопрос есть несколько ответов, суть которых хорошо изложена в статье Павла Брагинского и Сьюзан Ротстайн [Braginsky and Rothstein 2008]. Мы сейчас не будем перечислять их все, а остановимся на взглядах, принятых в самой работе Брагинского и Ротстайн, а также в [Падучева 1996; Borik 2006; Romanova 2009] и др. Все эти авторы считают, что не существует точного соответствия между глаголами совершенного и несовершенного вида и определенными способами глагольного действия. Все типы лексического аспекта могут быть представлены глаголами обоих видов:

Таблица 1

Лекс. аспект	Несов. вид	Сов. вид
Состояние	*сидеть* Ваня сидел в кресле-качалке.	*посидеть* Ваня посидел в кресле-качалке и вернулся к работе.
Деятельность	*гулять* Костя гулял по улице Бардина.	*погулять* Костя погулял по улице Бардина и пошел в “Монетку”.
Совершение	*писать программу* Федор писал программу для AppStore.	*написать программу* Федор написал программу для AppStore.
Достижение	*побеждать* Никита всегда побеждал в гонках.	*победить* Никита победил и в этот раз.

Несмотря на приведенные в таблице примеры, в большинстве случаев при изменении грамматического вида меняется и лексический аспект глагола — это одно из проявлений их тесной связи:

(18) a. СОСТОЯНИЕ: Василий знал, что в сейфе много денег.
b. ДОСТИЖЕНИЕ: Василий узнал код от сейфа.

(19) a. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: Костя гулял.

b. СОВЕРШЕНИЕ: Костя выгулял собаку.

Но вот что интересно: лексический аспект совершений никогда не меняется в зависимости от грамматического вида или приставки. В таблице приведены примеры бесприставочного совершения и его приставочной пары: *писать программу – написать программу*. Еще один глагол-совершение, *выгулял*, встретился нам в примере (19-b), и образованный от него глагол несовершенного вида *выгуливал* также является совершением[7]. То, что в данном случае аспектуальные свойства глагола, присущие ему уже в лексиконе, оказываются сильнее грамматического вида, придает русскому языку сильное сходство с английским, где совершения могут иметь форму продолженного (или длительного) аспекта (Progressive). Это очень любопытная параллель, к которой мы вернемся чуть позже.

(20) a. James wrote an essay.
Джеймс писал АРТ эссе.
'Джеймс написал эссе'.
b. James was writing an essay.
Джеймс ВСП писать.ДЛИТ АРТ эссе
'Джеймс писал эссе'.

Дэвид Даути [Dowty 1979] разложил семантическую структуру глаголов, соответствующих вендлеровым событиям, на составляющие: DO (делать), CAUSE (каузировать, вызывать) и BECOME (становиться), что позволило ему охарактеризовать состояния, деятельности, совершения и достижения с помощью взаимодействия этих составляющих. Даути, как и Зено Вендлер, не является генеративистом — он использовал для анализа проблем вида арсенал другой формальной теории, семантики Монтегю.

[7]Часть глаголов-совершений возникает в результате добавления приставки к деятельностям и состояниям. Достижения обычно с помощью приставок не образуются, поскольку большая их часть уже несет приставку, давно слившуюся с корнем: *победить, найти, умереть*. При имперфективации достижения, похоже, также сохраняют характеристики лексического аспекта. Изменяют их семельфактивы (16), как мы видели в примере (17-a).

Таблица 2

Нетерминативные	**Терминативные**
состояния V	достижения BECOME
деятельности DO	совершения DO CAUSE BECOME

Из таблицы видно, что самая сложная семантическая структура представлена совершениями. Они состоят из трех компонентов: компонента действия DO, компонента каузирования CAUSE и компонента достижения результата BECOME. Говоря упрощенно, некое лицо что-то делает, что приводит к определенному результату. Мы об этом говорили выше, когда пытались дать неформальную характеристику совершений: Федор закладывает фундамент, возводит стены и крышу, что приводит к появлению дома (15-а). Семантическая структура деятельностей и достижений включает по одному компоненту: действия и достижения результата, соответственно. В семантической структуре состояний отсутствуют какие-либо признаки глагола, кроме категориального. Например, английское предложение *He is sleeping* ‘Он спит’ синонимично предложению с прилагательным на месте глагола *He is asleep* ‘Он спит’.

15.3. Проблема вида русского глагола

Главная проблема при изучении вида — удивительное разнообразие значений глагола внутри каждого видового класса. Это повергает многих исследователей в состояние растерянности, которое усугубляется знанием о том, что данной теме посвятили свою жизнь и творческую энергию целые поколения коллег-предшественников и до сих пор мы не можем предложить короткое и емкое определение типа “Вид русского глагола — это...”.

15.3.1. Проблемы

Для начала попробуем разобраться, с чем именно связано такое разнообразие значений видовых форм. В случае с совершенным

видом можно утверждать, что его источник — большое количество и многозначность приставок, при помощи которых образованы многие глаголы совершенного вида. Например,

(21) Кирилл перемыл посуду.
= ‘Кирилл помыл всю посуду’.
= ‘Кирилл помыл посуду еще раз’.

В некоторых работах (например, [Мусинова 2005]) предлагается более пятидесяти значений приставки *пере-*. При этом приставок в русском довольно много. Как же изучить все это богатство?

Разнообразие значений несовершенного вида обусловлено множеством синтаксических контекстов, в которых употребляются глаголы несовершенного вида. В предложениях, сходных с английскими примерами, содержащими глагол длительного аспекта (Progressive), русский глагол получит актуально-длительную интерпретацию:

(22) Когда я пришла, Лариса варила борщ.

Если в предложении присутствует обстоятельство частотности, глагол будет иметь многократную интерпретацию:

(23) Каждое утро он открывал окно.

А если мы употребим наречие *уже* при глаголе несовершенного вида в прошедшем времени, интерпретация последнего будет соответствовать английскому Present Perfect:

(24) Я уже читала эту книгу.

И это всего три примера из возможных десяти или более (см. [Romanova 2009]).

Интересно также, что иногда в значениях глаголов совершенного и несовершенного вида нет вообще никакой разницы. Сравните примеры из работы Е.В. Падучевой [Падучева 1996]:

(25) a. Директор уже выступал.
b. Директор уже выступил.

Чем объяснить синонимичность предложений в (25)?

Итак, выберем из множества проблем описания вида русского глагола три самых заметных:

- Многообразие значений совершенного вида, обусловленное многозначностью приставок;
- Многообразие значений несовершенного вида, зависящее от синтаксического окружения глагола;
- Совпадение значений глаголов совершенного и несовершенного вида.

15.3.2. Способы решения проблем с точки зрения генеративной грамматики

Давайте обратимся к каждой перечисленной выше проблеме и посмотрим, какие решения здесь может предложить генеративная грамматика. Многообразие значений совершенного вида может быть описано на основе обобщений, касающихся синтаксических и семантических закономерностей в поведении приставок. Одно из первых таких обобщений является описательным. Его сделал еще в 1960 году А.В. Исаченко, исследовавший значение приставок и его влияние на значение глагольной основы [Исаченко 2003]. Он разделил глагольные приставки на два больших типа: модификаторы и квалификаторы.

Квалификаторы прибавляют к исходному значению глагола дополнительные, уточняющие оттенки: квалифицируют значение глагола с внешней стороны:

(26) *раз(о)-рвать, с(о)-рвать, от(о)-рвать, вы-рвать*

Приставки-квалификаторы придают значению глагола (‘совершение действия резким(и) движением/ями’) новое качество: *раз-* предполагает, что в результате события, описанного глаголом, мы получаем множество мелких фрагментов чего-либо; *с-* — изменение местоположения объекта глагола; *от-* — отсоединение объекта от чего-либо; *вы-* — извлечение объекта изнутри.

Модификаторы глагольного значения, по словам Исаченко, сосредоточивают внимание “на каком-либо внутреннем признаке протекания действия, выраженного бесприставочным глаголом”,

например, на одном из его фазисов. Так, “*заговорить* в русском языке обозначает приступ к действию, *поговорить* — временно ограниченный фазис того же действия” (стр. 223).

Позднее квалификаторы Исаченко получили название **внутренних** приставок, а его модификаторы — **внешних**. Синонимами этих терминов являются **лексические приставки** и **супралексические приставки**, соответственно. Последние два термина были предложены О.В. Бабко-Малой на основе структурного поведения приставок [Babko-Malaya 1999]. Согласно ее теории, лексические приставки соединяются непосредственно с лексической вершиной V, а супралексические примыкают к некоторой функциональной категории. В (27-a) приставка *пере-* придает дополнительное, пространственное, значение глаголу *идти* и является лексической, а в (27-b) *пере-* участвует в измерении события и, возможно, примыкает к функциональной категории квантификации (как, например, квантор *all* ‘все’ в английском языке).

(27) a. Иван **пере-ходил** дорогу, когда вспомнил, что не взял кошелек.
b. Ольга **пере-ходила** на все спектакли Камерного театра.

В 2000-е интерес к русским приставкам среди генеративистов увеличился. Так, в 2003 году в университете Тромсе на севере Норвегии Питером Свенониусом была организована исследовательская группа, изучающая славянские префиксы. Основным итогом работы этой группы стал сборник статей[8]. Параллельно проводились исследования в том же направлении и в Московском государственном университете, отраженные в статьях [Tatevosov and Pazelskaya 2005; Татевосов 2009] и др. Кроме того, в разных университетах мира продолжают создаваться статьи и диссертации о славянских приставках, в которых изучение закономерностей их поведения приводит все к новым и новым обобщениям. Конкретное воплощение этих закономерностей мы продемонстрируем в разделе 15.4..

[8]Этот сборник находится в общем доступе на сайте электронного журнала *Nordlyd* http://www.ub.uit.no/baser/septentrio/index.php/nordlyd/issue/view/8.

Обратимся теперь к разнообразию значений глаголов несовершенного вида. Если перевести предложения в (22) – (24) на английский язык, нам придется использовать такие аспектуальные формы, как Progressive (длительный), Habitual (хабитуальный)[9] и Perfect (перфект), соответственно:

(28) a. When I came Larissa was cooking soup.
b. Every morning he would open the window.
c. I have already read this book.

Случайны ли эти соответствия? Не является ли несовершенный вид чем-то большим, чем действие, воспринимающееся как неполное и незаконченное? Например, *уже читал* в (24) — законченное действие и даже, может быть, законченное не один раз.

Длительный (Progressive) и перфектный (Perfect) аспект в английском языке, равно как и русский совершенный и несовершенный вид, — разновидности грамматического аспекта. Как же объяснить тот факт, что всем русским глаголам в несовершенном виде соответствуют английские глаголы в разных грамматических аспектах? Тут может быть два предположения, при этом, одно не исключает другого:

1. недоопределенность несовершенного вида в русском языке

2. несовпадения в озвучивании одних и тех аспектуальных признаков в русском и английском языках

Первое объяснение так описывает ситуацию: несовершенный вид глагола — это многозначный аспект, и реализация того или иного значения зависит от контекста. Если это указание конкретной точки отсчета, интерпретация глагольного события будет актуально-длительной, и так далее (см. комментарии к примерам (22) – (24)). Приведем пример недоопределенности грамматических показателей из другой области. Например, падежное окончание *-о* может обозначать и именительный, и винительный падеж единственного числа у существительных среднего рода,

[9] Под *хабитуальным* понимается такое повторяющееся действие, которое стало рутинным и привычным.

что совершенно не значит, что у двух этих форм есть нечто общее. О том, имеем ли мы дело с формой именительного или винительного падежа, также можно судить по контексту.

Для второго объяснения нам понадобится ненадолго обратиться к английскому перфекту. Это тоже далеко не однозначный аспект. Лингвисты насчитывают три различные интерпретации перфекта в английском языке (а иногда и больше) [Iatridou et al. 2003; Pancheva 2003]: универсальный перфект (U-Perfect) (29-a), экспериенциальный перфект (E-Perfect) (29-b) и результативный перфект (R-Perfect) (29-c):

(29) a. Since 2000 Alexandra has lived in LA.
c 2000 Александра ВСП жить.ПРИЧ в ЛА
'С 2000-го года Александра живет в Лос-Анджелесе'.
b. Alexandra has been in LA (before).
Александра ВСП быть.ПРИЧ в ЛА раньше
'Александра бывала в Лос-Анджелесе (раньше)'.
c. Alexandra has (just) arrived in LA.
Александра ВСП только-что прибыть.ПРИЧ в ЛА
'Александра (только что) прибыла в Лос-Анджелес'.
[Pancheva 2003]

А теперь давайте обратим внимание на вид и время глаголов, которые использовались в русском переводе предложений выше. В (29-a) был использован глагол несовершенного вида в настоящем времени *живет*; в (29-b) — глагол несовершенного вида (с хабитуальным суффиксом) в прошедшем времени *бывала*; а в (29-c) — глагол совершенного вида в прошедшем времени *прибыла*. В английском языке во всех этих предложениях используется одно и то же время и один и тот же аспект, а в русском мы видим такое разнообразие!

Второе объяснение опирается на неоконструкционалистские теории, согласно которым в лексиконе содержится минимум информации, а интерпретация лексических и грамматических единиц зависит от "приютивших" их функциональных вершин (мы говорили об этом в главе 13). Положим, в обоих языках есть функциональная проекция PerfP и она доминирует над аспектуальной проекцией AspP. От того, какой материал попадает в AspP, будет зависеть интерпретация всей перфектной группы

[Pancheva 2003]. В русском языке перфективная AspP приведет к результативной интерпретации PerfP (которая называется в статье Румяны Панчевой $AspP_2$), а имперфективная — к универсальной или экспериенциальной, в зависимости от лексического аспекта глагола. К этому мы вернемся в следующем разделе.

15.4. Синтаксические модели глагольного вида в русском языке

15.4.1. Лексический аспект

В разделе 15.2. мы утверждали, что возможность разложить событийную структуру глагола на компоненты и замеченная нами ранее параллель между семантическими признаками и синтаксическими конструкциями являются прекрасными предпосылками для построения синтаксических моделей глагольного вида. Дополнительной предпосылкой служит некогда высказанная Дональдом Дэвидсоном [Davidson 1980] и развитая Теренсом Парсонсом [Parsons 1990] идея о том, что у каждого глагола, помимо именных аргументов, есть связанный с ними событийный аргумент *e*. Обычно это представляется так:

(30) (Из [Дудчук и Минор 2007])

a. Вася на кухне ест манную кашу.

b. ∃e[есть(e)& Агенс(e)(Вася) & Пациенс(e)(манная каша) & Место(e)(кухня)]

А теперь представим, что с каждым именным аргументом связано не все событие, а его часть. Помните, Даути называл эти части DO (делать), CAUSE (вызывать, являться причиной) и BECOME (становиться). У таких способов глагольного действия, как совершения, представлены все три подсобытия. При этом начальный этап представлен каузативным подпредикатом, субъектом которого выступит агенс. Само действие — процесс — выражается подпредикатом DO, субъектом которого может являться либо агенс, либо представитель другой θ-роли. Подпредикат BECOME описывает переход в результирующее состояние, и его

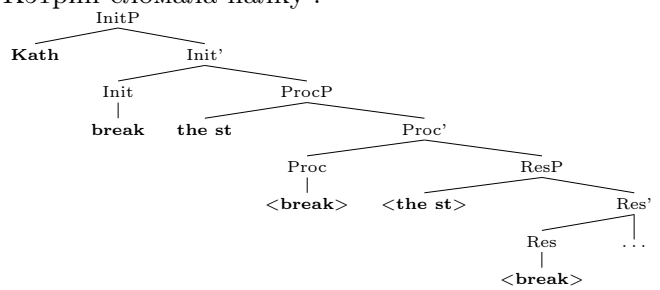
субъектом будет пациенс всего события[10].

В 2000-е годы Джиллиан Рэмченд [Ramchand 2008] разработала синтаксическую теорию структуры события, в которой каждый подпредикат служит вершиной функциональной проекции со своим субъектом, а все вместе эти проекции представляют из себя событийную структуру одного единственного глагола. CAUSE Даути соответствует у Рэмченд группе инициатора (*InitP* от Initiator), DO — группе процесса (*ProcP* от Process), а результат применения подпредиката BECOME — группе результирующего состояния (*ResP* от Result). Спецификаторы этих функциональных проекций называются инициатором (Initiator), претерпевающим (Undergoer) и носителем результирующего состояния (Resultee). Таким образом, на месте VP и vP окажется следующая структура[11]:

(31) Приводится в измененном виде из [Ramchand 2008, стр.69]

a. Katherine broke the stick.
Кэтрин ломала АРТ палка
'Кэтрин сломала палку'.

b.



[10]Мы намеренно изменили последовательность подпредикатов, предложенных в [Dowty 1979], потому что идея, которую мы собираемся высказать, несколько отличается от идеи Даути.

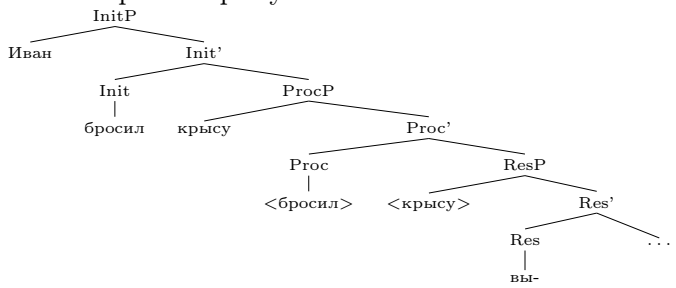
[11]Заметим, что в работах, посвященных не структуре события, а другим темам, продолжают использоваться VP и vP. Во-первых, это связано с соображениями удобства: точно так же даже ярые сторонники универсальной иерархии Гильельмо Чинкве не будут рисовать ее в каждом дереве, если в этом нет необходимости. Во-вторых, это отражает сложившуюся в современной генеративной грамматике ситуацию, когда самые разные области переживают бурное развитие, но сделанные внутри них достижения во многом не интегрированы в общую теорию.

Ситуация, представленная деревом в (31), может быть описана так: Кэтрин инициирует поломку, палка ей подвергается и в результате оказывается сломанной.

В русском языке подобные структуры могут быть у бесприставочных глаголов совершенного вида, но в подавляющем большинстве случаев проекция ResP будет заполнена лексической приставкой (вспомним о том, что в разделе 15.3.2 мы разделили приставки на лексические и супралексические, или внутренние, которые присоединяются внутри VP, и внешние). Аналогичным образом обстоят дела в германских языках, где ResP очень часто содержит глагольную частицу (вторую половинку так называемых фразовых глаголов). Сравните:

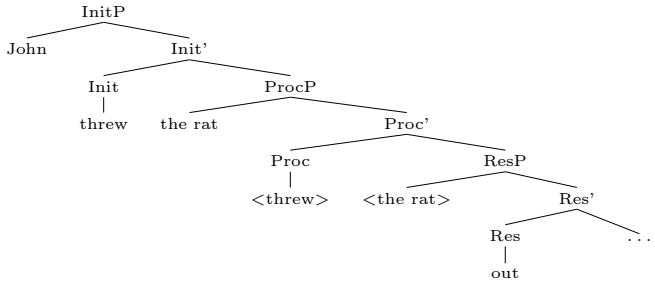
(32) a. Иван выбросил крысу.

b.



(33) a. John threw the rat out.
Джон бросил арт крыса вон
'Джон выбросил крысу'.

b.



То, что основа глагола и пациенс повторяются в структуре не один раз, не страшно. В результате озвучивания (spell-out) про-

износится только одна копия и того, и другого. То, что приставка занимает позицию в самой нижней части дерева, тоже не страшно. В процессе деривации она передвигается к глаголу и встраивается в него[12].

В данном примере изменений в грамматическом аспекте глагола не происходит, но, как мы уже писали, в большинстве других случаев именно этим заканчивается присоединение приставки к глаголу. То есть внутренняя аспектуальная интерпретация, выстроенная на уровне vP, может воздействовать на внешнюю. Это явление наблюдается и в других языках, в частности, в английском. Например, если глагол с событийной структурой состояния помещается под проекцией перфекта PerfP, перфект получает единственно возможное в этом случае прочтение — универсальное:

(34) I have known Mathew for a decade.
я ВСП знать.ПРИЧ Мэтью в.течение АРТ десятилетие
'Я знаю Мэтью уже десять лет'.

15.4.2. Грамматический аспект

Грамматический аспект традиционно связывается с проекцией AspP, которая располагается под временной проекцией TP и над vP. Однако, как мы убедимся ниже, у разных авторов очень разные взгляды на сущность этой проекции и даже на то, нужна ли она вообще.

Прежде всего надо заметить, что эта проекция неразрывно связана с дополнением. Вспомним приведенный в начале главы финский пример, где аспектуальная интерпретация всего предложения зависела от падежа глагольного дополнения. В связи с этим многие лингвисты считают, что структурный падеж дополнения, как и падеж подлежащего, связан с функциональной

[12]Многие английские глагольные частицы неплохо описывают результат действия: *the dog is out/in/up* и т.д., но есть и более запутанные случаи. А в русском языке все еще сложнее (например, *подбросить, перебросить*, не говоря уже о более абстрактных значениях приставок). Однако это не повод для уныния. Кроме того, очевидно, что такой подход подразумевает конструирование форм в синтаксисе, что влечет за собой все преимущества и проблемы, связанные с распределенной морфологией.

вершиной, а не с лексической вершиной V. В разных работах для этого используются разные проекции: где-то AspP, где-то AgrOP (группа согласования с объектом), где-то эта функция закреплена за *v*P и т.д. В каких-то языках есть явные свидетельства в пользу того, что дополнение покидает свое исходное место, предположительно, передвигаясь в спецификатор такой проекции, а в других мы можем опираться либо на скрытые передвижения, либо на согласование без передвижений — как и в случае с не попадающими в спецификатор TP подлежащими.

Английский схож с финским тем, что, несмотря на отсутствие морфологических падежей, на терминативность (telicity) глагола влияет значение дополнения: специфичный[13]/ определенный объект приведет к терминативной интерпретации всей VP, а неспецифичный/ неопределенный объект — к нетерминативной. Рассмотрим пример (35):

(35) a. John ate the pears.
Джон ел ART груши
'Джон съел груши'.
b. John ate pears.
Джон ел груши
'Джон ел груши'.

Мы не будем вдаваться в подробности аналогии между винительным падежом и специфичностью существительного. Скажем только, что и для русского языка AspP постулировалась как проекция, способствующая квантификации существительного в функции дополнения.

Например, Стивен Фрэнкс [Franks 1995] предлагает следующую функциональную иерархию русского предложения: CP, AgrSP, TP, AspP, VP (стр. 262)[14]. AspP может иметь два значения: [+Perf] и [-Perf]. Положительное значение признака Perf

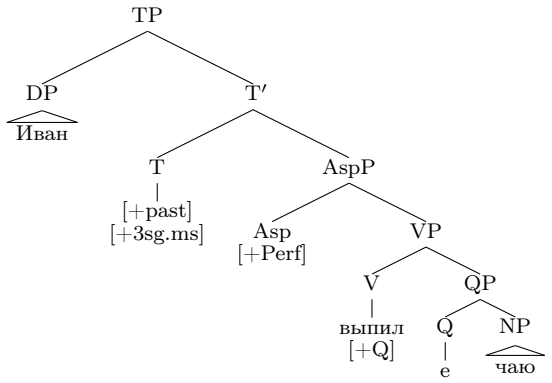
[13]Неформальное объяснение термина *специфичный* было приведено в сноске 5 в главе 12.

[14]AgrSP — проекция согласования с субъектом. На определенном этапе развития генеративной грамматики "согласовательные" проекции использовались практически повсеместно, а теперь большая часть лингвистов от них отказалась. Можно заметить, что в схеме Фрэнкса нет *v*P — опять же, это характерно для многих работ, написанных в 1990-е годы.

(‘совершенный (вид)’) активирует признак квантификации у глагола [+Q], и в результате становится возможным приписать дополнению партитивный родительный падеж, указывающий на присутствие квантора, как показано на примере в (36-a):

(36) a. Иван выпил чаю.

b.



Интересно, что Хагит Борер [Borer 2005] предлагает противоположный анализ структур с партитивными дополнениями: в ее теории AspP и квантификация присутствуют только в предложениях с объектами в винительном падеже. Получается, что Фрэнкс видит незримое присутствие квантора типа *немного* в предложениях, подобных (36-a), а Борер — квантора типа *весь* (∀) в примерах вроде *Иван выпил чай*. Ведь это предложение подразумевает, что весь чай был поглощен.

Джиллиан Рэмченд [Ramchand 2004] рассматривает AspP как проекцию, в которой происходит интерпретация Райхенбаховской точки отсчета R. С ее точки зрения, совершенный вид имеет определенную точку отсчета, что выражается в значении вершины [+def], а несовершенный — неопределенную точку отсчета, выраженную соответственно, признаком [-def]. Другими словами, семантика совершенного вида предполагает связь с какой-то временной точкой, в которой определяется истинность события (например, *посидеть* верно в той точке, которая определяет предел события), а семантика несовершенного вида такой связи не предполагает (*сидеть*).

Ряд исследователей помещает в AspP и конкретный лексиче-

ский материал, который зачастую просто служит озвучиванием позитивного или негативного значения признака вида [+/-Perf]. Чаще всего это суффикс вторичного имперфектива *-(и)ва-*. Однако именно это популярное среди ученых решение заставило некоторых задуматься о том, что AspP в русском языке может либо отличаться от AspP в других языках, либо полностью отсутствовать. Тому виной два факта:

1. Во-первых, некоторые суффиксы (вторичного) имперфектива несут в себе больше, чем просто значение несовершенного вида: они могут определять класс спряжения глагола (служат тематическими гласными) или выражать многократность/неоднонаправленность. Это хорошо заметно в некоторых глаголах движения. Сравним глагол несовершенного вида *плыть* и вторичный имперфектив *пла**ва**ть*. Последний подразумевает либо многократное повторение действия (*Я плыл по каналу. — Я много раз плавал по этому каналу.*), либо плавание в разных направлениях (*Я плыл из пункта А в пункт Б. — Я плавал из пункта А в пункт Б.*).

2. Во-вторых, в ряде глаголов суффикс *-(и)ва-* чередуется с семельфактивным суффиксом *-ну-*, встречающимся только у глаголов совершенного вида. Налицо комплементарная дистрибуция, явное указание на одинаковую природу двух морфем: *чих**а**ть* – *чих**ну**ть*. При этом очевидно, что помещать в вершину Asp суффикс *-ну-* неправильно: его значение определенно нельзя свести к видовому.

В результате анализа этих данных AspP либо устраняется из синтаксической конструкции вовсе, либо подвергается делению на несколько функциональных проекций. Например, Питер Свенониус на основании первого указанного выше факта делит AspP на Impf (вершину, выражающую, в числе прочего, многократность и продолженность) и *v* (вершину с тематической гласной) [Svenonius 2004b], а Вита Маркман, обращая внимание на второй факт, предлагает упразднить AspP [Markman 2008]. Она помещает суффиксы в вершину *v*, подобно Свенониусу, а остальной аспектуальный материал в предложную группу (preposition

phrase, PP), откуда берут свое начало лексические приставки в силу их исторического родства с предлогами (см. [Matushansky 2002]). Однако она не упоминает о супралексических приставках, которые входят в деривацию в верхних частях дерева. Таким образом, если учесть и их, аспектуальная информация равномерно распределится по всей клаузе.

Теперь задумаемся над тем, что интерпретация лексического аспекта, например, совершения, иногда оказывается сильнее интерпретации грамматического аспекта. А еще от глаголов совершенного и несовершенного вида образуются существительные, которые сами, конечно, категории вида не имеют:

(37) *писание – написание; открывание – открытие; распивание – распитие*

Учитывая эти факты, а также тесную связь аспектуальной интерпретации с дополнением, некоторые исследователи (например, [Tatevosov 2010]) считают, что нерезонно говорить о виде глагола: глаголы вида не имеют. Грамматический вид — это категория клаузы. То есть интерпретация вида складывается из сочетания множества факторов: приставок, суффиксов и других элементов, каждому из которых отводится определенная функциональная проекция в древесной структуре. Потому-то глаголы *перейти* и *переходить*, несмотря на полное совпадение формы в (27-a) и (27-b), относятся к разным видам.

Конечно, как и в любой науке, наши знания о виде русского глагола будут пересматриваться и дополняться, и часть ответов, которые, как нам кажется, мы уже получили, будет либо отброшена, либо доработана. В следующем разделе мы представим возможные направления для будущих исследователей. Надеемся, среди них будут и наши читатели.

15.5. Некоторые перспективные направления исследования

В этой главе мы показали, что, хотя многие вопросы, связанные с синтаксическими коррелятами аспектуальности, остаются спорными, эта категория, безусловно, представлена в синтаксической

структуре предложения.

Одним из направлений для дальнейших исследований мог бы послужить несовершенный вид и разнообразие его интерпретаций. Являются ли эти интерпретации следствием связанных с контекстом, прагматических факторов? Или можно установить разные синтаксические позиции в древесной структуре для суффиксов имперфектива с различными последствиями для прочтения глаголов? Есть ли в русском языке синтаксическая проекция перфекта?

Не менее интересны и существительные с приставками, особенно те из них, которые не несут никаких (других) глагольных морфем:

(38) *выброс, перепись, вдох, забег, спад*

Если следовать Рэмченд и утверждать, что приставки входят в деривацию в проекции результирующего состояния ResP, возникает вопрос, является ли ResP расширением глагольной проекции или она существует независимо от категории, комплементом которой является? От ответа на этот вопрос будет зависеть анализ существительных с приставками.

Приставки и сами по себе остаются увлекательной темой исследования. В [Romanova 2009] определяются позиции соединения лексических и супралексических приставок со структурой, выделяются классы глаголов, к которым могут присоединяться приставки только одного или другого типа. Существующие классификации пересматриваются и дополняются (см., например, [Žaucer 2009]), открываются новые структурные группы. До сих пор не было всеохватывающих работ по супралексическим приставкам. В [Татевосов 2009] сделано предположение о существовании промежуточных приставок, но еще предстоит установить их структурную дистрибуцию. И, конечно, ответить на важный вопрос о том механизме, который запускается в аспектуальной системе предложения при присоединении префикса к глаголу несовершенного вида.

Будущие лингвисты и сами смогут найти серьезные и увлекательные темы исследования в этой непростой области знания. Главное, чтобы их не остановила сложность задачи, как она не остановила тех, кто заложил основу генеративной аспектологии.

Глава 16

Генеративные теории информационной структуры предложения

16.1. Знакомство с основными понятиями и проблемами

Одна из наиболее ярких особенностей русского языка с точки зрения иностранцев — так называемый свободный порядок слов. Например, в предложении с подлежащим, дополнением и глаголом теоретически возможны шесть разных порядков слов, и все они встречаются в русском языке!

(1) a. Маша испекла пирог.
b. Пирог испекла Маша.
c. Маша пирог испекла.
d. Пирог Маша испекла.
e. Испекла Маша пирог.
f. Испекла пирог Маша.

Однако нельзя сказать, что эта свобода ничем не ограничена, что разные варианты в (1) можно свободно заменять друг на друга. Все они преподносят разную информацию как новую или уже упоминавшуюся ранее, что-то выделяют, а что-то отодвигают на

второй план. Соответственно, одни варианты хороши в одних контекстах, а другие — в других. В отечественной лингвистике подобное структурирование содержащейся в предложении информации принято называть **актуальным членением предложения**. В англоязычной традиции, генеративной и не только, для такого разделения используется другой, в целом синонимичный, термин — **информационная структура** (information structure). Далее мы будем использовать этот термин, поскольку именно он принят в описываемой нами теории уже не только в англоязычных, но и в русскоязычных работах.

Посмотрим на примеры (1). (1-a) можно использовать как ответ на вопросы *Что случилось?, Что Маша сделала?, Что Маша испекла?*. (1-b), (1-f) — на вопрос *Кто испек пирог?*. (1-b) предпочтительней, если мы говорили о пироге раньше: *За обедом все восхищались отличным пирогом с капустой. Этот пирог испекла Маша. Это было ее коронное блюдо.* Вопросы показывают, какая информация в данном предложении представляется как данная, а какая — как новая. Порядок слов, уместный в контексте "все новое", в частности, в ответ на вопрос *Что случилось?*, называется базовым, каноническим или нейтральным.

(1-c) может появиться, например, в таком контексте: *Маша пирог испекла, а Катя — съела*[1]. (1-d) — в контексте *Пирог Маша испекла, а булочки решила не печь.* И только порядок слов в (1-e), судя по всему, связан не столько с информационно-структур-ными факторами, сколько с особыми смысловыми и стилистическими коннотациями, свойственными этой конструкции в целом. Такие структуры часто встречаются в фольклорных текстах: сказках, былинах, а также в подражающих им анекдотах (*Посадил дед репку, Купил мужик попугая*)[2].

Первое систематическое изучение информационной структуры было предпринято лингвистами, принадлежавшими к Пражской школе ([Mathesius 1932, 1947] и далее). Эта традиция плодотворно развивается уже более полувека, став одним из основных направлений функционализма ([Daneš 1970; Firbas 1971; Hajičová et al. 1973; Hajičová and Sgall 1988; Hajičová et al. 1998] и др.). С

[1] О порядке слов SOV в разговорном русском языке мы говорили в разделе 3.1 и коснемся этой темы далее.

[2] Гипотеза о причинах этого явления была высказана в разделе 12.4.4.

ней связаны и многочисленные работы российских лингвистов, посвященные этой теме ([Ковтунова 2006, 1980; Золотова 2005, 2006; Падучева 1984, 1989; Земская 2004, 1973; Земская Е.А. 1981; Лаптева 2003; Сиротинина 2003, 1974; Янко 2001] и др.).

Генеративные теории информационной структуры появились позже. Однако они рассматривают многие проблемы с новых точек зрения, подходят к их решению с новым инструментарием и в результате добиваются новых результатов. Об этом мы и расскажем в этой главе.

Основные понятия, на которые опираются различные подходы к информационной структуре, — **тема** и **рема** . В англоязычной традиции более распространены термины **топик** и **фокус**[3].

Вилем Матезиус [Mathesius 1947] определил тему как исходную точку высказывания, иначе говоря, как то, о чем это высказывание, а рему — как то, что сообщается о теме. Например, если предложение (1-а) отвечает на вопрос *Что Маша сделала?*, можно сказать, что это предложение о Маше и про нее сообщается, что она испекла пирог. Таким образом, *Маша* в этом случае будет темой (1-а), а *испекла пирог* — ремой.

Сформулированное Матезиусом определение темы осталось неизменным в большей части последующих работ, независимо от лингвистического направления, а на определение ремы есть и другие точки зрения. Некоторые авторы связывают рему с новой информацией (например, [Halliday 1966]). Однако большая часть лингвистов признает, что входящая в рему информация не всегда является новой. Скажем, в приведенном выше примере собеседники могли говорить о Маше и до этого, просто один из них не знал, что именно она испекла пирог.

Для других авторов рема — то, что не входит в пресуппозицию, тот элемент информации, которым ассерция отличается от пресуппозиции [Lambrecht 1994]. Несколько упрощая, ассерцией называется вся утверждаемая в предложении информация, а пресуппозицией — та ее часть, которая считается истинной на

[3]В большинстве англоязычных работ топик и фокус — синонимы темы и ремы. Несколько запутывает то, что термины *топик* и *фокус* используются и в некоторых русскоязычных работах, но в другом значении.

момент его произнесения (или должна быть принята за истину)[4]. Кроме того, в большинстве работ так или иначе используется метод вопросов, изначально предложенный Анной Хэтчер [Hatcher 1956]. Некоторые лингвисты основывают на нем свое определение ремы, другие обращаются к нему, чтобы установить границы ремы в конкретных высказываниях. Согласно этому методу, рема — та часть предложения, которая служит ответом на поставленный к нему (гипотетический) вопрос. Можно сказать, что и мы уже воспользовались этим методом, иллюстрируя возможные контексты для предложений в (1) при помощи вопросов.

Хотя определение ремы вызывает разногласия, а определение темы — нет, мнения о том, что может считаться темой в конкретном предложении, могут сильно различаться. Также споры идут о том, нужны ли для описания информационной структуры предложения еще какие-то понятия и какие именно. В разных работах вводятся понятия контраста, дискурсной привязки (о ней мы расскажем в разделе 16.4.), противопоставление данной и новой информации и т.д. Обсуждение этих проблем, а также новую точку зрения на их решение можно найти в [Слюсарь 2009]. Так как эта книга посвящена генеративным подходам к информационной структуре, почти все затронутые в этой главе темы обсуждаются там намного более подробно.

Переходя к средствам выражения информационной структуры, можно заметить, что предложения в (1) отличаются не только порядком слов, но и тем, на какое слово падает основное ударение. Возьмем для примера (1-a) и (1-b). В обоих предложениях основное ударение приходится на последнее слово, но в (1-a) это дополнение, а в (1-b) — подлежащее.

За ударения отвечает просодия, относящаяся к фонологии. На протяжении этой книги мы неоднократно говорили о том, что

[4]Рассмотрим вопрос *Вы уже перестали бить свою жену?* Что бы собеседник ни ответил, *да* или *нет*, он признает, что бил свою жену раньше, но теперь либо перестал это делать, либо все еще продолжает. Таким образом, то, что он бил свою жену, — пресуппозиция этого предложения. Оно может быть произнесено в том случае, если эта информация уже известна и считается истинной, или же "заставляет" собеседника принять ее за истину. Это не значит, что пресуппозицию нельзя отрицать, но ответы *нет* и *неправда* для этого не подходят. Собеседник должен сказать нечто вроде: "Вы предполагаете, что я бил свою жену, но на самом деле это не так".

фонологический облик предложения формируется, когда синтаксическое дерево попадает на сенсомоторный, или фонологический, интерфейс. Значит, изменение места ударения — лишь побочный эффект изменения порядка слов? Все явно не так просто, ведь вместо того, чтобы поменять порядок слов с SVO на OVS, как в (1-b), мы можем перенести основное ударение на подлежащее, как в (2), и с точки зрения информационной структуры эффект будет тот же самый. Слово, на которое падает главное ударение, по традиции обозначается заглавными буквами:

(2) МАША испекла пирог.

Объяснить, как именно соотносятся связанные с информационной структурой синтаксические и просодические явления, — одна из важнейших задач для любой теории в этой области.

16.2. Как получаются разные порядки слов

Первые генеративные работы, где на материале разных языков рассматривались вариации порядка слов, подобные (1), изучали не стоящие за ними особенности информационной структуры, а как они устроены с точки зрения синтаксиса. Большая часть авторов склоняется к тому, что небазовые порядки слов получаются из базового в результате дополнительных передвижений. Учитывая то, что мы уже знаем о принципах генеративной грамматики, это вполне логично. Например, у предложений в (1) совпадает предикатно-аргументная структура, и EPP в области T должен действовать одинаково, так что "костяк" синтаксического дерева должен быть один и тот же. Тем не менее, разный порядок слов указывает и на существование определенных различий. За счет чего они возникают? За счет передвижений.

Следующий вопрос — все ли такие передвижения обладают одинаковыми свойствами. Например, в голландском принято разделять **скрэмблинг** (scrambling)[5], как в примере (3-b) ниже, и **топикализацию** (topicalization), подобную тому, что мы

[5]По-английски этот термин означает "перемешивание", что лишний раз указывает на то, что изначально соответствующие вариации в порядке слов воспринимались как бессистемные и лишенные смысла.

видим в (1-d). В русском, а также, например, в японском все связанные с информационной структурой передвижения обычно рассматриваются как единое явление, к которому часто применяется термин скрэмблинг.

В главе 8 мы разделили все передвижения на A- и A'-передвижения. Пытаясь выяснить, к какому из этих типов относится скрэмблинг, генеративисты получили противоречивые результаты, которые долго и горячо обсуждались. По-русски об этой дискуссии можно прочитать в сборнике "Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления" в главе, написанной Н.Ю. Кондрашовой [Кондрашова 2006]. В статье [Müller and Sternefeld 1993] описаны интересные различия между скрэмблингом и передвижениями вопросительных слов в русском языке.

Впрочем, некоторые исследователи связывают определенные вариации в порядке слов с исходными различиями в синтаксической структуре. В этом случае принято говорить о **базовом порождении** (base-generation). Иначе говоря, они считают, что в каких-то случаях можно соединять слова между собой в разном порядке. Рассмотрим эту идею на примере голландских предложений в (3).

(3) a. ... dat Jan langzaam het boek las.
что Ян медленно АРТ книга читал
'... что Ян медленно читал книгу'.
b. ... dat Jan het boek langzaam las.
что Ян АРТ книга медленно читал

Ад Неелеман и Таня Райнхарт [Neeleman and Reinhart 1998], теория которых будет представлена в разделе 16.4., считают, что в первом случае глагол сперва соединяется с дополнением, а потом с наречием, а во втором — наоборот. Они рассматривают наречия как адъюнкты, которые не связаны жестко с определенным местом в синтаксическом дереве, что дает нам определенную свободу при выборе места их присоединения. Однако, как явствует из главы 11, многие современные подходы к наречиям несовместимы с такой точкой зрения. По этой причине, а также потому, что базовое порождение заведомо не годится для объяснения большинства связанных с информационной структурой вариаций порядка слов, мы не будем далее останавливаться

на этом вопросе (см. [Abels In press]).

Вопрос о том, какие оттенки смысла стоят за рассматриваемыми нами передвижениями, в генеративных работах изначально игнорировался. Известный японский генеративист Мамору Сайто [Saito 1989] даже назвал скрэмблинг семантически пустым передвижением — он считал, что оно ничего не меняет в смысле предложения. Затем ситуация изменилась, и сейчас в генеративизме существует несколько подходов к информационной структуре. В первом приближении их можно разделить на признаковые и конфигурационные.

16.3. Признаковые модели информационной структуры

Суть признаковых моделей заключается в том, чтобы кодировать связанные с информационной структурой значения при помощи признаков, таких, как F ("фокус", или "рема") и Top ("топик", или "тема"). Наиболее известна модель Луиджи Рицци [Rizzi 1997], который, как мы убедимся ниже, считает, что информационно-структурные признаки ведут себя точно так же, как все прочие. Среди других подобных моделей можно назвать [Bródy 1990; Brody 1995; Laka 1990; Ortiz de Urbina 1999; Ouhalla 1994; Tsimpli 1995; Tuller 1992; Vilkuna 1995].

В своей статье "Подробная структура левой периферии" Рицци анализирует различные элементы, которые могут оказаться в начале предложения, и приходит к выводу, что одной проекции CP совершенно недостаточно, чтобы их вместить. Скажем, группа *a cui* 'которому', вводящая придаточные предложения, всегда идет перед вынесенными в начало предложения темами и ремами, а вопросительная группа *a chi* 'кому' — после них[6].

[6]Как показывают глоссы, пример (5-а) чем-то похож на русское предложение: "Нобелевская премия, кому они ее дадут?". Разница в том, что *lo* — местоимение-клитика. Клитики ведут себя иначе, чем обыкновенные местоимения (о них будет вкратце рассказано в главе 17). Кроме того, в русском языке конструкции такого рода встречаются редко, а в итальянском выдвижение темы всегда сопровождается появлением клитик. Поэтому мы решили, что русские предложения с простым выдвижением темы будут более близким переводом.

(4) a. Un uomo a cui, il premio Nobel,
АРТ человек ПРЕДЛ которому АРТ премия Нобель
lo daranno senz'altro.
ее дадут несомненно
'Человек, которому нобелевскую премию дадут несомненно'.
b. *Un uomo, il premio Nobel, a cui lo daranno senz'altro.

(5) a. Il premio Nobel, a chi lo daranno?
АРТ премия Нобель ПРЕДЛ кому ее дадут
'Нобелевскую премию кому дадут?'
b. *A chi, il premio Nobel, lo daranno?[7]

Раньше мы поместили бы и *a cui*, и *a chi* в спецификатор CP, но теперь видно, что для них нужны две разные посадочные площадки, а между ними — позиции для выдвинутых вперед тем и рем[8]. Рицци замечает, что в предложении может быть всего одна выдвинутая вперед рема, а темы могут идти и до, и после нее, причем их может быть несколько:

(6) A Gianni, QUESTO, domani, gli dovrete dire.
ПРЕДЛ Джанни это завтра ему должны сказать
'Вы Джанни (именно) ЭТО завтра и должны сказать'.

Какие позиции занимают выдвинутые вперед темы и ремы? Рицци полагает, что для них есть специальные связанные с информационной структурой проекции TopP и FocP. То есть так называемая левая периферия предложения, самая верхняя часть

[7]Такой порядок слов, как в (5-b), возможен в русском языке. Однако *нобелевская премия* окажется в этом случае не темой, а частью ремы. Дело в том, что в разговорном русском часто встречаются конструкции с порядком слов OV, а не VO (например, *Мы чай пьем* вместо *Мы пьем чай*), что в итальянском невозможно (подробнее об этом см. [Слюсарь 2009, стр. 285-292]).

[8]Может возникнуть вопрос: почему вместо этого нельзя создать несколько площадок для тем и рем вокруг спецификатора CP? Дело в том, что темы и ремы в (4-a) и (5-a) и других аналогичных предложениях ничем не отличаются, а у *a cui* и *a chi* все-таки разные функции: одно вводит относительное придаточное, а другое — вопрос.

синтаксического дерева, где раньше использовалась всего одна проекция CP, выглядит так:

(7) [ForceP Force [TopP* Top [FocP Foc [TopP* Top [FinP Fin [IP ...]]]]]]

Звездочка означает, что проекции TopP могут повторяться. Force и Fin — позиции для комплементаторов. Почему Рицци выбрал для них такие названия, объясняется в статье.

Как темы и ремы попадают в спецификаторы TopP и FocP? С точки зрения Рицци, их передвижения ничем не отличаются от любых других. Например, на вопросительной группе и на вершине Fin, которая теперь отвечает за то, является предложение утверждением или вопросом, есть вопросительные признаки. Между ними происходит согласование, после чего вопросительная группа может передвинуться в спецификатор FinP (как, например, в английском), а может остаться в своей исходной позиции (как в японском). Точно так же на какой-то составляющей может быть, например, признак F. После согласования с признаком F на вершине Foc она будет интерпретирована как рема и либо передвинется в спецификатор FocP, либо останется на месте.

Плюсы такого подхода очевидны: для описания информационной структуры не приходится вводить никаких новых механизмов и правил. Его последователи также обращают внимание на то, что в некоторых языках (скажем, в японском или в сомалийском) есть связанные с информационной структурой морфемы, которые можно считать реализацией признаков Top и F. А как эти признаки реализуются в русском и других европейских языках? Признак F — как основное ударение, а Top — как характерная для тем особая интонация.

Однако, проанализировав эту теорию более тщательно, можно заметить и многочисленные проблемы. Во-первых, в случае с вопросительными признаками у нас были языки, где все вопросительные группы остаются на месте, и языки, где все (или почти все) вопросительные группы передвигаются в спецификатор ответственной за вопросительность вершины[9]. С ремами

[9]Например, в русском и в английском это возможно в так называемых эхо-вопросах (когда человек переспрашивает: *Я видел синхрофазотрон.* —

ситуация совсем иная.

В английском передвижения, связанные с информационной структурой, крайне редки, и на рему просто сдвигается основное ударение. В итальянском и русском передвижений довольно много, однако в результате рема в подавляющем большинстве случаев оказывается не в начале предложения, как в (6), а в конце, как в русских примерах (1). Об этих передвижениях теория Рицци нам не говорит вообще ничего, а между тем именно они составляют основной массив данных, которые мы хотели бы описать.

Во-вторых, связанные с информационной структурой морфемы в разных языках ведут себя очень по-разному, но совсем не так, как мы могли бы ожидать с точки зрения теории Рицци, а основное ударение — это крайне необычная реализация для признака. Об этих и других проблемах подробнее можно прочесть в [Слюсарь 2009].

Существует и другой взгляд на информационно-структурные признаки, вернее, на один из них — F. Изначально предложенный Рэем Джекендоффом [Jackendoff 1972], он использовался затем во многих работах, особенно в семантических. Согласно этому взгляду, признак F ведет себя совершенно иначе, чем те же вопросительные признаки. С ним не связано никаких “специализированных” вершин, согласования, передвижений. Просто любая составляющая, обладающая признаком F, интерпретируется как новая информация и часть ремы, а не обладающая — как данная.

Несложно догадаться, что этот подход был разработан на материале английского языка, где, как мы уже говорили, практически нет связанных с информационной структурой передвижений. Очевидно, что для описания языков типа итальянского или русского он заведомо не годится.

Ты видел что?).

16.4. Конфигурационные модели информационной структуры

К наиболее влиятельным конфигурационным моделям информационной структуры относятся теории Тани Райнхарт, Ада Неелемана и Кристы Сэндрой [Reinhart 1995, 2006; Neeleman and Reinhart 1998; Szendrői 2001]. Прежде чем перейти к их анализу, познакомимся на интуитивном уровне с важным для них понятием нейтрального основного ударения (подробное освещение этой темы можно найти в [Слюсарь 2009]). Несколько упрощая, можно сказать, что в русском языке нейтральное основное ударение падает на самое глубокое слово в синтаксической структуре:

(8) Петр прочитал КНИГУ[10].

Это же правило оказывается верным для подавляющего большинства других языков. Только, например, в голландском или немецком за счет того, что некоторые вершины при линеаризации идут после своих комплементов, самый глубокий элемент в синтаксической структуре, в отличие от русского, зачастую не является самым последним в предложении:

(9) Peter hat ein BUCH gelesen.
Петер ВСП АРТ книга читал
'Петер прочитал книгу'.

Теперь мы можем перейти к модели информационной структуры, предложенной Таней Райнхарт и Адом Неелеманом. Значению ремы в них соответствует не признак, а конфигурация "составляющая, которая содержит основное ударение предложения". Возьмем предложение с порядком слов SVO. Райнхарт и Неелеман разбирают английские примеры, но мы можем взять и русский, скажем, (8).

В этом примере составляющие, которые несут ударение, — это дополнение DP (*книгу*), глагольная группа vP (*прочитал книгу*) и все предложение TP (*Петр прочитал книгу*). Как и предсказывает модель Райнхарт и Неелемана, именно они яв-

[10] Слово *книгу* самое глубокое, так как находится внутри именной группы, с которой затем соединяется глагол.

ляются возможными ремами (8). Это предложение может быть использовано в качестве ответа на вопросы (10-a)–(10-c), но не (10-d)–(10-e).

(10) a. Что Петр прочитал?
b. Что Петр сделал?
c. Что случилось?
d. Кто прочитал книгу?
e. Что Петр сделал с книгой?

Именная группа-подлежащее не содержит основное ударение. Что надо сделать, чтобы она могла стать ремой? В английском вариант всего один — переместить на нее основное ударение. Это можно сделать и в русском языке, хотя мы чаще прибегаем к изменению порядка слов, о котором пойдет речь ниже:

(11) ПЕТР прочел книгу.

Согласно Райнхарт и Неелеману, за сдвигом ударения в (11) стоят две независимые операции. Во-первых, это усиление ударения (*stress strengthening*), когда слово, на которое раньше не падало основное ударение, получает его. Во-вторых, это потеря ударения (*destressing*). В результате первой операции новая составляющая получает возможность стать ремой. Вторая связана с так называемой дискурсной привязкой: потерявшая ударение составляющая (в данном случае *книгу*) интерпретируется как привязанная к доступному элементу дискурса[11].

Какие элементы можно считать дискурсно-привязанными? Прежде всего, упоминавшиеся в тексте ранее, то есть данные. Однако понятие дискурсной привязки шире понятия данности. Так, в примере (12-b) концепт книги оказывается дискурсно-привязанным за счет того, что в предыдущем предложении упо-

[11]Термин *дискурс* имеет множество значений. В данном случае под дискурсом понимается информация, задействованная в рамках коммуникативной ситуации, которая постоянно систематизируется и дополняется участниками по мере продолжения коммуникации. Причем имеется в виду не только та информация, которая непосредственно содержится в каждом предложении, но и та, которая необходима для его понимания (скажем, какие-то особенности визуального окружения или общие знания о мире, к которым обращаются говорящий и слушающий).

минается конкретная книга — “Бойня № 5”:

(12) a. A: Has John read ‘Slaughterhouse five’?
вспJ Джон читал Бойня пять
‘Джон читал “Бойню №5”?’
b. B: No, John doesn’t READ books.
нет Джон вспJ.нег читает книги
‘Нет, Джон не ЧИТАЕТ книг’.

Заметим, что в (11) составляющие, содержащие основное ударение, — это не только подлежащее, но и ТР. Почему же тогда все предложение не может быть ремой — ведь (11) не годится в качестве ответа на вопрос (10-е)? За это отвечает принцип экономии: перемещать ударение можно только в том случае, если это что-то нам даст, а именно, сделает возможной новую интерпретацию предложения. Как показывает пример (8), ТР может быть ремой и без сдвига ударения, поэтому в (11) со сдвигом ударения этот вариант недоступен.

Теперь убедимся в том, что усиление и потеря ударения — действительно разные операции. В (13-с) мы не перемещаем ударение на какое-то слово, которое хотим сделать ремой. Как и в предложениях SVO с ударением на дополнении, ремой в этом предложении является глагольная группа (*прочел ее*). Мы убираем ударение с местоимения *ее*, так как оно, как это свойственно местоимениям, отсылает к уже упоминавшемуся ранее предмету, а потому должно быть интерпретировано как дискурсно-привязанное. В результате ударение оказывается на идущем перед *ее* глаголе.

(13) a. Анна подарила Петру книгу.
b. И что он сделал?
c. Он сказал “спасибо” и ПРОЧЕЛ ее.

(14) a. ... dat Jan langzaam het BOEK las.
что Ян медленно артJ книга читал
‘... что Ян медленно читал книгу’.
b. ... dat Jan het boek langzaam LAS.
что Ян артJ книга медленно читал
‘...что Ян книгу медленно читал’.

Многие генеративисты считают, что (14-b) получается из (14-a) путем передвижения дополнения, а Райнхарт и Неелеман полагают, что порядок слов в (14-b) — результат базового порождения. Мы говорили об этом в разделе 16.1.. По смыслу (14-b) отличается от (14-a) тем, что дополнение в нем интерпретируется как дискурсно-привязанное.

Модель Райнхарт и Неелемана с легкостью объясняет, с чем связана эта интерпретация. Независимо от того, используется ли в (14-b) передвижение дополнения или базовое порождение, очевидно, что самым глубоким элементом в синтаксической структуре этого примера оказывается глагол. Если имело место передвижение, то комплемент глагола поднялся вверх, а если дополнение изначально присоединяется выше наречия, то позиция комплемента глагола остается незанятой (какую бы позицию ни занимало наречие, комплементом глагола оно быть не может). Соответственно, если в (14-a) основное ударение падает на дополнение, в (14-a) его получает глагол, а дополнение интерпретируется как дискурсно-привязанное.

Почему Райнхарт и Неелеман предпочли базовое порождение передвижениям? Они стремились сохранить традиционное генеративное представление об устройстве грамматики, согласно которому вначале мы строим синтаксическую структуру предложения, а затем, применяя определенные правила на сенсомоторном интерфейсе, определяем его фонологический облик, в частности, просодические характеристики. Правило, согласно которому нейтральное основное ударение падает на самую глубокую составляющую, полностью соответствует этому подходу: место ударения зависит от особенностей синтаксической структуры. Можно заметить, что Райнхарт и Неелеман уже несколько отступили от этого подхода, предположив, что можно передвинуть основное ударение, ничего не меняя в синтаксической структуре предложения, как в примере (11). Откуда на сенсомоторном интерфейсе становится известно, что в этом случае ударение надо ставить не на самый глубокий в синтаксической структуре элемент, как обычно, а на какое-то другое слово? Это остается непонятным.

Однако, если бы Райнхарт и Неелеман предположили, что в (14-b) дополнение передвигается, по сути, “убегая” от ударения, это увело бы их еще дальше от традиционного генеративного

взгляда на устройство грамматики. Получается, что во время построения синтаксического дерева мы уже “знаем”, куда попадет основное ударение, а просодические особенности предложения могут не только меняться независимо от синтаксических, как при описанном выше передвижении ударения, но и влиять на синтаксис! В таком случае просодическая структура предложения должна строиться не после синтаксической и с опорой на нее, а параллельно с ней. Минусы такого подхода очевидны: он предполагает, что вместо одной структуры грамматика по отдельности строит две, что кажется исключительно неэкономным, а потому противоречит духу минимализма.

Именно поэтому Райнхарт и Неелеман рассматривают конструкции типа (14-b) как результат базового порождения — в этом случае усложнять устройство грамматики не приходится. Согласно такому подходу, синтаксис иногда предоставляет нам определенную свободу, позволяя соединить слова в том или в другом порядке. Такая свобода может быть связана с особыми свойствами наречий как адъюнктов. По независимым причинам получившиеся конструкции имеют разные ударения, а потому получают и разные интерпретации.

Основная проблема этого подхода заключается в том, что связанные с информационной структурой вариации порядка слов в других языках касаются далеко не только наречий, а потому никак не могут быть результатом базового порождения. Поэтому Криста Сэндрой [Szendrői 2001], применившая теорию Райнхарт и Неелемана к таким языкам, как венгерский и итальянский, вынуждена была ввести **просодически мотивированные передвижения** и постулировать в грамматике две параллельные структуры: синтаксическую и просодическую.

Познакомимся с ее теорией на русском примере. Как сделать подлежащее ремой в предложении (15-a)? Можно переместить на него ударение (15-b), а можно передвинуть слова таким образом, чтобы подлежащее оказалось самым глубоким элементом и получило нейтральное основное ударение (15-c):

(15)

a. Петр прочел КНИГУ.

b. ПЕТР прочел книгу.

c. Книгу прочел ПЕТР.

В английском почти всегда используется первая стратегия, в итальянском — почти всегда вторая, а в русском языке возможны обе стратегии. У такого подхода есть серьезные преимущества: он объясняет многие явления в разных языках, о которых признаковые подходы не могли сказать ничего. О его минусах мы уже говорили: получается, что вместо одной структуры грамматика строит две, синтаксическую и просодическую, что крайне неэкономно. Кроме того, Сэндрой ничего не говорит о том, как происходят просодически мотивированные передвижения: что их запускает и спецификаторы каких проекций они задействуют.

Н.А. Слюсарь отвечает на этот вопрос в [Слюсарь 2009], опираясь преимущественно на данные русского языка. Однако анализ предложенной там модели увел бы нас слишком далеко, так как требует дополнительных синтаксических знаний. В любом случае следует признать, что многие другие вопросы в этой области пока остаются нерешенными, то есть создание относительно непротиворечивой генеративной теории информационной структуры — все еще дело будущего.

В заключение следует заметить, что, кроме описанных выше моделей, в рамках генеративизма существуют работы, где информационная структура считается особым уровнем грамматики наравне с сенсомоторным и логико-концептуальным интерфейсом (см. [Кондрашова 2006]). Такой подход представляется нам неудачным. У каждого предложения есть звучание (написание) и значение, поэтому введение двух интерфейсов, семантического и фонологического, совершенно оправдано, а никаким другим уровням в системе места нет.

Глава 17

То, что осталось за кадром

В нашей книге охвачены основы генеративной грамматики, представлено ее современное состояние и более подробно разобрано несколько проблем. Тем не менее, это вершина айсберга. Даже если взять только один синтаксис, оставив в стороне морфологию и явления на стыке синтаксиса и семантики или синтаксиса и фонологии, проблем для исследования — десятки. Кроме того, вспомним, например, главу 14, посвященную теории связывания. Хотя генеративистам удалось обнаружить в этой области универсальные закономерности, в каждом исследованном языке пришлось разгадать для этого какие-то свои загадки. В этой главе мы перечислим некоторые проблемы, разработанные в генеративизме особенно тщательно, но не упомянутые в нашей книге хотя бы мельком. И снова — неизбежно — наш список окажется далеко не полным. Его главная цель — дать читателю хотя бы некоторое представление о том, какое огромное поле для исследований лежит перед генеративистами. Можно не сомневаться, что каждому из нас найдется на нем свое место.

17.1. Эллипсис

В предыдущих главах мы упоминали разнообразные фонетически нулевые элементы: следы, впоследствии замененные на копии, малое *pro*, в ряде языков с богатой глагольной морфологией

заменяющее собой озвученное подлежащее[1], большое PRO, подлежащее инфинитивных клауз, контролируемое одним из аргументов главного предложения, обычно подлежащим. Кроме того, мы также вскользь писали об эллипсисе (например, в главе 2), когда при озвучивании опускается, то есть оказывается фонетически нулевой, одна из двух идентичных составляющих. Например, предложение в (1-a) получено в результате опущения глагольной группы (1-b). Глагольная группа в первой клаузе в (1-a) называется антецедентом подвергшейся эллипсису глагольной группы во второй клаузе.

(1) a. Маша [$_{VP}$ купила машину], и Света тоже *e*.
b. Маша [$_{VP}$ купила машину], и Света тоже [$_{VP}$ купила машину].

Существует множество разновидностей эллипсиса, которые были выявлены в ходе изучения этого явления в разных языках. Анализ многих из них является предметом бурных споров. Рассмотрим несколько примеров (большая их часть взята из [Johnson 2008]):

• **VP-эллипсис** (кроме приведенного ниже примера, именно он наблюдается в (1)).

(2) She read something and he did *e* too.
она прочитала что-то и он ВСП тоже
'Она прочитала что-то и он тоже'.

• Эллипсис глагола, который также называется **зиянием**[2] (gapping):

[1]Некоторые лингвисты считают, что от *pro* нужно избавиться, а другие ратуют за его сохранение (см., например, [Alexiadou and Anagnostopoulou 1998; Holmberg 2005]). Эта дискуссия тесно связана со спором о существовании фонетически нулевых эксплетивов, которого мы коснулись в главе 12.

[2]Я.Г. Тестелец переводит *gapping* как "сокращение с образованием внутреннего пробела" [Тестелец 2001].

(3) Some read something to Sam and others *e*
некоторые читали что-то ПРЕДЛ Сэм а другие
to Billy.
ПРЕДЛ Билли
'Одни читали что-то Сэму, а другие Билли'.

Можно заметить, что в данном случае опускается не вся глагольная группа, а только глагол.

• **Псевдозияние** (pseudogapping):

(4) This noise may not bother you, but it does *e* me.
этот шум может НЕГ беспокоить тебя но он ВСП меня
'Этот шум может не беспокоить тебя, но меня он беспокоит'.

С одной стороны, псевдозияние похоже на зияние тем, что исчезает не вся глагольная группа — например, в (4) сохранено дополнение. С другой стороны, в предложениях с псевдозиянием всегда присутствует вспомогательный глагол. Это делает анализ подобных примеров особенно сложным. Как видно из перевода, в русском точного аналога таких конструкций не существует.

• **Подъем правого узла** (right node raising):

(5) Mary deliberately *e* and Ann accidentally read
Мэри нарочно а Энн случайно прочла
something.
что-то
'Мэри нарочно, а Энн случайно что-то прочла'.

В данном случае эллипсис содержится в первой, а не во второй части предложения.

• Эллипсис IP, или **размывание** (sluicing):

(6) She read something, but she won't say what *e*.
она прочла что-то но она ВСП.НЕГ сказать что
'Она что-то прочитала, но не скажет, что'.

Напомним, что IP в более старых работах занимало то же место, что сейчас TP. В придаточном предложении в (6) остался уровень CP, а все, что находилось ниже, подверглось эллипсису.

• **Удаление стандарта сравнения** (comparative deletion):

(7) Mary has read more books than Ann has *e*.
Мэри ВСП прочитала больше книг чем Энн ВСП

Этот список неполный. Тем не менее, даже по нему видно, что разные типы эллипсиса ведут себя по-разному и встречаются в разных языках [Lobeck 1995; Merchant 2001; Aelbrecht 2009; Johnson 2008]. Надо заметить, что в русском есть такие виды эллипсиса, которые отсутствуют в английском [Schoorlemmer and Temmerman 2010; Kazenin 2004]. Также интересно отметить, что при подъеме правого узла в русском языке вдруг становится возможным употребление предлога без дополнения, что обычно не допускается (мы обсуждали это в разделе 8.4.):

(8) Мария заболела до *e*, а Анна после Нового года.

Важная проблема при изучении эллипсиса заключается в том, что иногда трудно отличить его от прагматического опущения информации, понятной из контекста (см. [Gribanova 2009, To appear], а также [Bailyn 2011b], где опровергаются некоторые аспекты предложенного в этих работах анализа). Прагматическое опущение не требует идентичного антецедента в рамках одного предложения, однако на него накладываются другие ограничения. Скажем, в (9) опущено дополнение-придаточное *что сейчас придет Петя*, которое не присутствует нигде в предыдущем тексте, но легко угадывается из контекста.

(9) a. Сейчас придет Петя.
b. Я знаю.

Интересны случаи, когда подвергшийся эллипсису элемент содержится внутри своего собственного антецедента, что напоминает бесконечное отражение в двух зеркалах, расположенных под определенным углом друг к другу. Это явление называется **удалением внутри антецедента** (antecedent contained deletion),

и ему также посвящено большое количество работ (см., например, [Fox 1995, 2002]):

(10) John [$_{VP}$ likes every boy Mary does
Джон нравится каждый мальчик Мэри ВСП
<likes t>].
нравится
'Джону нравится каждый мальчик, который нравится Мэри'.

В примере (10) кажется нарушенным условие идентичности. Подвергшаяся эллипсису группа *likes t* не совпадает с антецедентом *likes every boy Mary likes t*. Есть несколько стратегий для решения этой проблемы, но мы здесь не будем углубляться в эту тему.

17.2. Придаточные предложения

Предложение в (10) — сложноподчиненное, а мы мало говорили об этом типе конструкций. Тем не менее, в данной области генеративного синтаксиса было накоплено много интересного материала. Из традиционной грамматики мы все знаем, что придаточные предложения (или клаузы) в составе сложноподчиненных могут относиться к нескольким классам:

- аргументные придаточные (выполняющие функцию дополнения или подлежащего);
- придаточные обстоятельства (места, времени, образа действия и т.д.);
- относительные придаточные (выступающие в качестве атрибутивной модификации существительного в главной клаузе)

Мы немного говорили о первых двух типах, обсуждая передвижения вопросительных слов и некоторые другие темы, но совсем не затрагивали относительные придаточные. Между тем,

их анализу посвящено немало генеративных работ (см., например, [Bianchi 1999; de Vries 2002]). В (10) мы имели дело именно с относительным придаточным. Люди, изучающие английский язык, наверняка также сталкивались с делением относительных придаточных на **рестриктивные** (restrictive) (11-a) и **нерестриктивные** (non-restrictive relative clauses) (11-b):

(11) a. My cousin who lives in Moscow is coming
мой кузен кто живет в Москва ВСП приезжает
to visit next week.
ИНФ посетить следующий неделя
'Мой двоюродный брат, который живет в Москве, едет в гости на следующей неделе'.

b. My cousin, who lives in Moscow, is coming
мой кузен кто живет в Москва ВСП приезжает
to visit next week.
ИНФ посетить следующий неделя
'Мой двоюродный брат, который живет в Москве, едет в гости на следующей неделе'.

В чем же разница между (11-a) и (11-b), кроме запятой? Предложение в (11-a) мы понимаем так, что у меня несколько двоюродных братьев, и приезжает тот из них, который живет в Москве. Именно поэтому предложение называется рестриктивным — оно ограничивает множество участников ситуации. В (11-b) речь идет о единственном двоюродном брате, и, как мы поясняем с помощью придаточного, этот брат живет в Москве. Запятые на письме в речи выражаются паузами — в игру вступает просодия (мы говорили о ней и о синтактико-просодическом параллелизме в главе 16).

Если в относительном предложении придаточная часть идет раньше главной, значит, перед нами коррелятивная конструкция:

(12) Кто пришел первым, тот занял лучшие места.

Коррелятивы активно исследуются с позиций генеративной грамматики (см., например, [Lipták 2009]). Они встречаются не во всех языках, скажем, в английском их нет. О русских корреля-

тивах можно прочесть в [Mitrenina 2010].

Рассмотрим еще несколько типов относительных предложений. Некоторые из них, как это ни парадоксально, не относятся ни к одному из слов в главной клаузе (13). Они называются **безвершинными относительными предложениями** (headless relative clauses):

(13) Арутюнов, [кого изловил], гнал домой тонко выкрикивая: “Прекратите!”. [Лютикова 2008]

Барбара Читко [Citko 2004] выделяет в польском языке тип *легковершинных* относительных предложений (light-headed relatives). Ее пример легко перевести на русский язык, а значит, такие придаточные есть и в русском:

(14) Ян читает *то*, [что Мария читает].

Мало того, что относительные придаточные демонстрируют целый ряд интересных свойств (см. [Лютикова 2008]), они во многом ведут себя иначе, чем другие типы придаточных. Например, мы знаем, что в русском языке, в отличие от английского, нет согласования времен. Но это заявление верно только для придаточных дополнения. В относительных придаточных мы наблюдаем что-то похожее на согласование времен в английском:

(15) a. Ваня сказал, что девушка плакала/ плачет.
b. Ваня увидел девушку, которая плакала/ ?плачет.

В предложении (15-a) время глагола в придаточном соответствует времени глагола в прямой речи: после слова *сказал* мы можем поставить двоеточие, открыть кавычки и в точности воспроизвести Ванино высказывание без потерь для понимания. В предложении (15-b) настоящее время глагола не будет связано с тем моментом в прошлом, в котором Ваня увидел девушку. Это предложение означает, что девушка плачет часто или всегда. Только прошедшее время будет соответствовать той реальности, которую мы хотим представить. Более подробно об этом можно прочитать в диссертации О.Г. Хомицевич [Khomitsevich 2008].

17.3. Глаголы: серии, комплексы, инфинитивы

Мы писали о глаголах, об оболочках и составе глагольных групп, но только мельком затронули случаи, при которых несколько глаголов образуют цепочку. В главе 1 мы упомянули о параметре глагольной сериализации и сообщили, что у него положительное значение в кхмерском и в африканском языке эдо и отрицательное в английском, индонезийском и русском, несмотря на редкие примеры вроде *ходит разговаривает* или *пойдем покурим*. Как видно из этих коротких серий, оба глагола, их составляющие, согласуются по времени, виду и ϕ-признакам. Такие цепочки регулярно встречаются и в менее экзотических языках, чем кхмерский и эдо, например, в шведском [Wiklund 2007]:

(16) a. Han *försökte* o *skrev* ett brev.
он попытался и написал АРТ письмо
'Он попытался написать письмо'.

b. Han hade kunnat skrivit.
он ВСП мочь.ПРИЧ писать.ПРИЧ
'Он мог написать'.

И если конструкции, в которых оба глагола имеют одинаковые морфологические формы, как в (16-a), можно найти в современных разновидностях английского языка (попробуйте поискать в Интернете *tried and wrote* в значении 'попытался написать'), то конструкции, где причастия копируют друг друга, как в (16-b), в английском не встречаются вовсе.

В английском, как и во многих других языках, цепочки глаголов, следующие за первым вспомогательным (глагольные комплексы), отличаются друг от друга по форме. Среди них обязательно присутствует инфинитив, который служит предикатом отдельной клаузы и, как полагается предикату, имеет собственное подлежащее — фонетически нулевое PRO или озвученную именную группу. Иногда у инфинитивных оборотов даже есть собственные комплементаторы. Более того, некоторые синтаксические операции возможны только локально, внутри инфинитивной клаузы:

(17) a. Немецкий пассив:
Ich wollte [$_{CP}$ PRO gehört werden].
я хотел PRO услышан стать
'Я хотел быть услышанным'.

b. Итальянская клитика:
Detesto vederlo in quello stato.
ненавижу видеть.его в такой состояние
'Я терпеть не могу видеть его в таком состоянии'.

В (17-a) за глаголом *wollte* 'хотел' следует страдательное причастие, образованное от глагола *hören* 'слышать', и инфинитив вспомогательного глагола *werden* 'стать' (вспомним, что в немецком языке в VP и TP вершина при линеаризации оказывается слева, а не справа от комплемента, как в русском). Так же себя ведут дополнения глаголов типа *хотеть* во многих европейских языках. В (17-b) мы видим **клитику** (clitic): легкий аналог полного личного местоимения, который норовит приклеиться к значимому слову, например, как здесь, к глаголу *vedere* 'видеть'[3].

Однако после некоторых глаголов в немецком (18-a) и итальянском (18-b) (а также японском, испанском и голландском языках) [Wurmbrand 2001] инфинитив ведет себя так, как будто он часть группы этих глаголов, а не предикат собственной клаузы:

(18) a. daßder Lastwagen und der Traktor zu
что АРТ.ИМ грузовик и АРТ.ИМ трактор
reparieren versucht wurden
ИНФ починить пытаться.ПРИЧ
'что пытались починить грузовик и трактор'
[Wurmbrand 2004]

b. Lo volevo vedere subito.
его хотел.1ЕД видеть сейчас.же
'Я хотел его увидеть сейчас же'. [Cinque 2006]

В так называемом длинном передвижении пассива в (18-a) в форме страдательного причастия оказывается главный глагол

[3]Впервые о клитиках говорилось в главе 16.

предложения *versuchen* ‘пытаться’, морфологию времени берет на себя вспомогательный глагол *werden* ‘стать’, а что делает инфинитив? С точки зрения грамматики, с ним вообще ничего не происходит.

В итальянском предложении (18-b) клитика не прикрепилась к глаголу внутри клаузы, как ей положено делать, а почему-то перепрыгнула и через “свой” инфинитив, и через главный глагол предложения *volere* ‘хотеть’, и оказалась в самом начале.

Дело в том, что в (18) присутствуют так называемые **реструктурирующие глаголы** (restructuring verbs): они меняют структуру предложения, содержащего инфинитивную клаузу. К ним относят модальные глаголы, глаголы движения, аспектуальные глаголы (например, *начать*) и каузальные глаголы. Реструктурирующие глаголы демонстрируют межъязыковую и внутриязыковую вариативность. Они являются интереснейшей темой для изучения. Предложения с ними анализируют с двух точек зрения: как изначально содержащие две клаузы и как содержащие одну клаузу. Есть ли реструктурирующие глаголы в русском языке, сказать трудно — работ, посвященных этому вопросу, пока не появлялось.

Продолжая говорить об инфинитивах, нельзя не вспомнить о венгерском языке, в котором после модальных и прочих вспомогательных глаголов используется несколько инфинитивов сразу. Для генеративистов эти инфинитивные цепочки привлекательны тем, что порядок расположения глаголов внутри них может быть крайне разнообразным.

(19) [Koopman and Szabolcsi 2000]

a. Nem fogok akarni kezdeni haza menni.
НЕГ ВСП.1ЕД хотеть начать домой идти
‘??Я не захочу начать идти домой’.

b. Nem fogok akarni haza menni kezdeni.
НЕГ ВСП.1ЕД хотеть домой идти начать

c. Nem fogok haza menni kezdeni akarni.
НЕГ ВСП.1ЕД домой идти начать хотеть

d. Haza fogok akarni kezdeni menni.
домой ВСП.1ЕД хотеть начать идти
‘??Я захочу начать идти домой’

В 1970-е годы подобная свобода в порядке слов разожгла спор между лингвистами о так называемых неконфигурационных языках — то есть языках, для которых возможна уплощенная древесная структура: деревья с троичным и четверичным ветвлением. Сторонники такого анализа со временем проиграли, но актуальность изучения подобных языков с точки зрения последних достижений генеративизма (линеаризации, эффекта крысолова и т.д.) не утрачена: ведь интересно узнать, каким образом получаются эти последовательности и почему их количество ограничено.

Германские языки также любопытны с этой точки зрения. В пертурбациях германских глагольных комплексов задействованы и глагольные частицы (предлогоподобные элементы, участвующие в образовании так называемых фразовых глаголов в английском). Возьмем голландский [Koopman and Szabolcsi 2000]:

(20) a. omdat ik Marie zal moeten beginnen
так.как я Мари ВСП должен.ИНФ начать.ИНФ
op te bellen
ЧАСТ ЧАСТ звонить.ИНФ
'так как я буду должен начать звонить Мари'

b. omdat ik Marie op zal willen beginnen
так.как я Мари ЧАСТ ВСП хотеть.ИНФ начать.ИНФ
te bellen
ЧАСТ звонить.ИНФ
'так как я захочу начать звонить Мари'

17.4. Клитики

В примерах (17-b) и (18-b) мы познакомились с клитиками. Эти маленькие несамостоятельные слова-морфемы хорошо изучены, в основном, в романских и славянских языках, но распространены они и во многих других языковых группах. Клитики могут быть не только прономинальными (то есть облегченными версиями личных местоимений), но и отрицательными (как *n't* в английском языке) или сослагательными (как *бы* в русском). Однако огромный пласт генеративной литературы ([Progovac 1996;

Emonds 1999; Martins 2000; Bok-Bennema 2005; Anagnostopoulou 2005; Cinque 2006] и т.д.) посвящен все же клитикам прономинальным в силу их разнообразного поведения: например, описаны такие явления как **восхождение клитики** (clitic climbing) и **удвоение клитики** (clitic doubling).

Восхождение клитики мы наблюдали в итальянском предложении (18-b), в котором присутствовал реструктурирующий глагол *volere*. С глаголом *detestare* 'не выносить' восхождение клитики невозможно:

(21) *Lo detesto [vedere *t* in quello stato].
его ненавижу видеть в такое состояние
'Не могу выносить видеть его в таком состоянии'.
[Cinque 2006, стр. 11]

Приведем пример восхождения клитики в одном из славянских языков, а именно, в польском:

(22) Chciał go przestać zapraszać *t*.
хотел его перестать приглашать
'Он хотел перестать его приглашать'.

Удвоение клитики — это явление, при котором прономинальная клитика сосуществует с полной именной группой, которую она представляет [Anagnostopoulou 2005]. Так, в испанском предложении (23) мы видим клитику *le* в дательном падеже и одновременно именную группу-косвенное дополнение *a Mafalda* 'Мафальде'[4]:

(23) Miguelito le regaló un caramelo a Mafalda.
Мигелито ей дал АРТ карамелька ПРЕДЛ Мафальда
'Мигелито дал Мафальде карамельку'.

[4]Информацию о клитиках на русском языке можно найти в статье А.В. Циммерлинга на сайте http://antonzimmerling.files.wordpress.com/2009/01/zimmerlingclitics2007.pdf.

17.5. Падеж

Интересное соотношение между клитикой в дательном падеже и косвенным дополнением, выраженным предложной группой, в (23) возвращает нас к теме падежа. Подход к падежу, разработанный в рамках теории управления и связывания, с которым мы познакомились в главе 6, претерпел существенные изменения в более поздних работах. Остановимся вкратце на двух главных структурных падежах: именительном и винительном. Генеративисты больше не считают, что именительный падеж приписывается в определенной конфигурации, в спецификаторе TP. В современной генеративной грамматике он возникает в результате согласования между T и именной группой по падежным признакам.

Вспомним то, что мы говорили о позициях DP в именительном падеже в главе 12. При определенных обстоятельствах (различающихся от языка к языку) они могут оставаться в своей исходной позиции внутри vP. Если бы падеж получали только группы, находящиеся в спецификаторе TP, эти DP остались бы без падежа. А для передвижения в спецификатор TP были предложены независимые объяснения, связанные с тем, что один из признаков на T обладает свойством EPP, — им и была посвящена глава 12. Кроме того, в этой главе мы рассмотрели новый взгляд на именительный падеж, разработанный Дэвидом Песецким и Эстер Торрего [Pesetsky and Torrego 2004, 2007], которые связывают его с неинтерпретируемым временным признаком.

Аналогичным образом изменился и подход к винительному падежу. Теперь считается, что он не приписывается лексической вершиной V, а возникает в результате согласования между DP и функциональной вершиной v. Кроме того, в главе 6 мы познакомились с обобщением Бурцио [Burzio 1986]. Перефразируем его в более современных терминах: если у глагола нет внешнего аргумента, занимающего спецификатор vP, v не может приписать внутреннему винительный падеж. Чем объясняется эта закономерность, а также исключения из нее, обнаруженные в различных языках, — важная тема для современной генеративной грамматики (см., например, [Reuland 2000], а также статьи Джеймса Левайна [Lavine 1999, 2010] и других авторов, посвященные этой проблеме в славянских языках).

Говоря о славянских языках, надо отметить, что в последние годы появилось много интересных работ, посвященных падежам, которые опираются на данные славянских и, в частности, русского языка (например, [Caha 2009; Matushansky 2008, 2010]). В целом о генеративных подходах к падежу в русском языке можно прочитать в книге [Bailyn 2011a]. В качестве проблемы, которая занимает умы славистов всего мира на протяжении уже многих десятилетий, следует упомянуть родительный отрицания в русском языке (см. [Babby 1980; Pesetsky 1982; Partee and Borschev To appear; Бейлин 2006] и др.). Дело в том, что в отрицательных предложениях падеж прямого дополнения часто меняется с винительного на родительный:

(24) a. Я читаю газеты.
b. Я не читаю газет.

Чем обусловлено это чередование? Связано ли оно с другими случаями чередования между родительным и винительным падежами, как, например, в (25)?

(25) a. Он боится свою тетю.ВИН
b. Она боится темноты.РОД

Чередование падежей в русском языке встречается не только между винительным и родительным в вышеприведенных примерах. После предлогов чередуются винительный и предложный падежи, а после некоторых глаголов — партитивный родительный и винительный:

(26) Чередование падежей после предлогов
a. Ваня идет в школу.
b. Ваня находится в школе.

(27) Чередование падежей после некоторых глаголов
a. Катя выпила сок.
b. Катя выпила соку.

Чередование падежей после предлогов также встречается в немецком языке, а чередование падежей, подобное продемонстрированному в примере (27), является особой гордостью финского

языка, поскольку, несмотря на множество попыток объяснить его механизм ([Kiparsky 1998; Thomas 2003] и др.), все новые генеративисты берутся за решение этой задачи по-своему. Однако мы не будем рассказывать об этих попытках.

До сих пор мы не выходили за рамки хорошо нам знакомой системы, где подлежащему предложения с семантической ролью агенса приписывается именительный падеж, а прямому дополнению — винительный. Эта система падежных отношений свойственна большинству европейских языков. Она называется номинативно-аккузативной. Однако существует огромное количество языков, устроенных совершенно по-иному. Они называются эргативно-абсолютивными в честь падежей, приписываемых, соответственно, агенсу и пациенсу при двуместных предикатах. Баскский язык, на котором разговаривает часть населения Испании, относится к этому классу. Вот как в нем выглядит обычное предложение с переходным сказуемым:

(28) Jonek etxe berria erosi du.
Йон.ЭРГ дом новый.АБС купил ВСП
'Йон купил новый дом'. [Hualde and Ortiz de Urbina 2003]

Предложения с непереходными глаголами в эргативно-абсолютивных языках также отличаются от соответствующих предложений в номинативно-аккузативных. Помните, что неаккузативные глаголы не могут приписывать аккузативный (винительный) падеж своему единственному аргументу, несмотря на то, что он является пациенсом? Так же происходит и с единственным аргументом неэргативных глаголов. Как теперь становится понятно из самого термина *неэргативный*, глаголы этого класса не способны приписывать эргативный падеж агенсу в отсутствие прямого дополнения, поэтому подлежащее непереходных глаголов в эргативно-абсолютивных языках получает абсолютивный падеж. Так происходит, например, в австралийском языке валбири:

(29) Nyuntu ka-npa parnka-mi.
2ед.АБС наст.-2ед. бежать.nonpast
'Ты бегаешь'. [Bittner and Hale 1996]

Однако не все так просто и здесь. Во-первых, во многих эргативно-абсолютивных языках (например, баскском) агенс неэргативного предиката стоит в эргативном падеже, что подтверждает гипотезу Кена Хейла и Джея Кейзера [Hale and Keyser 1993] о скрытой транзитивности неэргативных глаголов.

Во-вторых, большое количество эргативно-абсолютивных языков (как еще один австралийский язык дирбал) демонстрирует так называемую расщепленную эргативность (split ergativity), при которой существительные относятся к эргативно-абсолютивной системе, а личные местоимения — к номинативно-аккузативной.

В-третьих, существуют языки, в которых эргативность тесно связана с аспектуально-временной системой предложения. Так, в грузинском эргативно-абсолютивная система присутствует только в прошедшем времени, а в непрошедшем используется номинативно-аккузативная.

Мы можем продолжать эту главу бесконечно. Но, как нам кажется, читатель уже получил некоторое впечатление от того объема задач, который стоит перед генеративными лингвистами и синтаксической наукой. Надеемся, что краткое описание этих задач вдохновит будущих и настоящих лингвистов на их глубокое изучение и на новые прекрасные открытия и обобщения в рамках генеративной грамматики.

Вместо послесловия: беседа с Дэвидом Песецким

Каждое лето начиная с 2002 года в Петербурге проходит летняя школа под названием The New York – St.Petersburg Institute of Linguistics, Cognition and Culture (www.nyi.spb.ru). Ее проводят совместно Санкт-Петербургский государственный университет и Государственный университет Нью-Йорка в Стони Брук. Профессора, приезжающие в Петербург из разных университетов Европы и США, рассказывают о генеративной лингвистике, когнитивных науках и культурологии. Занятия в школе длятся три недели, преподавание ведется на английском языке. Мы очень рекомендуем ее всем, кто заинтересовался темой нашей книги.

Многие лингвисты, в разные годы читавшие на этой школе курсы, а также один из двух ее организаторов Джон Бейлин[5] уже знакомы читателю — это ведущие ученые в своих областях, и их работы упоминались в разных главах этой книги. С одним из преподавателей, Дэвидом Песецким, в 2007 году побеседовала Ольга Митренина, задав ему несколько вопросов о современном состоянии лингвистики, о ее изучении и преподавании. Песецкий — профессор Массачусетского технологического института (MIT)[6], и ссылки на его статьи можно найти в главах 10, 12 и

[5]Организатором NYI с российской стороны является профессор кафедры английской филологии СПбГУ Анна Александровна Масленникова.

[6]Несмотря на “технологическое” название, MIT вот уже много десятиле-

17. Этим интервью мы хотим закончить нашу книгу, чтобы на ее страницах зазвучали не только фамилии важнейших генеративистов, но и голос одного из них.

– Курс, который Вы читали этим летом в Петербурге, называется "Достижения и спорные вопросы в современной лингвистике". О каких достижениях Вы рассказывали?

– Главное достижение современной лингвистики— это подтверждение догадки о том, что свойства разных человеческих языков определяются некими общими законами. Если что-то работает в русском языке так, а в английском — иначе, это не случайность, а результат действия этих более общих законов. За последние несколько десятков лет были созданы обобщающие и вполне работающие теории, которые по глубине сильно превосходят простое описание фактов. Хотя пока не существует единой теории, описывающей все языки, похоже, что чем больше мы работаем, тем дальше продвигаемся в этом направлении. Это действительно большое достижение.

– О каких спорных вопросах Вы рассказывали?

– Спорных вопросов, конечно, всегда много. Например, есть немало разногласий по техническим вопросам. Так, мой коллега Норвин Ричардс считает, что различная структура вопросительных предложений в русском, английском и китайском связана с различной фонологией этих языков, а кто-то предпочитает другую теорию для описания этих данных. Но на лекциях я рассказывал о более общих спорных вопросах, которые сейчас обсуждаются в науке: самостоятельны ли свойства языка, являются ли они результатом некой отдельной способности человеческого ума или принадлежат более общей системе, связанной, например, с культурой, с человеческим поведением.

– Что в устройстве языка до сих пор остается совершенной тайной?

тий является крупнейшим лингвистическим центром. В частности, именно там всю свою жизнь работает основатель генеративной грамматики Ноам Хомский.

– Хотя я только что пытался убедить Вас в том, что в изучении языка достигнуты большие успехи, правильный ответ на Ваш вопрос — “почти все в языке остается совершенной тайной”. Мы очень рады, когда в изучении языка удается продвинуться вперед, но все это касается только отдельных областей.

Приведу один маленький пример. В русском языке, как известно, есть такой феномен — падежи. Может быть, вам падежная система кажется вполне естественной, так что ее существование не нуждается в объяснении. Но на самом деле падеж — довольно странное явление, которое наблюдается во многих, но не во всех языках мира. Почему существует такая система и как объяснить ее особенности?

Мы с моей коллегой Эстер Торрего, замечательным лингвистом из Бостона, исследовали падежные системы и предположили, что система падежей языка тесно связана с системой грамматических времен. На самом деле, в некоторых языках (например, во многих салишских языках, на которых говорят индейцы Северной Америки) вместо падежей существительные действительно носят признаки времени. Например, чтобы выразить понятие “будущий муж”, в этих языках используется слово “муж” в будущем времени. Мы с Торрего предполагаем, что падеж — просто вариант этой системы, с одной важнейшей особенностью: падежные окончания на существительном ничего не дают для интерпретации этого существительного. Падеж у существительных — это семантически неактивный вариант глагольного времени, точно так же, как признак числа у глаголов в русском языке (*читал — читали*) является семантически инертным вариантом числа у существительных.

Эта идея кажется весьма многообещающей, и мы активно занимаемся ее обработкой. При этом наша работа вызывает массу других вопросов, на которые у нас пока нет ответов. Так что, несмотря на все наши усилия, можно сказать, что ответ на этот фундаментальный и простой вопрос, “Почему существует падеж?”, остается тайной[7].

[7]Ориентируясь в своих ответах на широкую публику, Песецкий не проводит здесь различия между морфологическим и абстрактным падежом. Теория падежа, разработанная им совместно с Эстер Торрего, обсуждалась в главе 12.

Или проблема эволюции языка. Об этом мы пока практически ничего не знаем. Насколько можно судить, у наших ближайших соседей по эволюционной ветке даже близко нет ничего, приближающегося к языку человека. Это очень большая тайна. Однако она может оказаться частью какой-то более общей загадки. Например, у пчел есть своя система коммуникации, и она может быть очень сложной. Я не специалист по пчелам, но, насколько мне известно, о происхождении их системы коммуникации мы тоже знаем очень мало.

– ***Что сделал для лингвистики Ноам Хомский?***

– Многие говорят о том, что Хомский дал глубокие и яркие ответы на самые разные вопросы, связанные с языком. И это, конечно, правда. Но самое важное, на мой взгляд, — это даже не те ответы, которые он дал. Возможно, многие из них окажутся неправильными, да и сам он довольно часто их меняет. Совершенно потрясающими и необыкновенно важными являются вопросы, которые он поставил. Это те вопросы, которые определяют мою ежедневную исследовательскую работу и ту работу, которой сам Хомский занимается всю свою жизнь.

Хомский впервые поставил эти вопросы в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Как огромный запас знаний о языке усваивается ребенком за столь краткий промежуток времени? При этом усваиваются даже те правила, информация о которых не содержится в сигналах, получаемых ребенком, даже те, которые будет трудно сформулировать взрослому человеку, в том числе лингвисту. Более того, почему из общего потока информации вычленяются именно эти правила? Ребенок видит и слышит вокруг себя самые разные вещи. Он смотрит, например, на листья деревьев. Почему он не накапливает о них знания точно так же, как накапливаются знания о языке?

Сама идея такой постановки вопроса принадлежит Хомскому. Это один из самых продуктивных вопросов, которые когда-либо задавались лингвистами. Он привел к множеству интересных открытий. Одно это само по себе является огромным вкладом в лингвистику.

– ***Сколько Вы знаете языков?***

– Вы лучше спросите об этом Норвина Ричардса, который

тоже преподает сейчас в Петербурге. Он даст весьма впечатляющий ответ на этот вопрос. Вчера он начал читать свою лекцию на лардиле, вымирающем языке австралийских аборигенов.

Мой родной язык английский, я неплохо знаю русский язык. В отношении других языков я произвожу не слишком яркое впечатление. Я могу говорить по-французски и в какой-то степени знаю некоторые другие европейские языки. Но, будучи лингвистом, я знаю много всего о языках. Мало на каком языке я смогу попросить заменить грязную вилку в ресторане, но, наверное, смогу рассказать, как ведут себя в этом языке придаточные предложения. В этом смысле я плохой пример для подражания.

– Однако по-русски Вы говорите прекрасно. Почему и как Вы выучили русский язык?

– Это почти не связано с лингвистикой. Вопреки тому, что я сейчас сказал, я всегда любил языки. В школе я изучал их с большим удовольствием. Мне очень нравились древнегреческий и латынь. Там же я начал изучать немецкий и русский языки. Русский тогда почти нигде не изучался, но в моей школе его почему-то преподавали.

После школы я решил и дальше заниматься русским, но не ради языка, а из-за интереса к русской культуре и истории. У меня был русский друг, который рассказывал мне о странных людях типа Мандельштама. Поэтому в колледже я продолжил заниматься русским, довольно успешно.

Сама страна в конце семидесятых выглядела таинственной и интересной. Когда пришла пора писать диссертацию, я решил, что это мой последний шанс сделать что-то необычное и увлекательное. Поэтому я пропустил год в аспирантуре и в 1979 году приехал в Россию работать над тем, что позже стало частью моей диссертации. На десять месяцев я стал студентом филологического факультета Ленинградского государственного университета. Я жил в общежитии на улице Шевченко, где до сих пор находится общежитие филфака. И за это время я действительно хорошо выучил русский язык. Говорят, меня можно было принять за жителя какой-нибудь союзной республики. С тех пор прошло 27 лет, и я уже заметно подзабыл русский.

– Изменилось ли что-то в университете с тех пор?

– Почти все изменилось, начиная с названия. Очень радует, что теперь можно зайти в книжный магазин и увидеть там книги тех авторов, чьи имена в университете раньше нельзя было даже упоминать. Очень многое изменилось к лучшему. Хотя это все тот же университет, и все лестницы остались на своих местах.

– А что изменилось в преподавании лингвистики?

– Я не знаю, как сейчас преподают лингвистику в России. Но могу сказать, что на меня произвели необыкновенно хорошее впечатление студенты, которые приехали в Петербург на летнюю лингвистическую школу. Многие из них неплохо разбираются в тех областях лингвистики, в которых работаю я. А многие почти ничего о них не знают, но быстро все усваивают и задают на занятиях очень хорошие вопросы. Студенты в России очень интересуются современной генеративной лингвистикой.

В этом смысле заметна разница с тем, что было здесь в 1979 и 1980 годах. Тогда интерес тоже был очень велик. Я даже прочитал в те годы, хотя сам был еще аспирантом, несколько лекций о синтаксисе и фонологии на кафедре математической лингвистики и на кафедре русского языка. Эти лекции вызвали заметный интерес, но в те годы мало кто мог что-то сделать с этим интересом. Слушатели воспринимали все это просто с любопытством, как посетители экзотической американской выставки. Сейчас все изменилось, российские студенты участвуют в международных конференциях и занимаются очень интересными исследованиями. Когда система образования старается не отставать от современной науки, результат получается поистине впечатляющим.

– То есть важно рассказывать студентам про самые разные современные лингвистические теории?

– Это важно, но только отчасти. Конечно, если изучается только один синтаксис, без фонологии, это плохо, как и фонология без синтаксиса. Но на самом деле даже не так важно, какие именно научные области удается охватить. Гораздо важнее создавать в университете такую атмосферу, когда студенты вовлекаются в научные исследования. Преподавая синтаксис или фонологию, нужно не только рассказывать о том, что в этих областях делали другие ученые (хотя эти знания, конечно, будут совершенно необходимы на определенном этапе). Гораздо важ-

нее, чтобы будущие лингвисты научились сами ставить вопросы и начинали как можно раньше заниматься собственными лингвистическими исследованиями. Пусть у них даже сперва останутся некоторые пробелы в образовании, участие в реальной исследовательской работе, интерес и умение формулировать для себя проблему — это важнее, чем набор знаний. Если студенты увлекутся этим, все остальное они смогут набрать довольно быстро.

Здесь, в русскоязычной среде, есть огромное поле для исследования. Многие явления хорошо изучены на материалах английского, японского, китайского и многих других языков, но русский язык и его интересные грамматические явления исследованы пока довольно слабо. Есть работы по русскому языку в русле генеративной лингвистики, но их пока очень мало. У вас есть своя собственная традиция изучения русского языка, и, например, исследования Пешковского до сих пор не потеряли своей ценности. Но это, как правило, описание отдельных фактов языка, они не предлагают единой теории, объясняющей лингвистические явления. И у вас впереди еще очень интересная работа.

Вот это и надо показывать студентам. Не стоит заставлять их отвечать на экзаменах по синтаксису, что сказал Хомский, а что сказал Песецкий или еще кто-то. Лучше задавать совсем другие вопросы, связанные с интересными задачами. Скажем, даются примеры локативной инверсии в африканском языке чичева и в русском языке. Это предложения типа “В комнату вошел человек”. В чем русский язык и чичева ведут себя одинаково, а в чем по-разному, и почему? Вот такие вопросы гораздо интереснее и важнее для студентов.

– Что бы Вы порекомендовали студентам? Как можно стать хорошим лингвистом?

– Важно найти для себя какую-то интересную проблему и последовательно над ней работать. При этом необходимо не только пытаться решить ее самостоятельно, но и обсуждать ее со всеми, с кем только можно: с друзьями, с врагами, с лингвистами, которые работают в похожих областях — им всегда можно написать по электронной почте.

В начале первого года учебы в аспирантуре мне очень не нравилось в MIT. Я не мог понять, что там происходит, и уже хотел и вовсе бросить лингвистику. Я даже подумывал заняться

популярной тогда областью, которая называлась советологией. К счастью, я этого не сделал. Я также всерьез думал заняться музыкой, которую всегда очень любил. Но именно тогда я стал работать над одной лингвистической проблемой.

В это время я делил свой рабочий кабинет с одним замечательным лингвистом из Норвегии, Таральдом Таральдсеном, который исследовал эффект “that-следа”. Я обсуждал с ним свою и его работу, и у меня появилась одна мысль, которая была тесно связана с его темой. Я начал развивать ее, и дело пошло очень хорошо. Меня все это очень увлекло, я стал много над этим работать, и через полгода появилась статья, которая многим показалась интересной.

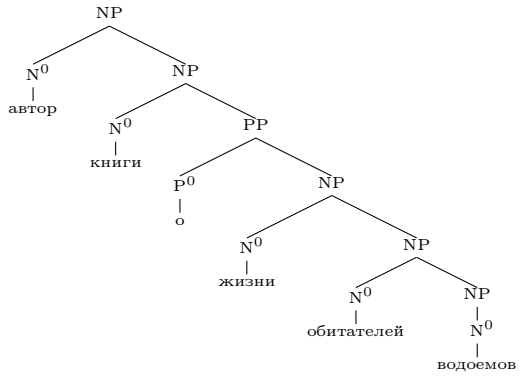
И это очень хорошие условия для старта. Должна быть неплохая система образования и коллеги, с которыми можно обсуждать результаты, в том числе коллеги среди студентов. Это гораздо важнее, чем учебники и уроки. Лингвистика — это наука, для которой очень важно общение. Иногда надо работать и самому, сидеть за рабочим столом или уходить куда-то погулять, чтобы что-то обдумать, но также важно иметь друзей и учителей, с которыми можно поговорить о тех лингвистических проблемах, которые тебя волнуют.

Ответы к заданиям

Задание 1

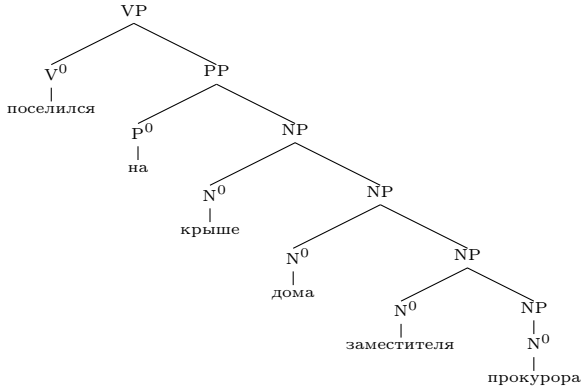
a. автор книги о жизни обитателей водоемов

b.



c. поселился на крыше дома заместителя прокурора

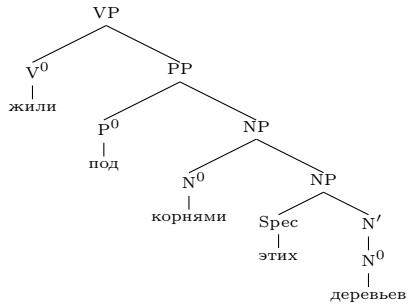
d.



Задание 2

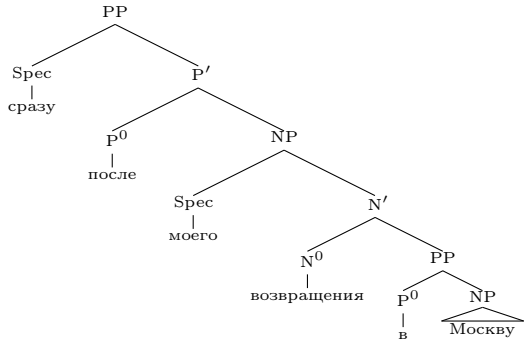
a. жили под корнями этих деревьев

b.



c. сразу после моего возвращения в Москву

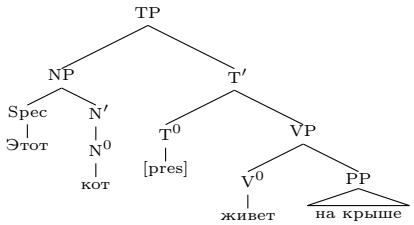
d.



Задание 3

a. Этот кот живет на крыше.

b.

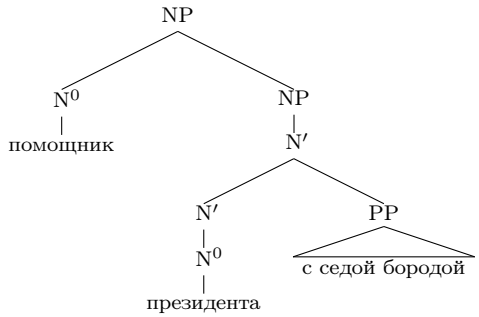


Задание 4

помощник президента с седой бородой

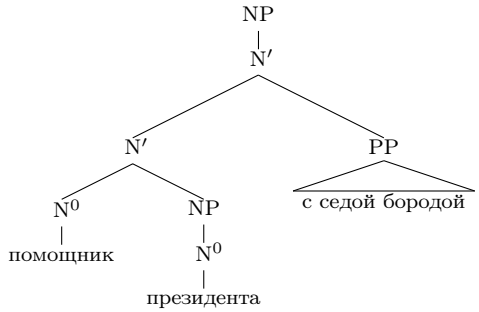
a. борода у президента

b.



c. борода у помощника

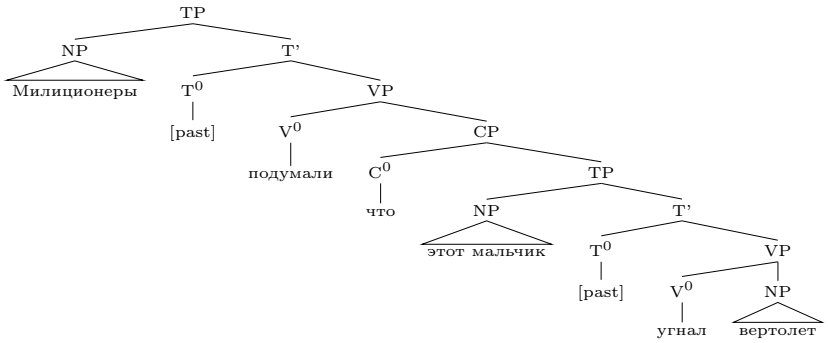
d.



Задание 5

a. Милиционеры подумали, что этот мальчик угнал вертолет.

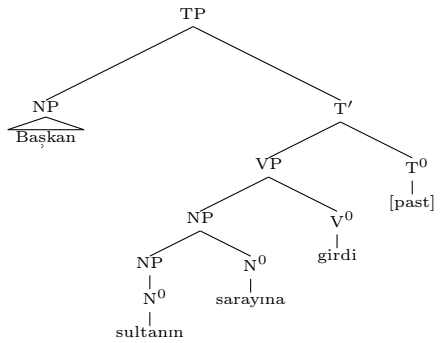
b.



Задание 6

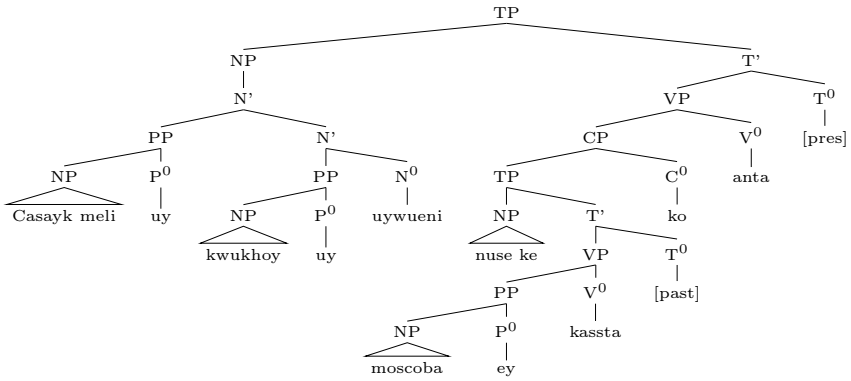
a. Başkan sultanın sarayına girdi.
президент султана дворец вошел
‘Президент вошел во дворец султана’.

b.



c. Casayk meli uy kwukhoy uy uywueni
фиолетовый волосы с парламент ПРЕДЛ член
nuse ke moscoba ey kassta ko anta.
сосед собака Москва в поехал что знает
‘Член парламента с фиолетовыми волосами знает, что собака соседа поехала в Москву.’

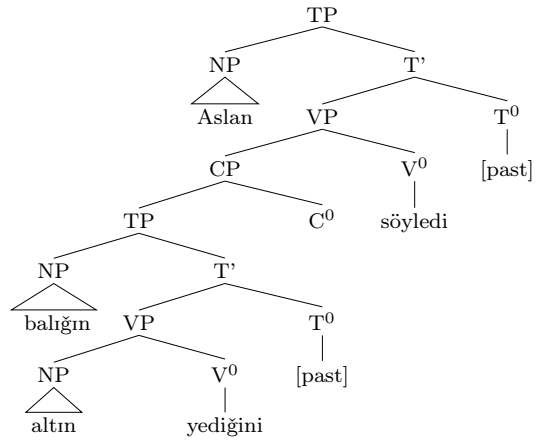
d.



Задание 7

a. Aslan balığın altın yediğini söyledi.
лев рыба золото съел сказал

b.

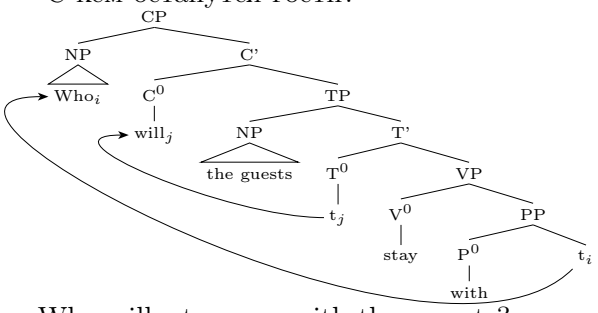


c. ‘Лев сказал, что рыба съела золото’.

Задание 8

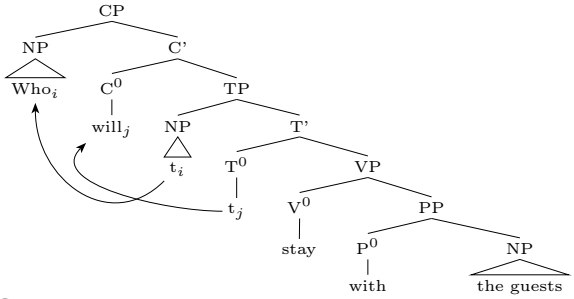
a. Who will the guests stay with?
кто ВСП АРТ гости остаться с
‘С кем останутся гости?’

b.



c. Who will stay with the guests?
кто ВСП остаться с АРТ гости
‘Кто останется с гостями?’

d.



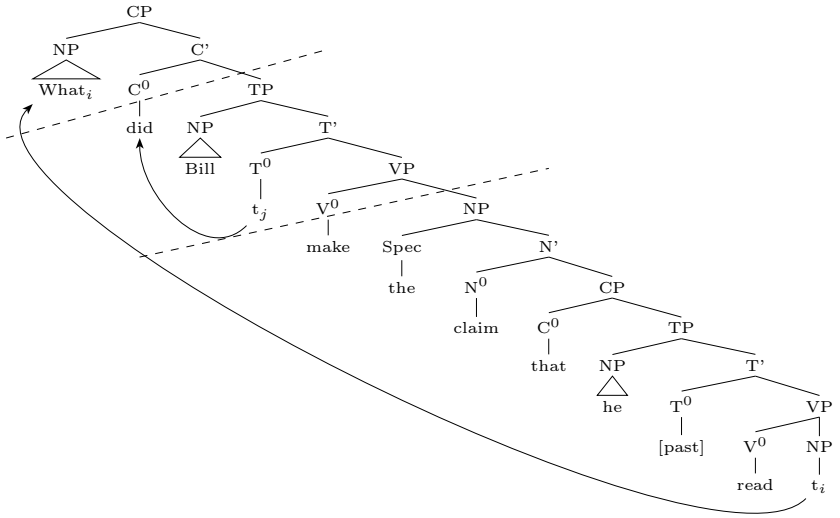
Задание 9

a. *What$_i$ did Bill make the claim [that he read
что вспм Билл сделать арт заявление что он читал
t$_i$]?

'*Что Билл сделал заявление, что он прочитал?'

b. Передвижение вопросительного слова невозможно, так как оно должно будет пересечь два ограничивающих узла: NP и TP.

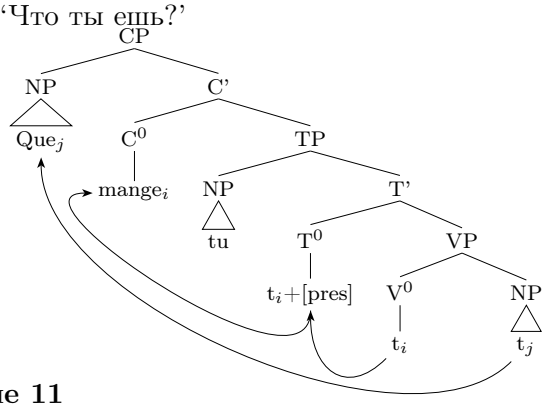
c.



Задание 10

a. Que mange-tu?
что ешь-ты
‘Что ты ешь?’

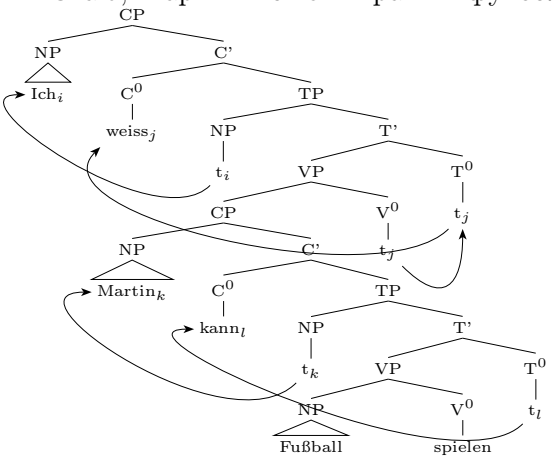
b.



Задание 11

a. Ich weiss Martin kann Fußball spielen
я знаю Мартин может футбол играть
‘Я знаю, Мартин может играть в футбол’.

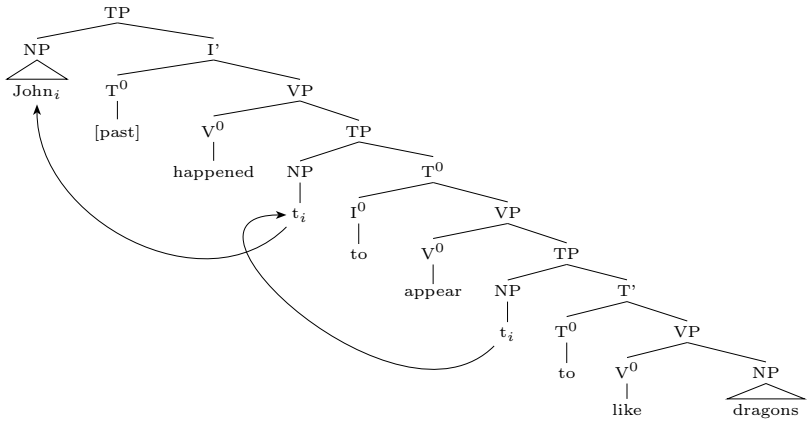
b.



Задание 12

a. John happened to appear to
Джон случилось инф производить-впечатление инф
seem to like dragons.
казаться инф любить драконы
‘Так случилось, что кажется, будто Джон любит драконов’.

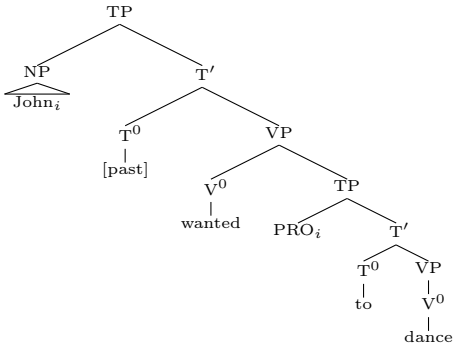
b.



Задание 13

a. John wanted to dance.
Джон хотел инф танцевать
‘Джон хотел танцевать’.

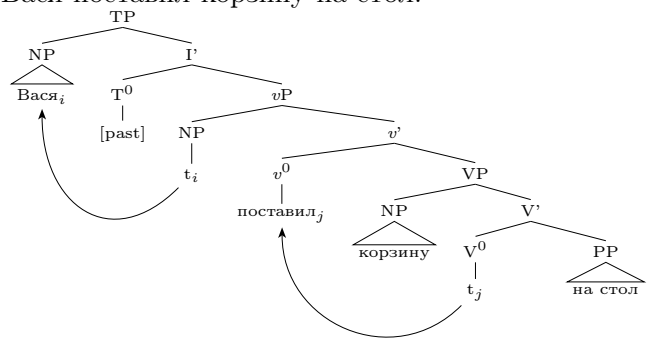
b.



Задание 14

a. Вася поставил корзину на стол.

b.



Литература

Abels, Klaus. 2003. Successive cyclicity, anti-locality, and adposition stranding. Doctoral Dissertation, University of Connecticut, Storrs.

Abels, Klaus. In press. Word order. In *Syntax: Ein Handbuch zeitgenössischer Forschung*, ed. Artemis Alexiadou and Tibor Kiss. Mouton de Gruyter, 2nd edition.

Abels, Klaus, and Ad Neeleman. 2009. Universal 20 without the LCA. In *Merging features: Computation, interpretation, and acquisition*, ed. Gavarro A. Brucart J.M. and Sola J., 60–79. Oxford: Oxford University Press.

Abney, Steven. 1987. The English noun phrase in its sentential aspect. Phd, MIT.

Ackerman, Farrell, and Gert Webelhuth. 1997. *A theory of predicates*. Stanford: Center for the Study of Language and Information.

Adger, David. 2003. *Core Syntax: A Minimalist Approach*. Oxford Core Linguistics. Oxford: Oxford University Press.

Aelbrecht, Lobke. 2009. You have the right to remain silent. The syntactic licensing of ellipsis. Doctoral Dissertation, Katholieke Universiteit Brussel, Brussels.

Alexiadou, Artemis, and Elena Anagnostopoulou. 1998. Parametrizing AGR: Word order, V-movement, and EPP-checking. *Natural Language & Linguistic Theory* 16.3:491–539.

Alexiadou, Artemis, Liliane Haegeman, and Melita Stavrou, ed. 2007. *Noun Phrase in the Generative Perspective*, volume 71 of *Studies in Generative Grammar*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Anagnostopoulou, Elena. 2005. Clitic doubling. In *The Blackwell Companion to Syntax*, ed. Martin Everaert and Henk C. van Riemsdijk, volume I, chapter 14. Wiley-Blackwell.

Babby, Leonard H. 1980. *Existential sentences and negation in Russian*, volume 8 of *Linguistica Extranea*. Karoma Publishers, inc./Ann Arbor.

Babko-Malaya, Olga. 1999. Zero Morphology: a study of aspect, argument structure and case. Doctoral Dissertation, The State University of New Jersey, New Brunswick, New Jersey.

Babyonyshev, Maria. 1996. Structural conventions in syntax and processing. Doctoral Dissertation, Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, MA.

Bailyn, John F. 2003a. Does russian scrambling exist? In *Word order and scrambling*, ed. Simin Karimi, 156–176. Oxford: Blackwell.

Bailyn, John F. 2003b. A (purely) derivational account of Russian scrambling. In *Formal Approaches to Slavic Linguistics 11*, ed. Wayles Browne, Ji-Yung Kim, Barbara Partee, and Susan Rothstein, 41–62. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications.

Bailyn, John F. 2004. Generalized inversion. *Natural Language & Linguistic Theory* 22:1–49.

Bailyn, John F. 2011a. *The syntax of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bailyn, John Frederick. 2011b. '– Kak tebe lingvistika? – Nenavizhu!': How (not) to analyze Russian verb-stranding constructions. A talk given at FASL 20, MIT.

Baker, Mark C. 1988. *Incorporation: A theory of grammatical function changing*. Chicago: University of Chicago Press.

Baker, Mark C. 2004. *Lexical categories: Verbs, Nouns and Adjectives*. Cambridge (UK)/New York/Port Melbourne/Madrid/Capetown: Cambridge University Press.

Baltin, Mark, and Chris Collins, ed. 2001. *The handbook of contemporary syntactic theory*. Oxford: Blackwell.

Belletti, Adriana, ed. 2004. *Structures and beyond. The cartography of syntactic structures.*, volume 3. Oxford: Oxford University Press.

Benincà, Paola, and Nicola Munaro, ed. 2011. *Mapping the left periphery. The cartography of syntactic structures*, volume 5. Oxford: Oxford University Press.

Bertinetto, Pier Marco. 2001. On a frequent misunderstanding in the temporal-aspectual domain: the 'perfective-telic' confusion. In *Sematic interfaces. References, anaphora and aspect*, ed. Carlo Cechetto, Gennaro Cherchia, and Maria Teresa Guasti. Stanford, California: SCLI Publications.

Bever, Thomas G., and Brian McElree. 1988. Empty categories access their antecedent during comprehension. *Linguistic Inquiry* 19:35–43.

Bianchi, Valentina. 1999. *Consequences of antisymmetry. Headed relative clauses.*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Bittner, Maria, and Ken Hale. 1996. Ergativity: Toward a theory of a heterogeneous class. *Linguistic Inquiry* 27:531–604.

Blevins, James P. 2001. Realization-based lexicalism. *Journal of Linguistics* 37:355–365.

Bobaljik, Jonathan. 1999. Adverbs: The hierarchy paradox. *GLOT International* 4.

Boeckx, Cedric. 2006. *Linguistic minimalism. Origins, concepts, methods and aims*. Oxford: Oxford University Press.

Boeckx, Cedric. 2008. *Understanding Minimalist Syntax. Lessons from locality in long-distance dependencies*. Malden, MA/Oxford/Carlton: Blackwell Publishing.

Boeckx, Cedric, Norbert Hornstein, and Jairo Nunes. 2008. Copy-reflexive and copy-control constructions: A movement analysis. In *Linguistic variation yearbook*, ed. Jeroen Van Craenenbroek, volume 8, 61–100. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Boeckx, Cedric, Norbert Hornstein, and Jairo Nunes. 2010. *Control as movement*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bok-Bennema, Reineke. 2005. Clitic climbing. In *The Blackwell Companion to Syntax*, ed. Martin Everaert and Henk van Riemsdijk, volume I, chapter 13. Wiley-Blackwell.

Borer, Hagit. 2005. *Structuring sense*, volume II. The Normal Course of Events. Oxford, New York: Oxford University Press.

Borik, Olga. 2006. *Aspect and reference time*. Oxford: Oxford University Press.

Bošković, Željko. 2005. On the locality of left branch extraction and the structure of NP. *Studia Linguistica* 59:1–45.

Bošković, Željko. 2009. More on the no-DP analysis of article-less languages. *Studia Linguistica* 63:187–203.

Bošković, Željko, and Howard Lasnik, ed. 2006. *Minimalist syntax: The essential readings.*. Malden, MA: Blackwell.

Braginsky, Pavel, and Susan Rothstein. 2008. Vendlerian classes and the Russian aspectual system. *Journal of Slavic Linguistics* 16:3–55.

Bródy, Michael. 1990. Some remarks on the focus field in Hungarian. In *UCL Working Papers in Linguistics 2*, ed. John Harris, 201–225. London: University College London.

Brody, Michael. 1995. *Lexico-logical form: A radically minimalist theory*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Brody, Michael. 1997. Mirror theory. *UCL Working Papers in Linguistics* 9.

Brody, Michael. 2000. Mirror theory: syntactic representation in perfect syntax. *Linguistic Inquiry* 31:29–56.

Brody, Michael. 2002. On the status of derivations and representations. In *Derivation and explanation in the minimalist program*, ed. Samuel David Epstein and T. Daniel Seely, 19–42. Malden, Mass./ Oxford: Blackwell.

Büring, Daniel. 2005. *Binding theory*. Cambridge: Cambridge University Press.

Burzio, Luigi. 1986. *Italian syntax: A government-binding approach*. Dordrecht: Reidel.

Bybee, Joan L. 1985. *Morphology: A study of the relation between meaning and form*. Typological studies in language; 9. Amsterdam: John Benjamins.

Caha, Pavel. 2009. The nanosyntax of Case. Doctoral Dissertation, University of Tromsø, Tromsø.

Carnie, Andrew. 2008. *Syntax: A Generative Introduction*. Malden, MA/Oxford/Carlton: Blackwell Publishing, second edition.

Chomsky, Noam. 1957. *Syntactic structures*. 's-Gravenhage: Mouton.

Chomsky, Noam. 1965. *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Chomsky, Noam. 1970. Remarks on nominalization. In *Readings in English transformational grammar*, ed. Roderick A. Jacobs and Peter S. Rosenbaum, 184–221. Washington, D.C.: Georgetown University Press.

Chomsky, Noam. 1981. *Lectures on government and binding*. Studies in Generative Grammar 9. Dordrecht: Foris.

Chomsky, Noam. 1986. *Barriers*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Chomsky, Noam. 1993. A minimalist program for linguistic theory. In *The view from building 20: Essays in linguistics in honor of*

Sylvain Bromberger, ed. Kenneth Hale and Samuel Jay Keyser, 1–52. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Chomsky, Noam. 1995. *The minimalist program*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Chomsky, Noam. 2000. Minimalist inquiries: The framework. In *Step by step: Minimalist essays in honor of Howard Lasnik*, ed. Roger Martin, David Michaels, and Juan Uriagereka, 89–155. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Chomsky, Noam. 2001a. Beyond explanatory adequacy. *MIT Occasional Papers in Linguistics* 20.

Chomsky, Noam. 2001b. Derivation by phase. In *Ken Hale: A life in language*, ed. Michael Kenstowicz, 1–52. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Chomsky, Noam. 2005. Three factors in language design. *Linguistic Inquiry* 36:1–22.

Chomsky, Noam. 2008. On phases. In *Foundational issues in linguistic theory*, ed. Robert Freidin, Carlos Peregrín Otero, and Maria Luisa Zubuzarreta, 133–166. Cambridge, MA: MIT Press.

Cinque, Guglielmo. 1990. *Types of A'-dependencies*. Linguistic inquiry monographs; 17. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Cinque, Guglielmo. 1999. *Adverbs and functional heads: A cross-linguistic perspective*. New York: Oxford University Press.

Cinque, Guglielmo, ed. 2002. *Functional structure in the DP and IP. The cartography of syntactic structures*, volume 1. Oxford: Oxford University Press.

Cinque, Guglielmo. 2005. Deriving Greenberg's Universal 20 and its exceptions. *Linguistic Inquiry* 36:315–322.

Cinque, Guglielmo. 2006. *Restructuring and functional heads. The cartography of syntactic structures*, volume 4. Oxford: Oxford University Press.

Cinque, Guglielmo, and Luigi Rizzi, ed. 2010. *Mapping spatial PPs. The cartography of syntactic structures*, volume 6. Oxford: Oxford University Press.

Citko, Barbara. 2004. On headed, headless, and light-headed relatives. *Natural Language & Linguistic Theory* 22:95–126.

Collins, Chris. 1997. *Local economy*. Linguistic inquiry monographs; 29. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Comrie, Bernard. 1976. *Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge textbooks in linguistics. Cambridge: Cambridge University Press.

Craenenbroeck, Jeroen van, ed. 2009. *Alternatives to cartography*. Berlin: De Gruyter.

Crain, Stephen, and Rosalind Thornton. 1998. *Investigations in Universal Grammar: A guide to experiments on the acquisition of syntax and semantics*. Cambridge, MA: MIT Press.

Culicover, Peter W. 1997. *Principles and parameters: An introduction to syntactic theory*. Oxford: Oxford University Press.

Daneš, František. 1970. One instance of Prague school methodology: Functional analysis of utterance and text. In *Method and theory of linguistics*, ed. P.L. Garvin, 132–140. The Hague: Mouton.

Davidson, Donald. 1980. The logical form of action sentences. In *Essays on actions and events*. Oxford: Clarendon Press.

Demirdache, Hamida, and Myriam Uribe-Etxebarria. 2000. The primitives of temporal relations. In *Step by step. Essays on minimalist syntax in honour of Howard Lasnik*, ed. Roger Martin, David Michaels, and Juan Uriagereka, 157–186. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Demirdache, Hamida, and Myriam Uribe-Etxebarriaria. 2004. The syntax of time adverbials. In *The syntax of time*, ed. Jacqueline Guéron and Jacqueline Lecarme, volume 37 of *Current Studies in Linguistics*, 143–180. MIT, Cambridge, Ma.: MIT Press.

Dowty, David R. 1979. *Word meaning and Montague grammar: The semantics of verbs and times in generative semantics and in Montague's PTQ*. Dordrecht: Reidel.

Embick, David. 1998. Voice systems and the syntax/morphology interface. *MIT Working Papers in Linguistics* 32:41–72.

Embick, David, and Rolf Noyer. 2008. Distributed morphology and the syntax-morphology interface. In *The Oxford handbook of linguistics interfaces*, ed. Gillian Ramchand and Charles Reiss, chapter 9, 289–324. Oxford, New York: Oxford University Press.

Emonds, Joseph. 1999. How clitics license null phrases. In *Clitics in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology*, ed. Henk C. van Riemsdijk, 291–367. Berlin: Mouton de Gruyter.

Emonds, Joseph E. 1985. *A unified theory of syntactic categories*, volume 19 of *Studies in Generative Grammar*. Dordrecht: Foris.

Epstein, Samuel David. 1999. Un-principled syntax and the derivation of syntactic relations. In *Working minimalism*, ed. Samuel David Epstein and Norbert Hornstein. Cambridge, MA: MIT Press.

Epstein, Samuel David, Erich M. Groat, Ruriko Kawashima, and Hisatsugu Kitahara. 1998. *A derivational approach to syntactic relations*. Oxford: Oxford University Press.

Epstein, Samuel David, and T. Daniel Seely, ed. 2002. *Derivation and explanation in the Minimalist Program*. Malden, Mass./ Oxford: Blackwell.

Epstein, Samuel David, and T. Daniel Seely. 2006. *Derivations in minimalism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ernst, Thomas. 2002. *The syntax of adjuncts*. Cambridge: Cambridge University Press.

Everaert, Martin, and Henk van Riemsdijk, ed. 2005. *Blackwell companion to syntax*, volume 1-5. Oxford: Blackwell.

Firbas, Jan. 1971. On the concept of communicative dynamism in the theory of functional sentence perspective. In *Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity a (19)*, 135–144. Brno: Masarykova univerzita.

Fleischer, Nicolas. 2006. Russian dative subjects, case, and control. Ms. Berkeley: University of California.

Foley, William A., and Robert D. van Valin. 1984. *Functional syntax and Universal grammar*. Cambridge: Cambridge University Press.

Fox, Danny. 1995. Economy and scope. *Natural Language Semantics* 3:283–300.

Fox, Danny. 2002. Antecedent-contained deletion and the copy theory of movement. *Linguistic Inquiry* 33:63–96.

Franks, Steven. 1995. *Parameters of Slavic morphosyntax*. Oxford studies in comparative syntax. New York: Oxford University Press.

van Geenhoven, Veerle. 1998. *Semantic incorporation and indefinite descriptions: Semantic and syntactic aspects of noun incorporation in West Greenlandic*. The University of Chicago Press.

Giorgi, Alessandra, and Fabio Pianesi. 1997. *Tense and aspect: From semantics to morphosyntax*. New York: Oxford University Press.

Gleitman, Lila R., and Mark Liberman, ed. 1995. *An invitation to cognitive science. Vol. 1. Language.*. Cambridge, MA: MIT Press.

Gribanova, Vera. 2009. Ellipsis and the syntax of verbs in Russian. NYU Linguistics Department Colloquium.

Gribanova, Vera. To appear. Verb-stranding verb phrase ellipsis and the structure of the Russian verbal complex. *Natural Language & Linguistic Theory* .

Grimshaw, Jane, and Sten Vikner. 1993. Obligatory adjuncts and the structure of events. In *Knowledge and language. Vol. 2: Lexical and conceptual structure*, ed. Eric Reuland and Werner Abraham, 143–155. Dorcrecht, Boston, London: Kluwer.

Grodzinsky, Yosef, and Tanya Reinhart. 1993. The innateness of binding and coreference. *Linguistic Inquiry* 24:69–101.

Haegeman, Liliane. 1994. *Introduction to Government and Binding Theory*. Cambridge, MA: Blackwell, 2nd edition.

Haegeman, Liliane. 1997. *Elements of grammar: handbook of generative syntax*, volume 1 of *Kluwer international handbooks of linguistics*. Dordrecht: Kluwer.

Hajičová, Eva, Barbara Partee, and Petr Sgall. 1998. *Topic-focus articulation, tripartite structures, and semantic content*. Dordrecht: Kluwer.

Hajičová, Eva, and Petr Sgall. 1988. Topic and focus of a sentence and the patterning of a text. In *Text and discourse constitution*, ed. János Petöfi, 70–96. Berlin: Mouton de Gruyter.

Hajičová, Eva, Petr Sgall, and Eva Benešová. 1973. *Topic, focus, and generative semantics*. Kronberg Taunus: Scriptor.

Hale, Kenneth, and Samuel Jay Keyser. 1993. On argument structure and the lexical expression of syntactic relations. In *View from Building 20: Essays in honor of Sylvain Bromberger*, ed. Kenneth Hale and Samuel Jay Keyser, 111–176. Cambridge, MA: MIT Press.

Halle, Morris, and Alec Marantz. 1993. Distributed morphology and the pieces of inflection. In *The view from building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger*, ed. Kenneth Hale and Samuel Jay Keyse, 111–176. Cambridge, MA: MIT Press.

Halliday, Michael. 1966. Intonation systems in English. In *Patterns of language: papers in general, descriptive and applied linguistics*, ed. A. McIntosh and M.A.K. Halliday, 111–183. London: Longmans.

Harley, Heidi, and Rolf Noyer. 1999. Distributed morphology. *GLOT International* 4:3–9.

Harves, Stephanie Annemarie. 2002. Unaccusative syntax in Russian. Doctoral Dissertation, Princeton University.

Haspelmath, Martin. 2011. The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax. *Folia Linguistica* 45.

Hatcher, Anna. 1956. Syntax and the sentence. *Word* 12:235–250.

Hicks, Glyn. 2009. *The derivation of anaphoric relations*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.

Holmberg, Anders. 2005. Is there a little pro? *Linguistic Inquiry* 36:533–564.

Hornstein, Norbert. 1999. Movement and control. *Linguistic Inquiry* 30:69–96.

Hornstein, Norbert. 2001. *Move! A minimalist theory of construal*. Oxford: Blackwell.

Hornstein, Norbert, and Samuel David Epstein, ed. 1999. *Working minimalism*. Current studies in linguistics 32. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Hornstein, Norbert, Jairo Nunes, and Kleanthes K. Grohmann. 2005. *Understanding Minimalism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hornstein, Norbert, and Maria Polinsky, ed. 2010. *Movement theory of control*. Amsterdam: John Benjamins.

Hornstein, Norbert, and Amy Weinberg. 1981. Case theory and preposition stranding. *Linguistic Inquiry* 12:55–91.

Horvath, Julia. 2005. Pied-Piping. In *The Blackwell Companion to Syntax*, ed. Henk van Riemsdijk Rob Goedemans Everaert, Martin and Bart Hollebrandse, volume III, 569–630. Malden, MA/Oxford/Carlton: Wiley-Blackwell.

Hualde, Jos'e Ignacio, and Jon Ortiz de Urbina. 2003. *A grammar of Basque*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Huang, C.-T. James. 1982. Logical relations in Chinese and the theory of grammar. Phd, MIT.

Huang, Yan. 2000. *Anaphora: A cross-linguistic study*. Oxford: Oxford University Press.

Iatridou, Sabine, Elena Anagnostopoulou, and Roumyana Izvorski. 2003. Observations about the forms and meaning of the Perfect. In *Perfect explorations*, ed. Artemis Alexiadou, Monika Rathert, and Arnim von Stechow, 153–204. Berlin: Mouton de Gruyter.

Isačenko, Alexander. 1960. *Grammatičeskij stroj russkogo jazyka. Morfologija. Častj vtoraja [Grammatical composition of Russian. Morphology. Part 2]*. Bratislava: Vydavatelstvo Slovenskej Akadémie vied.

Jabłońska, Patrycja. 2007. Radical decomposition and argument structure. Doctoral Dissertation, University of Tromsø.

Jackendoff, Ray. 1972. *Semantic interpretation in generative grammar*. Current studies in linguistics series; 2. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Jackendoff, Ray. 2003. *The foundations of language*. Oxford: Oxford University Press.

Johnson, Kyle. 2008. Introduction. In *Topics in ellipsis*, ed. Kyle Johnson, 1–15. Cambridge (UK)/New York/Port Melbourne/Madrid/Capetown: Cambridge University Press.

Julien, Marit. 2002. *Syntactic heads and word formation*. New York: Oxford University Press.

Kayne, Richard S. 1984. *Connectedness and binary branching*. Studies in generative grammar; 16. Dordrecht, Holland; Cinnaminson, N.J., U.S.A.: Foris Publications.

Kayne, Richard S. 1994. *The antisymmetry of syntax*. Cambridge, Ma.: MIT Press.

Kayne, Richard S. 2002. Pronouns and their antecedents. In *Derivation and explanation in the minimalist program*, ed. Samuel David Epstein and T. Daniel Seely, 133–167. Malden, Mass./ Oxford: Blackwell.

Kazenin, Konstantin. 2004. Polarity in russian and typology of predicate ellipsis. University of Tübingen & Moscow State University, ms.

Khomitsevich, Olga. 2008. Dependencies across phases: From sequence of tense to restrictions on movement. Doctoral Dissertation, University of Utrecht, Utrecht.

Kiparsky, Paul. 1998. Partitive case and aspect. In *The projection of arguments: Lexical and compositional factors*, ed. Wilhelm Geuder and Miriam Butt, 265–307. Stanford, Ca.: CSLI.

Kiss, Katalin É. 2009. *Adverbs and adverbial adjuncts at the interfaces*. Berlin: Walter de Gruyter.

Klein, Wolfgang. 1995. A time-relational analysis of Russian aspect. *Language* 71:669 – 695.

Koopman, Hilda, and Anna Szabolcsi. 2000. *Verbal complexes*, volume 34 of *Current Studies in Linguistics*. Cambridge, Ma.: MIT Press.

Kulikov, Leonid I. 2009. Evolution of case systems. In *The Oxford handbook of case*, ed. Andrej Malchukov and Andrew Spencer, 439–457. Oxford University Press.

Laka, Itziar. 1990. Negation in syntax: On the nature of functional categories and projections. Phd, MIT.

Lambrecht, Knud. 1994. *Information structure and sentence form: topic, focus, and the mental representations of discourse referents*. Cambridge studies in linguistics ; 71. Cambridge: Cambridge University Press.

Landau, Idan. 2001. *Elements of control: Structure and meaning in infinitival constructions*. Dordrecht: Kluwer.

Lapointe, Steven G. 1980. A theory of grammatical agreement. Ph.d., University of Massachusetts, Amherst.

Larson, Richard K. 1988. On the double object construction. *Linguistic Inquiry* 19:335–391.

Lasnik, Howard. 2001. Derivation and representation in modern transformational syntax. In *Handbook of contemporary syntactic theory*, ed. Mark R. Baltin and Chris Collins, 62–88. Malden, MA/Oxford/Carlton: Blackwell.

Lasnik, Howard, and Mamoru Saito. 1984. On the nature of proper government. *Linguistic Inquiry* 15:235–289.

Lasnik, Howard, Juan Uriagereka, and Cedric Boeckx. 2005. *A Course in Minimalist Syntax*. Malden, MA: Blackwell.

Lavine, James E. 1998. Null expletives and the EPP in Slavic: A minimalist analysis. In *Formal Approaches to Slavic Linguistics 6*, ed. Željko Bošković, Steven Franks, and William Snyder, 210–30. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications.

Lavine, James E. 1999. Subject properties and ergativity in North Russian and Lithuanian. In *Formal Approaches to Slavic Linguistics 7*, ed. Katarzyna Dziwirek, Herbert Coats, and Cynthia Vakarelivska, 307–328. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications.

Lavine, James E. 2010. Case and events in transitive impersonals. *Journal of Slavic Linguistics* 18:101–130.

Lavine, James E., and Robert Freidin. 2002. The subject of defective Tense in Slavic. *Journal of Slavic Linguistics* 10:251 – 287.

Levin, Beth, and Malka Rappaport-Hovav. 1995. *Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface*. Cambridge, Ma.: MIT Press.

Lipták, Anikó Klára, ed. 2009. *Correlatives cross-linguistically*. Amsterdam: John Benjamins.

Lobeck, Anne. 1995. *Ellipsis. Functional heads, licensing and identification*. Oxford, New York, Toronto: Oxford University Press.

Macdonald, Maryellen C. 1989. Priming effects from gaps to antecedents. *Language and Cognitive Processes* 4:35–36.

Manzini, M. Rita, and Leonardo M. Savoia. 2002. Parameters of subject inflection in Italian dialects. In *Subjects, expletives, and the epp*, ed. Peter Svenonius, 159–201. New York: Oxford University Press.

Marantz, Alec. 1997. No escape from syntax: Don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon. In *Proceedings of the 21st Annual Penn Linguistics Colloquium*, ed. Alexis Dimitriadis and Laura Siegel, University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics, 201–225. Philadelphia: University of Pennsylvania.

Marantz, Alec. 2006. Phases and words. Manuscript, NYI.

Markman, Vita. 2008. On Slavic semelfactives and secondary imperfectives: Implications for the split 'AspP'. *University of Pennsylvania working papers in lingusitics* 14:255–268.

Martin, Roger, David Michaels, and Juan Uriagereka, ed. 2000. *Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*. Cambridge, Ma.: MIT Press.

Martins, Ana Maria. 2000. A minimalist approach to clitic climbing. In *Portuguese syntax: New comparative studies*, ed. João Costa. Oxford: Oxford University Press.

Mathesius, Vilém. 1932. O požadavku stability ve spisovném jazyce. In *Spisovná čeština a jazyková kultura*, ed. P. Havránek and M. Weingart, 14–31. Praha: Melantrich.

Mathesius, Vilém. 1947. O tak zvaném aktuálním členění větném. In *Čeština a obecný jazykozpyt*, 234–242. Praha: Melantrich.

Matushansky, Ora. 2002. On formal identity of Russian prefixes and prepositions. In *Phonological answers (and their corresponding questions)*, volume 42, 217–253. Cambridge, Ma.: MITWPL.

Matushansky, Ora. 2008. A case study of predication. In *Studies in Formal Slavic Linguistics. Contributions from Formal Description of Slavic Languages 6.5*, ed. Frank Marušič and Rok Žaucer, 213–139. Frankfurt am Main: Peter Lang Publishing House.

Matushansky, Ora. 2010. Some cases of Russian. In *Proceedings of FDSL 7.5*, ed. Gerhild Zybatow, Philip Dudchuk, Serge Minor, and Ekaterina Pshehotskaya. Frankfurt am Main: Peter Lang Publishing House.

Merchant, Jason. 2001. *The syntax of silence: Sluicing, islands, and the theory of ellipsis*, volume 1 of *Oxford studies in theoretical linguistics*. Oxford: Oxford University Press.

Mitkov, Ruslan. 2002. *Anaphora resolution*. New York: Longman.

Mitrenina, Olga. 2010. Correlatives: Evidence from Russian. In *Formal studies in Slavic linguistics: Proceedings of Formal Description of Slavic Languages 7.5*, ed. Gerhild Zybatow, Philip Dudchuk, Serge Minor, and Ekaterina Pshehotskaya, 135–151. Frankfurt am Main: Peter Lang Publishing House.

Müller, Gereon, and Wolfgang Sternefeld. 1993. Improper movement and unambiguous binding. *Linguistic Inquiry* 24:461–507.

Neeleman, Ad, and Tanya Reinhart. 1998. Scrambling and the PF interface .

Neeleman, Ad, and Kriszta Szendrői. 2007. Radical Pro Drop and the morphology of pronouns. *Linguistic Inquiry* 38:671–714.

Nicol, Janet, and David Swinney. 1989. The role of structure in coreference assignment during sentence comprehension. *Journal of Psycholinguistic Research* 18:5–20.

Nilsen, Øystein. 2003. Eliminating positions: Syntax and semantics of sentential modification. Phd, Universiteit Utrecht, Utrecht.

Ouhalla, Jamal. 1994. *Introducing transformational grammar: from rules to principles and parameters*. London: Edward Arnold.

Pancheva, Roumyana. 2003. The aspectual makeup of perfect participles and the interpretations of the perfect. In *Perfect explorations*, ed. Artemis Alexiadou, Monika Rathert, and Arnim von Stechow, volume 2 of *Interface Explorations*, 277–306. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Parsons, Terence. 1990. *Events in the semantics of English: A study in subatomic semantics*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Partee, Barbara H., and Vladimir Borschev. To appear. The semantics of russian genitive of negation: The nature and role of perspectival structure. *Proceedings from Semantics and Linguistics Theory* 14.

Pereltsvaig, Asya. 2006. Small nominlas. *Natural Language and Linguistic Theory* 24:433 – 500.

Pereltsvaig, Asya. 2007. On the universality of DP: A view from Russian. *Studia Linguistica* 61:59–94.

Perlmutter, David, and John Moore. 2002. Language-internal explanation: The distribution of Russian impersonals. *Language* 78:619–650.

Pesetsky, David. 1982. Paths and categories. Doctoral Dissertation, MIT.

Pesetsky, David, and Esther Torrego. 2001. T to C movement: Causes and consequences. In *Ken Hale: A life in language*, ed. Michael Kenstowicz. MIT, Cambridge, Ma.

Pesetsky, David, and Esther Torrego. 2004. Tense, case and the nature of syntactic categories. In *The syntax of time*, ed. Jacqueline Guéron and Jacqueline Lecann. Cambridge, Massachusetts/London, England: The MIT Press.

Pesetsky, David, and Esther Torrego. 2007. The syntax of valuation and the interpretability of features. In *Phrasal and clausal architecture: Syntactic derivation and interpretation*, ed. Vida Samiian Simin Karimi and Wendy K. Wilkins, volume 101 of *Linguistik Aktuell/Linguistics Today*, 262–294. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.

Pinker, Steven. 2007. *The stuff of thought: Language as a window into human nature*. Viking Adult.

Platzack, Christer. 2004. Agreement and the person phrase hypothesis. *Working Papers in Scandinavian Syntax* 73:83–112.

Pollock, Jean Yves. 1989. Verb movement, universal grammar, and the structure of IP. *Linguistic Inquiry* 20:365–424.

Progovac, Ljiljana. 1996. Clitics in Serbian/Croatian: Comp as the second position. In *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*, ed. Aaron L. Halpern and Arnold M. Zwicky, 411–428. Stanford: CSLI Publications.

Rackowsky, Andrea, and Lisa Travis. 2000. V-initial languages: X or XP movement and adverbial placement. In *The syntax of verb-initial languages*, ed. Andrew Carnie and Eithne Guilfoyle. Oxford: Oxford University Press.

Radford, Andrew. 1997. *Syntactic theory and the structure of English: a Minimalist approach*. Cambridge: Cambridge University Press.

Radford, Andrew. 2004. *Minimalist syntax. Exploring the structure of English*. Cambridge University Press.

Ramchand, Gillian. 2004. Time and the event: The semantics of Russian prefixes. *Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes* 32.2:323–361. Http://www.ub.uit.no/munin/nordlyd.

Ramchand, Gillian. 2008. *Verb meaning and the lexicon: a first phase syntax*, volume 116 of *Cambridge Studies in Linguistics*. New York: Cambridge University Press.

Rappaport-Hovav, Malka, and Beth Levin. 2005. *Argument realizations*. Research Surveys in Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press.

Reichenbach, Hans. 1947. *Elements of symbolic logic*. New York: Macmillan.

Reinhart, Tanya. 1983. *Anaphora and semantic interpretation*. Croom Helm linguistics series. London: Croom Helm.

Reinhart, Tanya. 1995. *Interface strategies*. Utrecht: OTS Working Papers.

Reinhart, Tanya. 2000. Strategies of anaphora resolution. In *Interface strategies*, ed. Hans Bennis, Martin Everaert, and Eric Reuland, 295–324. Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences.

Reinhart, Tanya. 2002. The theta system: An overview. *Theoretical Lingusitics* 28:229–290.

Reinhart, Tanya. 2006. *Interface strategies: optimal and costly computations*. Cambridge: MIT Press.

Reinhart, Tanya, and Eric Reuland. 1993. Reflexivity. *Linguistic Inquiry* 24:657–720.

Reuland, Eric, ed. 2000. *Arguments and case. Explaining Burzio's Generalization*. Amsterdam: John Benjamins.

Reuland, Eric. 2001. Revolution, discovery, and an elementary principle of logic. *Natural Language and Linguistic Theory* 18:843–848.

Reuland, Eric. 2010. *Anaphora and language design*. Cambridge, MA: MIT Press.

Richards, Norvin. 2001. *Movement in language*. Oxford: Oxford University Press.

Rizzi, Luigi. 1982. *Issues in Italian syntax*. Dordrecht: Foris.

Rizzi, Luigi. 1990. *Relativized minimality*. Cambridge, Ma.: MIT Press.

Rizzi, Luigi. 1997. The fine structure of the left periphery. In *Elements of grammar: Handbook in generative syntax*, ed. Liliane Haegeman, 281–337. Dordrecht: Kluwer.

Rizzi, Luigi. 2004a. Locality and left periphery. In *Structures and beyond. the cartography of syntactic structures*, ed. Adriana Belletti, volume 3. OUP.

Rizzi, Luigi, ed. 2004b. *The structure of CP and IP. The cartography of syntactic structures*, volume 2. Oxford: Oxford University Press.

Romanova, Eugenia. 2007. Constructing perfectivity in russian. Doctoral Dissertation, University of Tromsø.

Romanova, Eugenia. 2009. *Constructing perfectivity in Russian: The syntax-semantics interface of verbal prefixes*. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller.

Ross, John Robert. 1967. Constraints on variables in syntax. Doctoral Dissertation, MIT.

Safir, Kenneth J. 2004a. *The syntax of anaphora*. Oxford: Oxford University Press.

Safir, Kenneth J. 2004b. *The syntax of (in)dependence*. Cambridge, MA: MIT Press.

Saito, Mamoru. 1989. Scrambling as semantically vacuous a'-movement. In *Alternative conceptions of phrase structure*, ed. Mark Baltin and Anthony Kroch, 182–200. University of Chicago Press.

Schoorlemmer, Erik, and Tanja Temmerman. 2010. On the interaction between verb movement and ellipsis in the PF-component. GLOW 33, Wrocław.

Scott, Gary-John. 2005. Stacked adjectival modification and the structure of nominal phrases. In *Functional structure in the DP and IP: The cartography of syntactic structures*, ed. Guglielmo Cinque, volume 1, 91–120. Oxford University Press.

Slioussar, Natalia. 2011. Russian and the EPP requirement in the Tense domain. *Lingua* .

Smith, Carlota S. 1997. *The parameter of aspect*, volume 43 of *Studies in linguistics and philosophy*. Dordrecht: Kluwer, revised edition.

Spencer, Andrew. 2001. The Word-and-Paradigm approach to morphosyntax. *Transactions of the Philological Society* 99:279–313.

Spencer, Andrew. 2004. Generalized paradigm function morphology. *York Papers in Linguistics* 2:93–106.

Spencer, Andrew, and Louisa Sadler. 2001. Syntax as an exponent of morphological features. In *Yearbook of morphology 2000*, ed. Geert Booij and Jaap van Marle, 71–96. Dordrecht: Kluwer.

Starke, Michal. 2001. Move dissolves into merge: A theory of locality. Phd, University of Geneva.

Starke, Michal. 2009. Nanosyntax. A short primer to a new approach to language. *Nordlyd: Tromsø University Working Papers in Language and Linguistics. Special Issue on Nanosyntax* 36:1–6. Available at http://www.ub.uit.no/baser/nordlyd.

Stowell, Tim. 1983. Subjects across categories. *Linguistic Review* 2:285–312.

Stowell, Tim. 1996. The phrase structure of tense. In *Phrase structure and the lexicon*, ed. Rooryck J. and L. Zaring. Dordrecht: Kluwer.

Stump, Gregory T. 2001. *Inflectional morphology: A theory of paradigm structure*, volume 93 of *Cambridge Studies in Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Svenonius, Peter. 2004a. On the edge. In *Peripheries: Syntactic edges and their effects*, ed. David Adger, Cécile de Cat, and George Tsoulas, 261–287. Dordrecht: Kluwer.

Svenonius, Peter. 2004b. Slavic prefixes inside and outside VP. *Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes* 32.2:323–361. Www.ub.uit.no/munin/nordlyd.

Svenonius, Peter. 2008. The position of adjectives and other phrasal modifiers in the decomposition of DP. In *Adjectives and adverbs: Syntax, semantics, and discourse*, ed. Louise McNally and Christopher Kennedy, 16–42. Oxford: Oxford University Press.

Szabolcsi, Anna. 2005. Strong vs Weak Islands. In *The Blackwell Companion to Syntax*, ed. Henk van Riemsdijk Rob Goedemans

Everaert, Martin and Bart Hollebrandse, volume IV, 471–531. Malden, MA/Oxford/Carlton: Wiley-Blackwell.

Szabolcsi, Anna, and Marcel den Dikken. 1999. Islands. *GLOT International* 4:3–8.

Szendrői, Kriszta. 2001. Focus and the syntax-phonology interface. Doctoral Dissertation, University College London, London.

Tatevosov, Sergei. 2003. The parameter of actionality. *Linguistic Typology* 6:317–402.

Tatevosov, Sergei. 2010. Severing perfectivity from its verb. A talk given at the conference "The Russian Verb" in St.Petersburg.

Tatevosov, Sergei, and Anna Pazelskaya. 2005. Uninflected VPs, deverbal nouns and aspectual architecture of Russian. A talk given at FASL 14, on May 6 2005, at Princeton University.

Thomas, Rose. 2003. The partitive in Finnish and its relation to the weak quantifiers. Doctoral Dissertation, The University of Westminster.

Tomasello, Michael. 2003. *Constructing a language*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Tomlin, Russel S. 1986. *Basic word order: Functional principles*. London: Croom Helm.

Truswell, Robert. 2008. Preposition stranding, passivization and extraction from adjuncts in Germanic. In *Linguistic variation yearbook*, ed. Jeroen Van Craenenbroek and Johan Rooryck, volume 8, 131–177. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Tsimpli, Ianthi-Maria. 1995. Focusing in Modern Greek. In *Discourse configurational languages*, ed. Katalin É. Kiss, 176–206. Oxford University Press.

Tuller, Laurice. 1992. The syntax of postverbal focus constructions in Chadic. *Natural Language & Linguistic Theory* 10:303–334.

Ortiz de Urbina, Jon. 1999. Focus in Basque. In *The grammar of focus*, ed. Georges Rebuschi and Laurice Tuller, 311–333. Amsterdam: John Benjamins.

Vendler, Zeno. 1967. *Linguistics in philosophy*. Ithaca, N.Y.,: Cornell University Press.

Vikner, Sten. 1985. Reichenbach revisited: One, two, or three temporal relations. *Acta Linguistica Hafniensia* 19:81–98.

Vilkuna, Maria. 1995. Discourse configurationality in Finnish. In *Discourse configurational languages*, ed. Katalin É. Kiss, 244–268. Oxford University Press.

de Vries, Mark. 2002. The syntax of relativization. Doctoral Dissertation, University of Amsterdam.

Žaucer, Rok. 2009. A VP-internal/Resultative Analysis of 4 "VP-External" Uses of Slavic Verbal Prefixes. Doctoral Dissertation, University of Ottawa, Available at http://ling.auf.net/LingBuzz/000828.

Walker, Marilyn, Joshi Aravind, and Ellen Prince, ed. 1998. *Centering theory in discourse*. Clarendon Press.

Webelhuth, Gert. 1995. *Government and binding theory and the minimalist program: principles and parameters in syntactic theory*. Generative syntax; 1. Oxford: Blackwell.

Wierzbicka, Anna. 1972. *Semantic primitives*. Frankfurt am Main: Athenäum.

Wierzbicka, Anna. 1996. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford: Oxford University Press.

Wiklund, Anna-Lena. 2007. *The syntax of tenselesseness. Tense/Mood/Aspect infinitivals*. Studies in Generative Grammar 92. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Wurmbrand, Susanne. 2001. *Infinitives. Restructuring and clause structure*. Studies in Generative Grammar 55. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Wurmbrand, Susi. 2004. Two types of restructuring — Lexical vs. functional. *Lingua* 114:991–1014.

Zaenen, Annie, Joan Maling, and Höskuldur Thráinsson. 1985. Case and grammatical functions: The Icelandic passive. *Natural Language and Linguistic Theory* 3:441–483.

Zagona, Karen. 1995. Temporal argument structure: configurational elements of construal. In *Temporal reference, aspect and actionality. Vol. 1: Semantic and syntactic perspectives*, ed. Pier Marco Bertinetto, Valentina Bianchi, James Higginbotham, and Mario Squartini, 397 – 410. Torino: Rosenberg and Sellier.

Zamparelli, Roberto. 2000. *Layers in the determiner phrase*. New York: Garland.

Zwart, Jan-Wouter. 2002. Issues related to a derivational theory of binding. In *Derivation and explanation in the minimalist program*, ed. Samuel David Epstein and T. Daniel Seely, 269–304. Malden, Mass./ Oxford: Blackwell.

Бейкер, М.К. 2008. *Атомы языка. Грамматика в темном поле сознания*. Москва: URSS.

Бейлин, Дж.Ф. 2006. Краткая история генеративной грамматики. В сборнике *Современная американская лингвистика: фундаментальные направления*. Ред. Кибрик А.А., Кобозева И.М. и Секерина И.А. Издание 3-е, 1-10. Москва: URSS.

Борик, О.М. 1995. Синтаксический признак неаккузативности глагола (на материале русского языка). Дипломная работа. ОТиПЛ.

Дудчук Ф.И., Минор С.А. 2007. Формальные теории глагольной группы. Курс лекций ОТиПЛ МГУ. Доступен на http://seminars.narod.ru/spring2007/.

Земская, Е.А. 1973. *Современный русский язык. Словообразование*. Москва: Просвещение.

Земская, Е.А. 2004. *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*. Москва: Флинта.

Земская Е.А., Ширяев Е.Н., Китайгородская М.В. 1981. *Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис.*. Москва: Наука.

Золотова, Г.А. 2005. *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. Москва: Едиториал URSS.

Золотова, Г.А. 2006. *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва: Едиториал URSS.

Исакадзе Н.В., Кобозева И.М. 2006. Генеративная грамматика и русистика: проблемы падежа и вида. В сборнике *Современная американская лингвистика: фундаментальные направления.* Ред. Кибрик А.А., Кобозева И.М. и Секерина И.А. Издание 3-е, 142-167. Москва: URSS.

Исаченко, А.В. 2003. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Издание второе*. Москва - Вена: Языки славянской культуры.

Казенин, К.И. 2006. Современные формальные теории синтаксиса: сопоставление трактовок грамматической анафоры. В сборнике *Современная американская лингвистика: фундаментальные направления*, под ред. Кибрика А.А., Кобозевой И.М. и Секериной И.А. 403–431. Москва: URSS.

Казенин К.И., Тестелец Я.Г. 2006. Исследование синтаксических ограничений в генеративной грамматике. В сборнике *Современная американская лингвистика: фундаментальные направления.* Ред. Кибрик А.А., Кобозева И.М. и Секерина И.А. Издание 3-е, 58-109. Москва: URSS.

Ковтунова, И.И. 1980. Порядок слов. В сборнике *Русская грамматика* под ред. Шведовой, Н.Ю.. В 2 т.: Т.2. 190-214. Москва: АН СССР.

Ковтунова, И.И. 2006. *Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения.* Москва: Едиториал URSS.

Кондрашова, Н.Ю. 2006. Генеративная грамматика и проблема свободного порядка слов. В сборнике *Современная американская лингвистика: фундаментальные направления.* 110–141. URSS. Ред. Кибрик А.А., Кобозева И.М. и Секерина И.А. Издание 3-е, 110-141. Москва: URSS.

Лаптева, О.А. 2003. *Русский разговорный синтаксис.* Москва: Едиториал URSS.

Лютикова, Е.А. 2008. Загадки русских относительных предложений. Синтаксические структуры-2, Москва, РГГУ.

Мусинова, Т.В. 2005. Семантическое описание русской глагольной приставки *пере-*: традиции и современный подход. *Материалы международной конференции "Диалог 2005"* .

Падучева, Е.В. 1984. Коммуникативная структура предложе¬ния и понятие коммуникативной парадигмы. *Научно-техническая информация. Сер. 2* 25–31.

Падучева, Е.В. 1989. К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности. В сборнике *Вопросы кибернетики. Семиотические исследования* под ред. Успенского, В.А. 18–29. Москва: АН СССР, Научный совет по комплексной проблеме "Кибернетика".

Падучева, Е.В. 1996. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива..* Москва: Школа "Языки русской культуры".

Пешковский, А.М. 1934. *Русский синтаксис в научном освещении.* Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство.

Плунгян, В.А. 2011. *Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира.* Москва: РГГУ.

Сиротинина, О.Б. 1974. *Современная разговорная речь и ее особенности.* Москва: Просвещение.

Сиротинина, О.Б. 2003. *Порядок слов в русском языке*. Москва: Едиториал URSS.

Слюсарь, Н.А. 2009. *На стыке теорий. Грамматика и информационная структура в русском и других языках*. Москва: URSS.

Татевосов, С.Г. 2009. Множественная префиксация и анатомия русского глагола. В сборнике *Корпусные исследования по русской грамматике*, под ред. Киселевой К.Л., Плунгяна В.А., Рахилиной Е.В. и Татевосова С.Г. Москва: Пробел.

Татевосов, С.Г. 2010. *Акциональность в лексике и грамматике. Диссертация на соискание звания Доктор филологических наук*. Москва: МГУ.

Татевосов С.Г., Пазельская А.Г. 2008. Отглагольное имя и структура русского глагола. В сборнике *Исследования по глагольной деривации*, под ред. Плунгяна В. А. и Татевосова С. Г. 348–379. Москва: Языки славянских культур.

Тестелец, Я.Г. 2001. *Введение в общий синтаксис*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.

Янко, Т.Е. 2001. *Коммуникативные стратегии русской речи*. Москва: Языки славянской культуры.

Предметный указатель

A'-передвижение, 118, 120, 284
A'-позиция, 118
A-передвижение, 118, 120, 284
A-позиция, 118

c-командование, 51
Condition on Extraction Domains, 116

EPP в области вершины T, 188

X-штрих-теория, 14, 34

адъюнкт, 40–42
актуальное членение предложения, 280
анафор, 228
антецедент, 228
базовое порождение, 284
вершина, 34
внешний аргумент, 94
внутренний аргумент, 94
временная группа, 39
вставка лексического материала, 220
гипотеза о единообразном приписывании тета-ролей, 61
граница фазы, 152
группа детерминатора, 177
группа комплементатора, 43
дифференц. признаки, 125
доминирование, 51
зависание предлога, 120
зияние, 296
ингерентный падеж, 83
информационная структура, 280
исключительное падежное маркирование, 89
клитика, 285, 303
  восхождение клитики, 306
  удвоение клитики, 306
комплемент, 34
комплементатор, 43
контроль, 89
концептуально-интенциональный интерфейс, 133
кореференция, 229
лексикон, 133
лексический аспект, 259
линеаризация, 46, 133
минимализм, 21
непосредственное доминирование, 51
обобщение Бурцио, 94, 307
общий признак, 150
ограничивающие узлы, 70
операция соединения, 133
остров, 107

сильный остров, 107
слабый остров, 107
относительные придаточные, 299
безвершинные, 301
коррелятивы, 300
легковершинные, 301
нерестриктивные, 300
рестриктивные, 300
падежный фильтр, 86
параметр нулевого подлежащего, 21
парное соединение, 138
пассивизация, 93
плавающие кванторы, 67
подъем, 87
подъем правого узла, 297
поздняя вставка, 216
полярные элементы, 52
потерпеть неудачу, 146
признаки, 124, 133
принцип пустой категории, 113
проверка признаков, 146
проекция, 162
прономинал, 228
просодически мотивированные передвижения, 293
псевдозияние, 297
псевдопассивизация, 120

размывание, 297
распределен. морфология, 215–223
расширенная стандартная теория, 12
рема, 281
реструктурирующ. глаголы, 304
референциальн. выражение, 229
связывание, 230
сенсомоторный интерфейс, 133
сильный остров
остров адъюнкта, 108
остров подлежащего, 108
остров сложной ИГ, 108
остров сочин. структур, 108
скрэмблинг, 283
слабый остров
остров вопросит. группы, 107
остров отрицания, 108
след, 63
согласование, 148
соединение множеств, 138
сойтись, 146
спецификатор, 34
стандартная теория, 11
структурный падеж, 83
сфера действия, 141
тема, 281
теория ограничения, 14, 70
теория относительной минимальности, 118
теория падежа, 14
теория принципов и параметров, 15
теория простых групп, 44
теория связывания, 15
теория управления, 14
теория управления и связывания, 14
теория фаз, 22, 152–157
тета-решетка, 58
тета-роль, 58
тета-теория, 14, 56
топик, 281
топикализация, 283
удаление внутри антецедента, 298
управление, 113
усвоение языка, 9
условие левой ветви, 122

условие непроницаемости фазы, 152
условие прилегания, 70
фокус, 281
формальный, 6
функциональный подход, 5
цепь, 119, 157
эксплетив, 87, 90, 103, 187
элементы с отрицательной полярностью, 52
эффект *that*-след, 115
эффект крысолова, 121, 157
эффекты реконструкции, 153
язык с вершиной слева, 47
язык с вершиной справа, 47